

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

на правах рукописи

Степаненкова Зоя Васильевна

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель –
доктор исторических наук
профессор В.П. Корзун

Омск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Жизненный путь В.В. Берви-Флеровского.....	46
1.1. Детство и юношеские годы В.В. Берви-Флеровского.....	46
1.2. В.В. Берви-Флеровский на службе в министерстве юстиции (место в поле производства идей раннего либерализма).....	63
1.3. От либерализма к народничеству (факторы конструирования собственных взглядов).....	84
Глава 2. Теоретические представления В.В. Берви-Флеровского.....	117
2.1. Представления В. В. Берви-Флеровского о развитии общества.....	117
2.2. В.В. Берви-Флеровский о происхождении, сущности и развитии государства.....	136
Глава 3. Оценка В.В. Берви-Флеровским реформ 1860-х гг. XIX в.....	155
3.1. В.В. Берви-Флеровский о возможных направлениях проведения судебной реформы и ее результатах.....	160
3.2. В.В. Берви-Флеровский о цензурной реформе.	176
3.3. В.В. Берви-Флеровский о результатах земской реформы.....	192
3.4. В.В. Берви-Флеровский о реформе народного просвещения.....	211
Заключение... ..	232
Источники и литература... ..	238

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Процесс модернизации России, затронувший все сферы жизнедеятельности общества, ставит на повестку дня необходимость обращения к историческому опыту тех периодов, когда в стране также проводились серьезные социально-экономические, политические и прочие преобразования. В этом плане наибольший интерес представляет собой середина – вторая половина XIX в. – время коренных трансформаций российского общества и кардинальных реформ, которые осуществлялись во многом благодаря передовой российской интеллигенции. Это время активного продуцирования новых идей, которые отражали и одновременно задавали ценностные ориентиры модернизации. Весьма значимым для понимания эпохи представляется рассмотрение этого времени с позиций интеллектуальной истории, одного из наиболее интересных направлений современной исторической науки. На сегодняшний день принципиальным для этого направления становится «учет взаимодействия между движением идей и социальными, политическими, религиозными и пр. контекстами, в которых эти идеи возникают, распространяются и трансформируются»¹.

Использование этого подхода позволит вычленил среди прочего процесс производства новых культурных ценностей, связанных с широким пониманием модернизации не только как социально-экономического и общественно-политического, но и морально-этического обновления российской действительности, их восприятия или отторжения интеллектуальным сообществом того времени, что в конечном итоге открывает перспективы для изучения формирования культурного поля модернизации как самостоятельной научной проблемы.

В центре нашего исследования находятся общественно-политические взгляды одного из интеллектуалов эпохи модернизации Вильгельма Вильгельмовича (Василия Васильевича) Берви (1829-1918 гг.), экономиста, социо-

---

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 338.

лога, философа и публициста, более известного как Василий Васильевич Берви-Флеровский. (Н. Флеровский – наиболее знаменитый псевдоним В.В. Берви, под которым была опубликована его книга «Положение рабочего класса в России» (1869 г.), ставшая культовой для демократически настроенной молодежи).

Под общественно-политическими взглядами мы понимаем систему представлений и убеждений, отражающих общественное и политическое бытие человека и содержащих его оценку. Реальное проявление они находят в предметном отношении к истории развития государства и общества, к отдельным политическим и социальным институтам и ценностям, органам власти, политическому и экономическому курсу правительства и т.д. Общественно-политические взгляды могут проявляться как на уровне отдельных социальных групп или общества в целом, так и на личностном уровне восприятия действительности. В последнем случае они зависят и от степени идеологизированности общества, и от социально-культурной ситуации, и от конкретных условий существования человека, уровня его образованности, ценностных ориентаций и т.п.²

Спектр общественно-политических интересов В.В. Берви-Флеровского достаточно широк. Его статьи были посвящены наиболее острым проблемам современности, многие из которых не потеряли своего значения и сейчас. Проблема воспитания толерантности, влияние просвещения на развитие политической активности масс, роль свободной прессы и местного самоуправления в формировании гражданского общества – эти и многие другие вопросы, затрагивавшиеся В.В. Берви-Флеровским, остаются значимыми для современного российского общества.

Научная актуальность темы исследования связана, во-первых, с новейшими попытками освоения опыта модернизации в российской историографии; во-вторых, с недостаточной изученностью проблемы, отсутствием це-

---

² В основу приведенного определения положено определение термина «Взгляды политические» (Ушков А.М. Взгляды политические // Политическая энциклопедия. В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 201-202).

лостного представления о социально-политических воззрениях В.В. Берви-Флеровского и их восприятии общественно-политической мыслью; в-третьих, со все возрастающим интересом современной науки к персональной истории и новым методикам изучения личности, существенно расширяющим горизонты исследования. Рассмотрение взглядов исследователя в проблемном поле интеллектуальной истории позволит оценить его в первую очередь как представителя интеллектуалов, наряду с остальными генерирующего идеи, формировавшие культурное поле модернизации, задававшие ее основные ценностные ориентиры.

Все вышесказанное определяет научную и практическую актуальность избранной темы.

Степень изученности темы. Литература, использованная в диссертационном сочинении, может быть подразделена на три большие группы, в основу выделения которых положен хронологический принцип – дореволюционная, советская и постсоветская. Литература советского периода в свою очередь также может быть разбита на три подгруппы, отражающих логику развития проблематики в условиях жесткого социального контроля.

Первые публикации, посвященные творчеству В.В. Берви-Флеровского, появились еще в дореволюционный период, в конце 1860 - начале 1870-х гг., когда он приобрел наибольшую популярность. По мере выхода его работ в свет они рецензировались, нередко вызывая серьезный общественный резонанс³. Наибольшую известность В. В. Берви-Флеровскому принесла его книга «Положение рабочего класса в России», которая была высоко оценена не только отечественными авторами, но и западноевропейскими социалистами. К. Маркс, характеризуя эту работу, высоко оценивал автора как «серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенно-

---

³Рецензия на «Свободу речи, терпимость и наши законы о печати» // Вестник Европы. 1869. № 10. С. 937-948; Рецензия на «Положение рабочего класса в России» // Отечественные записки. 1869. № 2. С. 488-507; Рецензия на «Положение рабочего класса в России» // Библиограф. 1869. № 1. С. 19-27 и др.

го против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса»⁴.

В начале XX в., когда В.В. Берви-Флеровский был практически забыт современниками, в прессе появляется ряд статей либеральных авторов, призванных привлечь внимание к его бедственному положению⁵. В 1916 г. к личности В.В. Берви-Флеровского обращается представитель консервативного направления русской мысли – Е.С. Шумигорский⁶. Поводом к написанию статьи послужила публикация на страницах журнала «Голос минувшего» воспоминаний В.В. Берви-Флеровского и его жены. Подчеркивая роль В.В. Берви-Флеровского как «известного инициатора движения «в народ», «идейного возбудителя и руководителя» молодежи, Шумигорский сопоставлял его с известным литературным персонажем Ф.М. Достоевского – Н. Ставрогиным, обвиняя в сознательном использовании революционно настроенных молодых людей в качестве «пушечного мяса в борьбе с правительством». Автор позволил себе крайне нелицеприятные высказывания в адрес восьмидесятисемилетнего В.В. Берви-Флеровского, приписывая ему «тупое самодовольство», «манию величия» и «навязчивые идеи». За честь В.В. Берви-Флеровского вступился С.П. Мельгунов, точно подметивший весьма слабое знакомство автора с предметом его высказываний⁷.

В целом, литература этого периода представлена рецензиями и откликами на печатные работы В.В. Берви-Флеровского, но этот «малый жанр» весьма информативен в современном поле интеллектуальной истории, по-

⁴ Маркс К. Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих – членам Комитета русской Секции в Женеве // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 428.

⁵ Малиновский Н. А. Не пора ли вспомнить? // Русская мысль. 1905. № 5. С. 126-132; Малиновский Н. А. Проект земельной реформы Флеровского // Русская мысль. 1906. № 2. С. 97-117; Никифоров Л. П. Василий Васильевич Берви-Флеровский // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. СПб. 1914. № 5. С. 141-145; Пругавин А. Две биографии (Из истории русской литературы) // Русские ведомости. 1910. № 2 от 03.01.; Пругавин А. Забытый литературный ветеран // Русские ведомости. 1912. № 27.

⁶ Шумигорский Е. С. Исторический Ставрогин и русская молодежь второй половины XIX века // Исторический вестник. 1916. № 4. С. 265-272.

⁷ Мельгунов С. Независимые русские писатели // Голос минувшего. 1916. № 5-6. С. 401-402.

скольку позволяет выявить характер восприятия идей В.В. Берви-Флеровского.

После октября 1917 г. революционная деятельность и взгляды В.В. Берви-Флеровского рассматривались, в основном, в рамках исследований, посвященных изучению народнического движения. Советская историография народничества традиционно подразделяется в отечественной литературе на три этапа: с 1917 до середины 30-х годов; со второй половины 30-х до середины 50-х; со второй половины 50-х по начало 90-х годов, т.е. до распада СССР⁸. В такой хронологии и соответствующих ценностных ориентирах изучались и взгляды В.В. Берви-Флеровского.

Характерной чертой первого этапа было появление большого количества мемуаров участников народнических кружков. Многие из них содержат упоминания о громадном значении работы В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» для формирования мировоззрения молодежи⁹. Вскоре после опубликования мемуаров О.В. Аптекмана увидела свет книга того же автора «В.В. Берви-Флеровский (по материалам б. III Отделения и Д.Г.П.)», которая, по сути, явилась первой крупной публикацией, посвященной описанию жизненного пути мыслителя. Написанная на основании личных воспоминаний с привлечением значительного количества архивных материалов эта биография не потеряла своего значения до сегодняшних дней. О.В. Аптекман подробно освещает фактическую сторону жизнедеятельности В.В. Берви-Флеровского с начала 1860-х годов до 1896 г. – времени возвращения В.В. Берви-Флеровского из Лондона в Россию, кратко останавливается на содержании его основных произведений и, что особенно важно для нас, их восприятии народниками, приводит характеристику личности своего старшего товарища и его взглядов, определяя последние как утопические¹⁰.

⁸ Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 13.

⁹ Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 73; Дейч Л. Г. За полвека. М.- Л., 1926. С. 27; Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 64 и др.

¹⁰ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам б. III Отделения и Д. Г. П.) Л., 1925. С. 184.

Во многом благодаря появлению работ О.В. Аптекмана в литературе наметилось оживление интереса к личности В.В. Берви-Флеровского. Этому способствовала также деятельность секретаря днепропетровского истпрофа Г. Новополина, который разыскал могилу В.В. Берви в г. Сталино (ныне Донецк) и принял горячее участие в деле розыска и последующей передачи в Институт Маркса и Энгельса рукописей В.В. Берви-Флеровского. В 1929 г. под его авторством в местных газетах появились публикации о В.В. Берви-Флеровском¹¹. Позднее им была опубликована еще одна статья, проливающая свет на дальнейшую судьбу найденного архива¹².

В 1929 г. под названием «Записки революционера-мечтателя» в сокращенном виде были переизданы воспоминания В.В. Берви, ранее публиковавшиеся в «Голосе минувшего». В качестве предисловия к ним прилагалась статья М. Клевенского, который, отдавая дань заслугам В.В. Берви-Флеровского, подчеркивал идеалистический и утопический характер его взглядов¹³.

В том же году была опубликована статья Д.Б. Рязанова, отметившего незаслуженное забвение бывшего «властителя дум» молодежи 70-х годов¹⁴.

В начале 30-х гг. XX в. в монографии А.А. Кункля «Долгушинцы» были подробно рассмотрены взаимоотношения В.В. Берви-Флеровского с этим народническим кружком¹⁵. В печати разгорелась дискуссия об общности взглядов В.В. Берви-Флеровского и Н.Г. Чернышевского. Так, Б.П. Козьмин, отмечая значительное влияние, которое В.В. Берви-Флеровский оказал на долгушинцев, полагал, что сторонники его взглядов вряд ли могут считаться учениками Чернышевского¹⁶. Его точку зрения оспорил И. А. Теодорович,

¹¹ Новополин Г. Затерянная могила // Диктатура труда от 30.08.1929. С.5; Новополин Г. Затрачена могила // Зоря. 1929. № 9. С. 25-26.

¹² Новополин Г. Рукописи из архива Н. Флеровского (В.В. Берви) // Литературное наследство. 1933. № 7-8. С. 435-436.

¹³ Клевенский М. Предисловие // Записки революционера-мечтателя. М.-Л., 1929. С. 3-8.

¹⁴ Рязанов Д. Б. Письмо Флеровского К. Марксу /предисловие/ //Летописи марксизма. 1929. IX-X. С. 55-57.

¹⁵ Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1931.

¹⁶ Козьмин Б. П. Долгушинский кружок в истории русского революционного движения // Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1931. С. 7-21.

подчеркнувший определенную общность суждений В.В. Берви-Флеровского и Чернышевского¹⁷.

В 1932 г. в «Литературном наследстве» вышла в свет и одна из неопубликованных ранее работ Флеровского «Литературные либералы» с вступительной статьей Л.Б. Каменева. Он, признавая значение изложенных В.В. Берви-Флеровским конкретных наблюдений о положении крестьян в пореформенной России, резко критиковал теоретические построения автора, оценивая их как «произведение величайшего идейного путаника, наивнейшую помесь прудонизма и остатков фурьеризма со славянофильством»¹⁸.

Следует отметить также статью Л.М. Добровольского, посвященную судьбе запрещенных книг В.В. Берви-Флеровского. Написанная с привлечением архивных материалов она демонстрирует историю преследования работ В.В. Берви-Флеровского цензурными комитетами¹⁹.

В целом, для этого этапа советской историографии была характерна попытка запечатлеть для последующих поколений вклад В.В. Берви-Флеровского в деятельность революционной молодежи 1870-х годов. Вклад этот связывался в первую очередь с его революционной деятельностью и книгой «Положение рабочего класса в России», которая возбуждала в будущих революционерах «горячую любовь к угнетенным» и была довольно высоко оценена К. Марксом. Какие-либо серьезные попытки анализа мировоззрения В.В. Берви-Флеровского, его социально-политических воззрений, за исключением, пожалуй, работы О.В. Аптекмана, на этом этапе предприняты не были²⁰.

С 1935 г. научная разработка истории народничества была свернута, прежняя положительная оценка деятельности народников сменяется жест-

¹⁷ Теодорович И. А. Кем же, наконец, были долгушинцы (К 60-летию кружка долгушинцев) // Каторга и ссылка. 1933. №2. С. 7-36.

¹⁸ Каменев Л. Б. Маркс о Флеровском // Литературное наследство. 1931. № 2. С. 55-60.

¹⁹ Добровольский Л. М. Запрещенные и уничтоженные книги В.В. Берви-Флеровского // Литературное наследство. 1933. № 7-8. С. 163-180.

²⁰ Заблоцкий В. П. В.В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении. Автореф. канд ист.наук. Днепрпетровск, 1990. С. 6.

кой критикой их как «злейших врагов марксизма»²¹. Как справедливо отмечалось в литературе о народничестве, такой оценочный поворот был связан с высказыванием И.В. Сталина, который вскоре после убийства С.М. Кирова в кругу приближенных заявил: «Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов»²². Это автоматически сказалось и на интерпретации взглядов В.В. Берви-Флеровского. На этом этапе развития отечественной историографии работ о нем почти не появлялось. Можно отметить лишь несколько статей, связанных с переизданием в 1938 г. его книги «Положение рабочего класса в России», в которых отсутствуют упоминания о связи В.В. Берви-Флеровского с народниками, подчеркивается утопический характер его воззрений²³. О. Абрамович в статье, посвященной анализу экономических взглядов В.В. Берви-Флеровского, отмечал, например, что Флеровский «не создал стройной системы экономических взглядов», подчеркивал сильное влияние на него идей Прудона. В целом, он оценивал В.В. Берви-Флеровского как «мечтателя», не понимавшего исторических закономерностей развития общества²⁴.

Более глубокой и обстоятельной представляется книга Г.М. Подорова «Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского», вышедшая в свет в конце рассматриваемого этапа, в 1952 г.²⁵. Автор, кратко остановившись на биографии В.В. Берви-Флеровского, подвергает детальному анализу его экономические представления с позиций марксизма. Он подробно рассматривает воззрения В.В. Берви-Флеровского на состояние экономики пореформенной России и причины ее отсталости, на положение народных масс, на значение общинного землевладения для дальнейшего развития страны и т.п.

Г.М. Подоров отмечает значительное влияние, оказанное В.В. Берви-Флеровским на революционную молодежь начала 70-х годов XIX в., бли-

²¹ Троицкий Н. А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 15-16.

²² Там же. С. 16.

²³ Абрамович О. Предисловие // Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938. С.5-24.; Бушув С. Рецензия на книгу Флеровского // Историк-марксист. 1938. Кн. 5. С. 203-204.

²⁴ Абрамович О. Экономические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы экономики. 1937. № 1. С. 127-142.

²⁵ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952.

зость его взглядов к народническим, одновременно подчеркивая, что тот не являлся непосредственно участником ни одного из кружков, поскольку колебался в вопросах необходимости революционной борьбы. Не умаляя роли В.В. Берви-Флеровского как критика крепостничества, защитника интересов народа, работы которого «ускорили подготовку условий для распространения марксизма в России», автор, тем не менее, подвергает критике его представления о ходе исторического процесса, о путях достижения идеального общества и т.п.

Особое значение для нас эта работа имеет в силу того, что Г.М. Подоров останавливается и на социально-политических представлениях В.В. Берви-Флеровского. Он рассматривает его взгляды на развитие человеческого общества, на роль в этом процессе просвещения и свободы слова, характеризует отношение Флеровского к религии, национальному вопросу, колониальной политике европейских стран. Затрагивает автор и проблему восприятия В.В. Берви-Флеровским современных ему социально-политических институтов, к которым могут быть отнесены система народного просвещения, земские учреждения и др. Отметим, что, по мнению Г.М. Подорова, «наиболее сильной и прогрессивной» чертой творчества В.В. Берви-Флеровского была «сторона критическая», связанная с «разоблачением антинародного характера всего существующего общественного строя»²⁶. В силу этого автор наибольшее внимание уделяет именно критике В.В. Берви-Флеровским той или иной стороны российской действительности, в меньшей степени рассматривая конструктивную составляющую его общественно-политических проектов. В результате некоторые оценки Г.М. Подоровым идей В.В. Берви-Флеровского оказываются искаженными (оценка деятельности земств, например) и требуют корректировки в современной историографической ситуации.

Новый этап изучения народничества начался с середины 1950-х годов. В это время появляется целый ряд публикаций по народнической тематике,

---

²⁶ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 57.

расширяется их проблематика. Более серьезному рассмотрению подвергается и деятельность В.В. Берви-Флеровского, выходит в свет двухтомник его работ, активизируется изучение отдельных аспектов его творчества.

В 1958-1959 гг. Г.М. Подоров завершает работу по изданию сборника экономических произведений В.В. Берви-Флеровского. Кроме «Положения рабочего класса в России» туда вошли последняя книга из третьей части «Азбуки социальных наук» и статьи, опубликованные в дореволюционных журналах, среди которых и «Заметки земца о земских изданиях и земских приемах». Двухтомник сопровождался вступительной статьей, в которой помимо изложения взглядов В.В. Берви-Флеровского, ранее проанализированных в монографии Г.М. Подорова, отмечалась близость его взглядов по многим вопросам к революционным народникам. Одновременно автор выделил отличия представлений В.В. Берви-Флеровского от воззрений либерального народничества, сводившиеся, по мнению Г.М. Подорова, к его отказу в 80-90-е годы XIX в. от защиты кулачества, верности идеалам утопического социализма и непрекращающейся борьбе с царским самодержавием в защиту интересов народа²⁷. С этого момента вновь наметилась тенденция к подчеркиванию связи В.В. Берви-Флеровского с революционным народничеством.

В это время почти во всех работах, освещающих деятельность революционных народников, отмечается значительное влияние на формирование их революционного сознания «Положения рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровского²⁸.

Появляются также публикации, в центре внимания которых становятся жизненный путь, деятельность и отдельные аспекты мировоззрения В.В. Берви-Флеровского.

²⁷ Подоров Г. М. Жизнь и творчество В.В. Берви-Флеровского // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в двух томах. М., 1958. Т. 1. С. 5-30.

²⁸ Реуэль А. Л. Русская экономическая мысль 60-70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 168-173; Левин Ш. М. Общественное движение в России 60-70-е годы XIX века М., 1958. С. 352-357; Народническая экономическая литература. Избранные экономические произведения. М., 1958. С. 20-25; работы Троицкого Н. А., Итенберга Б. С. и пр.

Так, в 1958 г. появилась статья Т.С. Рязанцева, освещающая место В.В. Берви-Флеровского в русском революционном движении²⁹. Автор полагал, что в отечественной литературе деятельность Флеровского раскрыта недостаточно, бытует представление о нем как о противнике революционных преобразований, в то время как все его действия были направлены на приближение революции. Т.С. Рязанцевым была предпринята попытка максимально подробно рассмотреть революционно-практическую деятельность В.В. Берви-Флеровского, однако следует отметить малое количество привлекаемых им источников (в сравнении, например, с О.В. Аптекманом). Кроме того, исследователь на этом этапе своей деятельности не попытался рассмотреть взгляды В.В. Берви-Флеровского на роль и место революционных преобразований в истории. К этой проблеме он обратится намного позже.

Начало 1960-х годов было ознаменовано появлением работы М.М. Плакиды, который в популярной форме излагает биографию В.В. Берви-Флеровского³⁰. Автор вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы, подробно рассматривает публицистическую и литературную деятельность В.В. Берви-Флеровского. Также он затрагивает отдельные стороны идеологии В.В. Берви-Флеровского, прежде всего в ее части, связанной с экономическими воззрениями и отразившейся на страницах его произведений. В 1962 г. был опубликован автореферат диссертационного сочинения М.М. Плакиды, посвященный анализу экономических воззрений В.В. Берви-Флеровского³¹.

В связи с юбилеем выхода в свет «Положения рабочего класса в России» в журнале «Вопросы истории» появилась статья П.А. Ляхова³², содержащая краткие сведения о биографии В.В. Берви-Флеровского. Характеризуя воззрения В.В. Берви-Флеровского, П.А. Ляхов оценивает его как «просве-

---

²⁹ Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос. пед. института. Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 81-108.

³⁰ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960.

³¹ Плакида М. М. Экономические взгляды В.В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. экон. наук. Жданов, 1962.

³² Ляхов П. А. К 100-летию книги Берви-Флеровского // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 202-206.

тителя-демократа, утопического социалиста, представителя кругов революционных народников».

В книге В.Ф. Захариной³³, посвященной анализу народнической литературы, была проанализирована написанная В.В. Берви-Флеровским для долгушинцев прокламация «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы».

В работе М.Д. Рабиновича рассматривается отношение К. Маркса к работам В.В. Берви-Флеровского. Автор, отмечая крайне широкий круг интересов В.В. Берви-Флеровского, оценивает его мировоззренческие установки как социализм-утопизм народнического толка, подчеркивает, что дальнейшее развитие России он связывал с эволюцией крестьянской общины³⁴. Кроме того, М.Д. Рабинович широко привлекает переписку К. Маркса и Ф. Энгельса, подробно останавливаясь на положительных оценках ими «Положения рабочего класса в России», чтобы подчеркнуть значение работ В.В. Берви-Флеровского.

В ряде работ проводится мысль о значительном месте В.В. Берви-Флеровского в народническом движении. Так, И.К. Пантин в своей монографии отметил, что В.В. Берви-Флеровский сумел обнаружить «точку приложения социализма к конкретным проблемам пореформенной России», и наряду с М.А.Бакуниным, П.Л. Лавровым и П.Н. Ткачевым стоял у истоков революционного народничества³⁵. В более поздней коллективной монографии 1986 г., одним из соавторов которой он являлся, приводится оценка В.В. Берви-Флеровского как одного из идеологов действенного народничества. Авторы вновь подчеркивают, что одной из главных заслуг мыслителя является формулировка им социализма «как политического и нравственного принципа, как формулы непосредственного действия»³⁶. Для нашего ис-

---

³³ Захарина В. Ф. Голос революционной России (Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. «Издания для народа»). М., 1971. С. 80-84.

³⁴ Рабинович М. Д. К. Маркс о В.В. Берви-Флеровском // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М., 1974. С. 41-49.

³⁵ Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопий к науке. М., 1973. С. 196-197, 214.

³⁶ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М., 1986. С. 229.

следования этот вывод представляется достаточно важным, поскольку в нем отражена мысль не только о восприятии широким кругом молодых людей воззрений В.В. Берви-Флеровского, но и о превращении этих идей в мощный стимул их участия в революционном движении. В 1990 г. вышла работа В.П. Заблоцкого, который посвятил свое исследование выяснению роли В.В. Берви-Флеровского в российском освободительном движении. Анализируя его деятельность и воззрения на широком круге источников, исследователь рассматривает В.В. Берви-Флеровского как идеолога революционного народничества, с именем которого в немалой степени связывается «становление этических оснований революционно-народнического движения». В.П. Заблоцкий подчеркивает, что взгляды В.В. Берви-Флеровского по всем основным параметрам (признание капитализма упадком, регрессом; обоснование возможности самобытного развития России, внимание к общине и т.п.) близки воззрениям прочих идейных лидеров этого течения³⁷.

Появляется и серия работ, рассматривающих деятельность В.В. Берви-Флеровского во время его пребывания в ссылках на окраинах Российской империи. К их числу могут быть отнесены работы Б.Г. Михайлова³⁸, В.Н. Водолазко³⁹, Л.П. Роцевской⁴⁰, Г.Х. Рабиновича⁴¹, Е. А. Кривошеевой⁴². Не обошли вниманием В.В. Берви-Флеровского и краеведы⁴³.

Отметим, что в работах Б.Г. Михайлова подчеркивается значительная роль пропагандистской деятельности В.В. Берви-Флеровского, что оспарива-

³⁷ Заблоцкий В. П. В.В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990. С.17.

³⁸ Михайлов Б. Г. Предвестники бури. Очерки о революционных народниках-вологжане. Архангельск, 1977. С. 7-10; Михайлов Б. Г. Революционное движение и политическая ссылка на Европейский Север России в 60-70-х гг. XIX в. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1984; Михайлов Б. Г. В.В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 3. С. 465-474.

³⁹ Водолазко В. Н. Социально-экономические проблемы Олонецкой губернии и Русского Севера в трудах В.В. Берви-Флеровского // Вопросы истории Европейского Севера. Историография и источниковедение. Петрозаводск, 1979. С. 108-121.

⁴⁰ Роцевская Л. П. Северная деревня в работах Н.В. Шелгунова и В.В. Берви-Флеровского (по материалам журнала «Дело») // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С.13-23.

⁴¹ Рабинович Г. Х. В.В. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 68-78.

⁴² Кривошеева Е. «Настоящее открытие для Европы...» // Разыскания. Кемерово, 1990. Вып. 1. С. 7-12.

⁴³ Бык Е. С Памяти нашего знатного земляка // Соц. Донбасс. 1945. 18 мая; Плакида М. М. В.В. Берви-Флеровский // Донбасс. 1959. №4 (42). С. 110-116; Савинов Д. Его ценил Маркс // Волга. 1966. 6 июля; Жуков И. Судьба поднадзорного демократа // Северная правда. 1969. 21 ноября.

ется Б.С. Итенбергом, полагавшим, что некоторое общение с молодежью «еще не доказательство революционной пропаганды»⁴⁴.

Определенный вклад в изучение деятельности В.В. Берви-Флеровского внесли и авторы публикаций, направленных на изучение периодики как средства трансляции революционных идей (В.В. Сельчук⁴⁵, Е.Л. Рудницкая⁴⁶, В. Е. Кельнер⁴⁷). Среди них стоит отметить работу А.П. Толстякова⁴⁸, в которой В.В. Берви-Флеровскому и его взаимоотношениям с издательством Н.П. Полякова посвящена отдельная глава. Особо выделим статью Т.В. Антоновой, которая содержит подсчет количества упоминаний работ В.В. Берви в каталогах народнических пропагандистов⁴⁹. Тем самым она позволяет более конкретно оценить степень влияния В.В. Берви-Флеровского на народническое движение и составить представление об определенной коммуникативной сети, через которую могли быть усвоены его идеи. Эта работа, по существу, намечает новый ракурс исследования взглядов ученого в духе интеллектуальной истории, хотя и не ставит проблему таким образом.

В литературе рассматриваемого периода предпринимались попытки обращения к оценке В.В. Берви-Флеровским реформ 1860-1870-х гг. Так, В.Г. Чернуха приводит краткую характеристику отношения В.В. Берви-Флеровского к податной реформе⁵⁰.

В 60-70-е годы XX века в советском литературоведении также обостряется внимание к литературному наследию В.В. Берви-Флеровского. Его литературной деятельности и художественным произведениям посвящены ра-

⁴⁴ Итенберг Б. С. П.Л. Лавров в русском революционном движении М., 1988. С.102.

⁴⁵ Сельчук В. В. Рабочий вопрос в России в публицистике 60-х годов XIX в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 224-239.

⁴⁶ Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать: 1964-1973. М., 1984. С. 303-306.

⁴⁷ Кельнер В. Е. Книжное дело и идейно-политическая борьба в России в 70-е – начале 80-х гг. XIX в. // Общественная мысль в России XIX в. Труды ЛОИИ СССР. Л., 1986. Вып. 16. С. 181-189.

⁴⁸ Толстяков А. П. Люди мысли и добра. Русские издатели К.Т. Солдатенков и Н.П. Поляков. М., 1984. С. 171-189.

⁴⁹ Антонова Т. В. Издания Н.П. Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки. М., 1985. Вып. 112. С. 71-97.

⁵⁰ Чернуха В. Г. Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60-70-х годов XIX в. // Общественная мысль в России. Труды ЛОИИ СССР. Л., 1986. Вып. 16. С. 133-158.

боты М.М. Плакиды⁵¹, В.И. Каминского⁵², В.Е. Гусева⁵³, М.Д. Зиновьевой⁵⁴, М.Т. Пинаева⁵⁵, Г.Г. Ермиловой⁵⁶, В.П. Мещерякова⁵⁷, Н.А. Биличенко⁵⁸.

Остановимся на некоторых из них подробнее. Работы В.И. Каминского, Н.А. Биличенко, М.Т. Пинаева позволяют проследить влияние идей В.В. Берви-Флеровского на ряд русских писателей XIX в. и отображение этих идей в их творчестве, что представляется важным для понимания путей трансляции воззрений ученого во времени и пространстве.

В статье В.П. Мещерякова проводится любопытное сопоставление биографий В.В. Берви-Флеровского и М.Н. Каткова и перипетии закрепления памяти о них в сознании читающей публики. В отличие от основной массы исследователей В.П. Мещеряков наиболее подробно останавливается не на революционной деятельности В.В. Берви-Флеровского, а на более ранних этапах его биографии – на времени его службы в министерстве юстиции. Исследователь анализирует фельетон В.В. Берви-Флеровского, написанный в ответ на обращенную к студентам речь Б.Н. Чичерина о вреде отрицательных движений. Отметим, что этот эпизод обычно оставался за рамками внимания исследователей. Кроме того, автор фокусирует внимание на письме В.В. Берви-Флеровского К.Д. Кавелину, в котором тот впервые затрагивает проблему «рабочего класса».

Переиздание работ В.В. Берви-Флеровского в 1958-1959 гг. поставило на повестку дня рассмотрение его мировоззренческих установок. В рассмат-

⁵¹ Плакида М. М. В.В. Берви-Флеровский как драматург // Донбасс. 1960. № 4 (48). С. 131-135.

⁵² Каминский В. И. В.В. Берви-Флеровский в русском общественно-литературном движении 70-80-х годов // Из истории русских литературных отношений XVIII-XIX вв. М.-Л., 1959. С. 256-265; Каминский В. И. «Положение рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровского как художественно-публицистическое произведение // Русская литература. 1962. № 4. С. 34-46.

⁵³ Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX – начала XX в. М.-Л., 1961. С. 21-40.

⁵⁴ Зиновьева М. Д. Роман В.В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» // Русская литература. 1967. № 3. С. 174-183.

⁵⁵ Пинаев М. Т. М. Горький и В.В. Берви-Флеровский // Русская литература. 1974. № 3. С. 206-215; Пинаев М. Т. Мысль, чувство и дело «рациональных идеалистов» В.В. Берви-Флеровского в романе «На жизнь и смерть» // Русские писатели и народничество. Горький, 1977. Вып. 2. С. 42-57.

⁵⁶ Ермилова Г. Г. «Вечные вопросы» в романе В.В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» // Поэтика писателя и литературный процесс. Тюмень, 1988. С. 39-47.

⁵⁷ Мещеряков В. П. Две судьбы (В.В. Берви-Флеровский и М.Н. Катков в годы первой революционной ситуации в России) // Русская литература. 1973. № 3. С. 172-183.

⁵⁸ Биличенко Н. А. Образ Симонсона в романе Л.Н. Толстого «Воскресенье» // Русская литература. 1972. № 4. С. 161-165.

риваемый период появляется целая серия публикаций, посвященных рассмотрению философских взглядов ученого. Работы А.Ф. Окулова, А.И. Мудрова, Т.С. Рязанцева были направлены на анализ представлений В.В. Берви-Флеровского о природе и ее развитии, о познаваемости мира и т.п.⁵⁹. Значительное внимание уделялось решению им основного вопроса философии, гиллозоистическим воззрениям В.В. Берви. Так, А.И. Мудров довольно высоко оценивал критику В.В. Берви-Флеровским идеалистической философии Э. Гартмана, пропаганду им дарвинизма; Т.С. Рязанцев отмечал материалистически-гиллозоистическую позицию Флеровского по ряду философских вопросов. Говоря об общественно-политических взглядах В.В. Берви-Флеровского, А.И. Мудров рассматривал его социологические представления, останавливаясь в первую очередь на концепции общественного развития, кратко затрагивались также вопросы отношения В.В. Берви-Флеровского к религии, оценки им национальной политики самодержавия, политики колониальных держав и военных конфликтов.

В 1960-1970-х годах исследование философских идей В.В. Берви-Флеровского продолжалось. В это время большее внимание исследователями уделялось его взглядам на развитие человеческого общества. Во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» дана характеристика исторических воззрений В.В. Берви-Флеровского, правда, весьма краткая⁶⁰. В 1971 г. увидела свет статья Н.М. Дружинина «Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского»⁶¹. Автор справедливо подчеркивает, что суждения В.В. Берви-Флеровского о ходе всемирной истории зачастую служат фактическим обоснованием его философской концепции, а его методы и выводы

⁵⁹ Окулов А. Ф. Философские и общественно-политические взгляды В.В. Флеровского // Очерки по философской и общественно-политической мысли народов СССР. М., 1956. Т. 2. С. 371-379; Мудров А. И. Философские и общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. М., 1958; Мудров А. И. О философских взглядах В.В. Берви-Флеровского // Философские науки. 1959. № 3. С. 182-191; Мудров А. И. В.В. Берви-Флеровский о реакционной сущности религии // XXIV съезд КПСС и проблемы общественного прогресса. Иваново, 1973. С.129-136; Рязанцев Т. С. Философские взгляды В.В. Флеровского // Ученые записки Коми гос. пед. ин-та. Сыктывкар, 1960. С. 83-121.

⁶⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Ч. II. С. 192-194.

⁶¹ Дружинин Н. М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 312-329.

«особенно характерны для демократического направления революционных разночинцев». Н.М. Дружинин отмечает, что В.В. Берви-Флеровский подходит к истории с идеалистических позиций, видя главную силу исторического прогресса в правильном общественном мнении. Согласно Н.П. Дружинину, он не замечает закономерностей исторического развития, не может увидеть его движущие силы. Такая критика характерна для советского историографического канона и отражает сложившуюся в исследовательской практике традицию партийности. В целом, по Н.М. Дружинину, изложение исторических фактов у В.В. Берви-Флеровского зачастую субъективно и эклектично и носит публицистический, а не исследовательский характер. Тем не менее, автор выделяет в качестве одной из наиболее сильных сторон произведений В.В. Берви-Флеровского острую постановку им вопросов морали. Кроме того, Н.М. Дружинин отмечает влияние на исторические воззрения В.В. Берви-Флеровского теории прогресса Кондорсе и теорий утопических социалистов, заостря тем самым внимание на поиске истоков его мировоззрения.

Статья Т.С. Рязанцева⁶², опубликованная в 1976 г., содержит подробный анализ отношения В.В. Берви-Флеровского к революционным изменениям общества, но, по мнению В.П. Заблоцкого, недостаточно четко сопоставляет их с теорией общественного прогресса Флеровского⁶³.

В обобщающей работе В.А. Малинина, посвященной философии революционного народничества, некоторое внимание уделено и В.В. Берви-Флеровскому. В сопоставлении с представлениями прочих народников рассматриваются его гносеологические взгляды, дается оценка его концепции возникновения государства как своеобразной трактовки договорной теории⁶⁴.

П.С. Шкуринов в своей работе, посвященной развитию философии позитивизма в России в XIX в., не останавливаясь подробно на взглядах

⁶² Рязанцев Т. С. Социально-политические взгляды В.В. Флеровского // Некоторые вопросы теории и истории общественного сознания. Научные труды Московского гос. заочн. пед. ин-та. М., 1976. Вып. 49. С. 63-76.

⁶³ Заблоцкий В. П. В.В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990. С. 8.

⁶⁴ Малинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972. С. 84-89, 260-261.

В.В. Берви-Флеровского, отмечает, что его работы вместе с трудами В. Ключевского, А. П. Щапова, М. Ковалевского подготовили общественную мысль России к восприятию материалистического понимания истории⁶⁵.

В диссертационном исследовании П.С. Прибутько рассмотрены философские аспекты вопросов революции, войны и мира в мировоззрении В.В. Берви-Флеровского⁶⁶. По нашему мнению, автор несколько переоценивает революционность взглядов В.В. Берви-Флеровского, полагая, что идея революции была «стержнем общетеоретических и исторических построений идеолога революционного народничества», что последний «пытался практически решить задачу революционного освобождения трудового народа». Определенные сомнения вызывает и тезис автора о взгляде В.В. Берви-Флеровского на историю человеческого общества как на «историю борьбы классов». Такое концептуальное осмысление представлений В.В. Берви-Флеровского на наш взгляд отражает попытку советских исследователей повысить значимость его работ, поднять своего героя до уровня марксизма. Тем не менее, следует отметить, что П.С. Прибутько, излагая воззрения В.В. Берви-Флеровского на природу и сущность войн, на меры по их предотвращению, привлек внимание исследователей к этой проблеме.

Таким образом, важной чертой этого этапа развития историографии является переиздание работ В.В. Берви-Флеровского. Кроме того, значительно расширилась проблематика посвященных ему исследований: 1) появилось более детальное, основанное на источниках описание отдельных этапов его биографии; 2) была предпринята попытка компаративистского осмысления места В.В. Берви-Флеровского в ряду идеологов народничества; 3) были более подробно рассмотрены философские воззрения В.В. Берви-Флеровского; 4) специальному исследованию подверглись конкретно-исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского; 5) были обозначены пробле-

---

⁶⁵ Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 315.

⁶⁶ Прибутько П. С. Философские вопросы революции, войны и мира в мировоззрении В. В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. Киев, 1983.

мы трансляции и восприятия его идей, хотя и в явно фрагментарном виде, и формирования особой коммуникативной сети для их распространения.

Тем не менее, хорошо заметна тенденция к преувеличению революционности В.В. Берви-Флеровского, к приближению его к марксистским идеалам, прежде всего в области философии. Ценностные ориентации марксизма, характерные для историографического почерка советских авторов, повлияли, в целом, и на интерпретацию исследователями общественно-политических и философских взглядов ученого.

Новый период в изучении народничества связан со временем социальных потрясений конца 1980-х – начала 1990-х годов. В этот период, с одной стороны, несколько снижается интерес историков к революционному движению вообще и к исследованию народничества в частности⁶⁷, с другой – начинают затрагиваться темы, ранее табуированные политическим режимом⁶⁸.

Следует отметить, что эти характеристики не до конца применимы к литературе о В.В. Берви-Флеровском. Примерно с начала 1990-х годов исследования этой, несомненно, масштабной личности продолжают. Главной особенностью этого периода может считаться обращение к отдельным аспектам воззрений В.В. Берви-Флеровского, к его научной и публицистической деятельности, при некотором снижении интереса к его участию в революционном движении и биографическим материалам. Такая тенденция обусловлена, с одной стороны, определенными успехами, достигнутыми отечественными историками в этих направлениях в предшествующий период, а с другой – возрастающим интересом к антропологическим процессам и личности в истории, в том числе к психологии и облику революционера, который то предельно возвеличивается, то подвергается дегероизации.

На этом этапе продолжается разработка мировоззренческих, прежде всего, философских идей В.В. Берви-Флеровского. В 1992 году была защи-

---

⁶⁷ Троицкий Н. А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 23.

⁶⁸ Зеленин Ю. А. Советская историография классического народничества в России. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2011. С. 8.

щена диссертация В.П. Евланникова⁶⁹, которая производит двойственное впечатление. С одной стороны автор явно выходит за рамки привычных подходов к изучению творчества В.В. Берви-Флеровского. На основании анализа ряда его художественных произведений В.П. Евланников впервые прослеживает представления В.В. Берви-Флеровского о формировании революционного сознания разночинца. С другой – он несколько необоснованно, на наш взгляд, трактует эволюцию взглядов Флеровского на роль революции в развитии общества, причисляя его к «леворадикальному крылу революционного народничества»⁷⁰. Недостаточно обоснованным и оторванным от общих воззрений В.В. Берви-Флеровского на исторический процесс представляется вывод В.П. Евланникова о переходе В.В. Берви-Флеровского «в лагерь радикалов-революционеров, «русских бланкистов»⁷¹, равно как и его тезис о «цельной схеме материалистического философского мировоззрения В.В. Берви-Флеровского»⁷². Кроме того, автор допускает в своей работе ряд фактических ошибок⁷³.

Примерно в это же время появилась серия работ О.Н. Грищенко⁷⁴. Отметим, что основные идеи, изложенные автором в этих работах, получили свое освещение в монографии О.Н. Грищенко и Т.Н. Емельяновой⁷⁵, вышедшей в свет в 2008 г. Авторы выделяют этапы творческой деятельности В.В. Берви-Флеровского, пытаются проследить эволюцию его мировоззре-

⁶⁹ Евланников В. П. Теория революции в социологии В.В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. СПб., 1992.

⁷⁰ Там же. С. 3.

⁷¹ Там же. С. 14.

⁷² Там же. С. 12.

⁷³ Так, В.П. Евланников приписывает вступительную статью к двухтомному изданию сочинений В.В. Берви-Флеровского М.М. Плакиде, тогда как ее автором является Г.М. Подоров (с. 4 ук. соч.); М.М. Плакиде же приписывается биографическая работа 1959 года издания «В.В. Берви-Флеровский» (там же), в то время как книга М.М. Плакиды «Бесстрашный труженик» вышла в 1960 г., а книга Г. М. Подорова «Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского» - в 1952 г. и т.п.

⁷⁴ Грищенко О. Н. О Гартмане в России. Э Гартман и В.В. Берви-Флеровский // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. «Вехи» и «веховцы». Русские мыслители и западные традиции. М. 1992. Вып. VII. С. 167-176; Грищенко О. Н. В.В. Берви-Флеровский о смысле жизни // Социальная теория и современность. О смысле жизни. М., 1992. С. 117-124.; Грищенко О. Н. Последние работы В.В. Берви-Флеровского // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. XX век. Неизвестное, забытое ... М., 1993. Вып. X. С. 8-41; Грищенко О. Н. Письма В.В. Берви-Флеровского П.Л. Лаврову // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. XIX век. Неизвестное, забытое... М., 1993. Вып. XII. С. 54-62; Грищенко О. Н. «Азбука социальных наук» В.В. Берви-Флеровского (опыт историософии). Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. М., 1993.

⁷⁵ Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008.

ния. Несомненной заслугой исследователей может считаться подробное рассмотрение истории создания и содержания «Азбуки социальных наук» – одного из главных сочинений В.В. Берви-Флеровского, в ходе анализа которого вычленяется суть представлений мыслителя о ходе исторического развития человечества. Авторы детально разбирают идеи Флеровского об общественном прогрессе и его составляющих (экономический, интеллектуальный, нравственный прогресс, прогресс организаций). Кроме того, в монографии подробно охарактеризованы воззрения В.В. Берви-Флеровского на западные и восточные цивилизации, а также на особую роль России.

В целом, отмечая некоторую близость замысла и реализации историософской концепции В.В. Берви-Флеровского в «Азбуке социальных наук» работе И.Г. Гердера, О.Н. Грищенко и Т.Н. Емельянова отстаивают мысль об оригинальности идей В.В. Берви-Флеровского.

В первое десятилетие XXI в. появилось и несколько работ, в которых рассматриваются воззрения В.В. Берви-Флеровского на проблему свободы слова. Особый интерес для нас представляет статья Л.М. Макушина⁷⁶, в которой автор подробно рассматривает концепцию терпимости В.В. Берви-Флеровского, базирующуюся, по мнению автора, на «этико-прагматическом» и «инструментально-целевом» основаниях. Л.М. Макушин справедливо отмечает, что В.В. Берви-Флеровский, по сути, выдвигает «идею общественного диалога», для осуществления которого необходима свобода речи. К сожалению, автор не попытался вписать изложенные им взгляды В.В. Берви-Флеровского в систему воззрений мыслителя на общественный прогресс в целом⁷⁷. Статья Е.П. Прохорова⁷⁸ посвящена изложению взглядов В.В. Берви-Флеровского, А.Д. Градовского и К.К. Арсеньева на отдельные проблемы свободы печати. Автор выделяет те принципы, которые, по мне-

---

⁷⁶ Макушин Л. М. Берви-Флеровский и его книга «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002. С. 160-179.

⁷⁷ Там же. С. 174.

⁷⁸ Прохоров Е. П. Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. М., 2003. № 4. С. 90-100.

нию всех трех ученых, должны лечь в основу справедливого законодательства о печати. Несмотря на некоторую нечеткость изложения, связанную с избранной автором формой подачи материала, справедливой представляется мысль Е.П. Прохорова об определенной общности взглядов рассматриваемых общественных деятелей. Проявляется она не только в обсуждении юридических вопросов с социально-политических позиций⁷⁹, но и в осознании необходимости изменения существующего законодательства о печати⁸⁰, в восприятии установления свободы речи как необходимой ступени на пути консолидации общества⁸¹. В монографии Л.М. Макушина также содержатся сведения о критике закона о печати 1865 г. юристами-публицистами, теоретиками и историками права. Среди прочих обозначена и позиция В.В. Берви-Флеровского⁸².

Примерно в это же время появились исследования, предметом которых стали правовые взгляды В.В. Берви-Флеровского. Впервые к этой проблематике обратился В.А. Томсинов. В 2001 г. была опубликована его статья, в которой автор приводит краткую биографию В.В. Берви-Флеровского и общую характеристику его правовых взглядов⁸³. Позднее эта работа почти дословно была включена автором в текст монографии о российских правоведах XVIII-XIX веков, в качестве одного из очерков⁸⁴.

Исследователь кратко останавливается на ранних работах В.В. Берви-Флеровского, приводит характеристику его взглядов на право собственности на землю, на налоговое законодательство, на вопросы свободы печати. Останавливается В.А. Томсинов и на его представлениях о необходимости введения международного уголовного закона, который бы определял наказа-

---

⁷⁹ Там же. С. 91.

⁸⁰ Там же. С. 93.

⁸¹ Там же. С. 99.

⁸² Макушин Л. М. Цензурный режим и журналистика: От «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г. В 2 кн. Екатеринбург, 2009. Кн. II. С.126.

⁸³ Томсинов В. А. Василий Васильевич Берви: правовед и революционер (1829-1918) // Законодательство. 2001. № 2. С. 79-84.

⁸⁴ Томсинов В. А. Российские правоведа XVIII-XIX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. М., 2007. Т. 1. С. 468-479.

ние для виновников военных конфликтов⁸⁵. Кратко упоминает он и том, что В.В. Берви-Флеровский являлся сторонником демократического государства, правовые установки в котором должны соответствовать инстинктам справедливости. К сожалению, объем работы не позволил автору более подробно рассмотреть идеи В.В. Берви-Флеровского о сущности государства и права, о формах правления и их эволюции. В целом, В.А. Томсинов совершенно справедливо отмечает, что В.В. Берви-Флеровский был «больше социологом и экономистом, нежели правоведом», в силу чего правовые идеи В.В. Берви-Флеровского зачастую с трудом вычлняются из его социально-экономических и общефилософских воззрений.

Вышла в свет и еще одна книга о В.В. Берви-Флеровском, стоящая несколько особняком среди прочих изданий. Это работа Я.М. Монины, изданная в серии «Российские ученые социалистической ориентации»⁸⁶. Автор собрал богатый архивный материал, проанализировал значительное количество специальной литературы. Деятельность В.В. Берви-Флеровского рассмотрена им на широком историческом фоне. Однако выраженная идеологическая направленность и полемичность работы привела к тому, что оценки им революционной деятельности В.В. Берви-Флеровского носят, с нашей точки зрения, недостаточно обоснованный характер. Так, сомнения вызывают тезисы Я.М. Монины об «осознании исторической необходимости борьбы с царским самодержавием» В.В. Берви-Флеровским уже первом этапе его деятельности⁸⁷; о том, что с начала 1870-х гг. Берви становится во главе «все-го развития русской социалистической мысли» и может считаться «руководителем, вождем революционно-демократических сил России»⁸⁸; о восприятии им капитализма как «закономерного прогрессивного явления»⁸⁹ и т.п. В целом, автор слишком преувеличивает как степень революционности взгля-

---

⁸⁵ Томсинов В.А. Василий Васильевич Берви: правовед и революционер (1829-1918) // Законодательство. 2001. № 2. С. 82-83.

⁸⁶ Монин Я. М. В поисках истины (О В.В. Берви-Флеровском). СПб, 2009.

⁸⁷ Там же. С. 57.

⁸⁸ Там же. С. 125.

⁸⁹ Там же. С. 157.

дов В.В. Берви-Флеровского и близости их к марксизму, так и его роль в российском революционном движении.

Стоит отметить и еще несколько работ, имеющих отношение к деятельности В.В. Берви-Флеровского⁹⁰. В статье Б.Ф. Егорова⁹¹ подчеркивается утопический характер идей В.В. Берви-Флеровского, его осторожное отношение к революциям, «близость к либералам» во второй половине жизни.

В последние годы к изучению творческого наследия В.В. Берви-Флеровского обратились и социологи. В 2011-2012 гг. в печати появилась серия статей Н.В. Чумичевой, в которых выявляется вклад В.В. Берви-Флеровского в становление и развитие отечественной социологии⁹². В 2012 г. по результатам исследования автором было защищено диссертационное исследование⁹³.

В целом, для современного этапа характерно некоторое снижение количества исследований, посвященных непосредственно В.В. Берви-Флеровскому, и появление работ, выходящих за грани истории как дисциплины (история журналистики, историософия, история права, история социологии). Последняя особенность, во многом является как результатом серьезных исследований, проведенных в советский период и закрывших ряд сегментов в интересующем нас проблемном поле, так и изменением социокультурного контекста развития общественных наук. Речь идет, во-первых, об усилившемся интересе к проблемам гражданского общества, развитию межкультурного диалога и, во-вторых, об интеграции гуманитарных наук. Сле-

⁹⁰ Ашмарина С. В. Берви-Флеровский В.В. // *Общественная мысль России XVIII – начала XIX века: Энциклопедия*. М., 2005. С. 44-46; Егоров Б. Ф. В.В. Берви-Флеровский как утопист // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX –XX веков*. СПб., 2006. С. 218-222; Есин Б. И. *Демократический журнал «Дело» (1866-1884)*. М., 2008.

⁹¹ Егоров Б. Ф. В.В. Берви-Флеровский как утопист // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX –XX веков*. СПб., 2006. С. 218-222.

⁹² Чумичева Н. В. В.В. Берви-Флеровский – видный представитель народнической социологии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия социология, политология*. 2011. Т.11. Вып. 1. С. 39-42; Чумичева Н. В. Вклад В.В. Берви-Флеровского в формирование эмпирической социологии в России // *Известия Саратовского университета. Серия социология, политология*. 2011. Т.11. Вып.2. С. 49-51; Чумичева Н. В. Книга В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» - крупный вклад в становление отечественной промышленной социологии // *Известия Саратовского университета. Серия социология, политология*. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 48-49.

⁹³ Чумичева Н. В. Социологические взгляды В.В. Берви-Флеровского на пути перехода российского общества к новому социальному строю. Автореф. дисс. ...канд. социолог. наук. Саратов, 2012.

дует отметить и переоценку степени революционности взглядов В.В. Берви-Флеровского. Так, Е.П. Прохоров относит В.В. Берви-Флеровского к представителям либерально-демократического лагеря, Б.Ф. Егоров подчеркивает его близость к либералам, Н.В. Чумичева отмечает неприятие В.В. Берви-Флеровским революционных методов. Исключением является крайне идеологизированная работа Я.М. Монины, свидетельствующая о продолжении полемики по поводу взглядов и личности В.В. Берви-Флеровского.

Подведем некоторые итоги историографического обзора. Дореволюционная литература представлена в основном рецензиями на опубликованные книги В.В. Берви-Флеровского, содержащими полемику, которая велась по их поводу в печати. Публикации, относящиеся к этой группе, позволяют наметить оценку идей, высказанных мыслителем, представителями различных течений русской общественно-политической мысли. Эта литература одновременно может быть рассмотрена как историографический источник, позволяющий в проблемном поле интеллектуальной истории поставить вопрос об особенностях трансляции и восприятия идей В.В. Берви-Флеровского.

Советская историография в зависимости от восприятия на том или ином ее этапе народнического движения по-разному оценивала деятельность В.В. Берви-Флеровского. В период с 1917 г. до середины 1930-х гг. исследователи довольно высоко оценивали его вклад в дело революционных народников, апеллируя к положительной оценке К. Марксом его книги «Положение рабочего класса в России» и уделяя особое внимание преследованиям В.В. Берви-Флеровского со стороны царского правительства. В период со второй половины 1930-х до середины 1950-х годов акцент, напротив, делался на утопической составляющей взглядов мыслителя, подчеркивался тот факт, что он не являлся непосредственным участником народнических кружков. Такая интерпретация была связана, с одной стороны, с отрицательной оценкой И.В. Сталиным деятельности народников, которая заставляла ученых быть более критичными по отношению к В.В. Берви-Флеровскому, с другой – с попыткой исследователей «защитить» своего ге-

роя, подчеркнув, что он не являлся «настоящим» народником. Во второй половине 1950-х – начале 1990-х годов изучалась революционная деятельность В.В. Берви-Флеровского, была предпринята попытка осмысления его места среди идеологов народничества. Для этого периода характерно некоторое преувеличение революционности В.В. Берви-Флеровского, попытка приблизить его философские воззрения к марксистским идеалам. Идеологические ориентиры советских авторов повлияли и на интерпретацию общественно-политических и философских взглядов ученого.

Для литературы постсоветского периода характерно появление работ междисциплинарного характера, рассматривающих отдельные стороны творчества В.В. Берви-Флеровского, и одновременно смещение оценки его взглядов в направлении либерализма.

В целом, за почти столетний период времени отечественными авторами внесен значительный вклад в изучение жизни и деятельности В.В. Берви-Флеровского. Наиболее детально исследована его революционная деятельность, взаимоотношения с революционными народниками. Тем не менее, спор о степени революционности В.В. Берви-Флеровского до сих пор не окончен. В литературе наметились две точки зрения, согласно одной из которых В.В. Берви-Флеровский рассматривается как революционер-народник, в большей или меньшей степени близкий к марксизму, согласно другой – подчеркивается его близость к либеральному лагерю, хотя конкретных историко-сравнительных исследований в этом направлении не проводилось.

Тщательно изучены экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского, его философские представления о природе и ее развитии, о познаваемости мира, о путях развития человеческого общества, об общественном прогрессе и т.п. Подробному рассмотрению подверглась его деятельность в качестве ученого-социолога и литератора.

В ряде работ были затронуты правовые взгляды В.В. Берви-Флеровского. Но до настоящего времени ключевые вопросы его правовых

воззрений (о происхождении и сущности государства и права, о предполагаемой судебной системе и т.д.) остались недостаточно исследованными.

Недостаточно систематизированными остались и взгляды В.В. Берви-Флеровского на трудный процесс реформирования и модернизации России в 60-70-х годах XIX в. Наибольшее внимание отечественными исследователями было уделено анализу В.В. Берви-Флеровским результатов крестьянской реформы, тогда как его воззрения на остальные государственные преобразования представлены лишь в общей форме.

В научной литературе был накоплен материал, позволяющий рассмотреть проблему трансляции и восприятия идей В.В. Берви-Флеровского различными социальными кругами, хотя сама эта проблема напрямую не рассматривалась.

Таким образом, обращение к общественно-политическим взглядам, к проектной деятельности В.В. Берви-Флеровского, а также к вопросу о путях распространения и восприятия его идей с позиций интеллектуальной истории представляется на данном этапе вполне актуальным и обусловлено направлением развития исторической мысли.

Объектом исследования является жизнь и деятельность В.В. Берви-Флеровского на фоне общественно-политического развития России второй половины XIX – начала XX вв.

В качестве **предмета исследования** выступают общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского как мыслителя, их формирование, оформление, распространение и восприятие.

Цель исследования: выявить систему общественно-политических взглядов В.В. Берви-Флеровского в проблемном поле интеллектуальной истории (их формирование, производство и рецепцию). Цель работы достигается в процессе решения следующих **задач:**

- выделить основные этапы жизненного пути В.В. Берви-Флеровского, исторический и социокультурный контексты формирования его воззрений;

- проследить процесс оформления (производства) общественно-политических представлений В.В. Берви-Флеровского в текстах его произведений;
- выявить систему теоретических и общественно-политических построений В.В. Берви-Флеровского в процессе ее эволюции;
- разработать модель системной характеристики В.В. Берви-Флеровским реформ 60-х годов XIX века (земской, судебной, цензурной, реформы просвещения)⁹⁴;
- установить основные каналы трансляции идей В.В. Берви-Флеровского и определить рецепцию этих воззрений его современниками.

Хронологические рамки исследования определяются годами жизни В.В. Берви-Флеровского – 1828–1918 гг. В то же время, привлекались и материалы более раннего периода (для воссоздания духовной атмосферы родительского дома, в котором проходило становление личности ученого).

В качестве **методологической основы** диссертационного исследования использовались теоретико-методологические принципы интеллектуальной истории. Предмет ее в современном понимании включает в себя «не только историю достижений человеческого интеллекта, ... но и историю самой интеллектуальной деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний»⁹⁵.

Одна из общих предпосылок интеллектуальной истории заключается в осознании неразрывной связи самих идей и идейных комплексов с одной стороны и историей условий и форм интеллектуальной деятельности с другой. В этом плане стоит отметить мысль Р. Дж. Коллингвуда о том, что сама идея в этом случае выступает своего рода ответом исследователя на кон-

⁹⁴ Взгляды В. В. Берви-Флеровского на крестьянскую реформу 1861 г. подробно не рассматриваются, поскольку эта проблема детально проанализирована в отечественной литературе советского периода.

⁹⁵ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 350.

текст внешней социальной среды, в результате чего изучаемый способ мышления и историческая ситуация, к которой он принадлежит, образуют одно неразрывное целое⁹⁶.

По сути, с позиций интеллектуальной истории любая идея должна изучаться и оцениваться не сама по себе, не с позиций сегодняшнего знания, а с позиций прошлого, с позиций той исторической ситуации, в которой она возникла. Кроме того, контексты рассмотрения идеи могут быть связаны и с личным, и с глобальным историческим содержанием. Так, на то или иное видение проблемы исследователем могут влиять и факты его биографии, и индивидуальный стиль мышления, и исторические события или политическая расстановка сил в обществе в то время и т.п.

Исходя из этой общей посылки, в работе мы обращаемся к характеристике различных контекстов. Наряду с описанием традиционного социального контекста мы обращаемся и к контексту интеллектуальному, который представлен не только общей идейной атмосферой эпохи, но и личностными, персональными связями В.В. Берви-Флеровского с интеллектуалами своего времени (Д.В. Стасов, К.Д. Кавелин). По сути, в рамках работы предпринимается попытка реконструировать интеллектуальную сеть, в которую был включен В.В. Берви-Флеровский.

Такое направление исследования ориентирует нас на преодоление своеобразного историографического одиночества фигуры В.В. Берви-Флеровского, поскольку позволяет рассмотреть формирование его взглядов в рамках определенных интеллектуальных кругов, равно как и их трансляцию в различных социальных стратах, тем более, что накопленный отечественной наукой материал позволяет выявить и особенности рецепции идей В.В. Берви-Флеровского современниками, и пути их распространения в пространстве и времени.

Кроме того работа основывалась на общеметодологических принципах познания – историзма и системности. Принцип историзма требует рассмот-

---

⁹⁶ Там же. С. 351.

рения личности В.В. Берви-Флеровского в контексте исторической эпохи, выявления тех качественных изменений, которые происходили в его деятельности и взглядах на различных этапах жизненного пути. Принцип системности требует раскрытия целостности мировоззрения и деятельности В.В. Берви-Флеровского, выделения взаимосвязей между отдельными их сторонами.

Принципы историзма и системности реализовались через исследовательские методы. В процессе работы использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический), а также биографический метод.

Остановимся чуть подробнее на биографическом методе в том виде, в котором он используется в рамках интеллектуальной истории. Д. Уокер разработал своего рода типологию биографического жанра, вполне применимую к этому направлению исследования. В эту типологию включены 1) биография личности (сведения о месте и дате рождения, образовании, семейных корнях ученого и т.п.); 2) профессиональная биография (позиции ученого в академической системе, его профессиональная деятельность, отношения внутри научного сообщества); 3) библиографическая биография (анализ трудов автора, история их создания, их источниковая база, техника и методология исследования и т.д.); 4) ситуационная биография или биография среды (события и условия социально-экономической жизни общества и эпохи, в которых жил и работал ученый). По сути, отмечает Л.П. Репина, «совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образует то, что можно назвать научной биографией»⁹⁷. При этом напомним, что В.В. Берви-Флеровский так и не стал ученым-профессионалом, хотя и мечтал об этом в юности. Он выступает скорее в роли критика, теоретика и социального практика. В связи с этим из предложенных Д. Уокером характеристик мы делаем акцент на 1, 3 и 4 составляющих

---

⁹⁷ Там же. С. 304-305.

научной биографии, т.е. на биографии личности, библиографической биографии и биографии среды соответственно.

В предлагаемом исследовании отчасти использовались и принципы персональной истории, с позиций которой личность рассматривается как субъект исторического процесса⁹⁸. В этом случае в рамках рассмотрения биографии следует обращать внимание на степень соответствия отдельных поступков человека и его поведения в целом ожиданиям тех людей, которые его окружают. Наиболее интересным представляется в этом случае момент выбора, имеющего для героя биографии серьезные последствия, и анализ тех мотивов, которые этот выбор предопределили. Особенно значимым такой подход представляется при рассмотрении вопроса о выступлении В.В. Берви-Флеровского в защиту тверских мировых посредников.

В целом, еще раз подчеркнем, что в нашем случае речь идет о биографии интеллектуала, создание которой возможно лишь в результате синтеза результатов биографического, текстуального и социокультурного анализа.

Источниковую базу исследования составили как *историографические* источники, представленные в основном *текстами В.В. Берви-Флеровского*, так и традиционные *исторические*, которые могут быть подразделены на *источники личного происхождения* и *делопроизводственные материалы*.

Произведения В.В. Берви-Флеровского в свою очередь могут быть подразделены на а) *научные и публицистические книги и статьи* и б) *беллетристику*.

Основная часть творческого наследия В.В. Берви-Флеровского представлена его *научными книгами и публицистическими* статьями. Наибольший интерес для нашего исследования представляют в первую очередь самые известные произведения В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего

---

⁹⁸ Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005 С. 55-74.

класса в России»⁹⁹ и его отдельные части, опубликованные в журналах¹⁰⁰; «Азбука социальных наук»¹⁰¹, «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати»¹⁰²; статьи, включенные в сборник «Исследования по текущим вопросам»¹⁰³; «Мирабо»¹⁰⁴, философские произведения¹⁰⁵.

Их тематика отражает широкий научный кругозор автора, а содержание позволяет не только понять мировоззренческие установки В.В. Берви-Флеровского, но и проанализировать его взгляды на происхождение и развитие государства и права и их сущность, на значение воспитания и школьного образования для нормального развития общества, на роль свободы слова в развитии общественной жизни и т. п.

Пожалуй, не менее значимым оказывается и публицистическое наследие В.В. Берви-Флеровского. Его воззрения на отдельные стороны подготовки судебной реформы нашли свое отражение в ранних статьях, опубликованных в «Журнале министерства юстиции»¹⁰⁶ и «Юридическом вестнике»¹⁰⁷.

Начиная с конца 1860-х годов до конца 1880-х годов, В.В. Берви-Флеровский активно сотрудничает с журналами «Дело», «Отечественные записки», «Знание», «Слово», «Русское богатство», «Наблюдатель» с газетой «Неделя» и др. Публицистические статьи В.В. Берви-Флеровского, опубликованные в этих печатных изданиях, позволяют определить круг наиболее актуальных для автора проблем, выявить оценку им отдельных поли-

⁹⁹ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1958. Т. 1.

¹⁰⁰ Зауральский рабочий // Дело. 1868. № 2. С. 166-196; Земледелец степной полосы между Уралом и Волгой // Дело. 1867. № 9. С. 63-81; Земледелец черноземной полосы // Дело. 1867. № 10. С. 290-316; Работник-бродяга // Невский сборник. 1867. № 1. С. 265-295 и др.

¹⁰¹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч. 1; Ч. 2; Азбука социальных наук. Современная западно-европейская цивилизация. Греко-римская цивилизация. Средние века, возрождение наук. Лондон, 1894; Азбука социальных наук. XVII-XVIII века современной западно-европейской цивилизации. Лондон, 1894; Азбука социальных наук. XIX век современной западно-европейской цивилизации. Лондон, 1894.

¹⁰² Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869.

¹⁰³ Берви-Флеровский В. В. Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872.

¹⁰⁴ Берви-Флеровский В. В. Мирабо, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894.

¹⁰⁵ Берви-Флеровский В. В. Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина. СПб., 1878; Флеровский Н. Критика основных идей естествознания. СПб., 1904; Флеровский Н. Причины застоя в общественной жизни // Дело. 1871. № 1, С. 250-282; Навалихин Н. Смягчающие формы прогресса // Дело. 1870. № 7. С. 160-180 и др.

¹⁰⁶ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 63-120.

¹⁰⁷ Берви В. В. Несколько слов о ходатаях по делам // Юридический вестник. 1860-1861. Вып. 6. С. 1-9.

тических событий, рассмотреть его общественно-политические взгляды в целом и т.п.

Наиболее широко в работе использовались статья «Двадцатилетие реформ 1864-го года», напечатанная в журнале «Наблюдатель» под псевдонимом Н. Флеровский в 1884 году¹⁰⁸; статьи «Не лучше ли молчать по этому вопросу» и «Право на воспитание и обучение», вышедшие в свет в 1871 году¹⁰⁹; статья «Заметки земца о земских изданиях и земских приемах», изданная в 1881 году¹¹⁰. Привлекались к исследованию и другие публицистические произведения В.В. Берви-Флеровского.

Отрывок неопубликованной статьи В.В. Берви-Флеровского о народном образовании, относящийся примерно к 1890-1900 гг., извлечен из фонда 68 РГАЛИ (Фонд В.В. Берви-Флеровского).

Именно эта группа источников оказывается наиболее ценной для диссертационного исследования, поскольку позволяет выявить систему теоретических и общественно-политических построений В.В. Берви-Флеровского, процесс их эволюции, а также дает возможность разработать модель системной характеристики В.В. Берви-Флеровским реформ 60-х годов XIX века.

Стоит, пожалуй, отметить некоторые особенности авторских текстов В.В. Берви-Флеровского, уже отмечавшиеся в литературе¹¹¹. Первая связана с практически полным отсутствием в его работах сносок и крайне малым количеством цитат. Исключение в этом плане представляют ранние его статьи на юридическую тематику. Эта особенность объясняется не только отсутствием у В.В. Берви-Флеровского под рукой необходимой литературы, нередко изымавшейся при обысках, но и его личными исследовательскими установками. В.Г. Короленко вспоминал в одном из писем, что Берви-Флеровский

---

¹⁰⁸ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864 г. // Наблюдатель. № 12. С. 24-37.

¹⁰⁹ Берви-Флеровский В. В. Не лучше ли молчать по этому вопросу // Дело. 1871. № 2. С. 307-330; Флеровский Н. Право на воспитание и обучение // Дело. 1871. № 3. С. 101-120.

¹¹⁰ Берви-Флеровский В. В. Заметки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 228-332.

¹¹¹ Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С. 69; Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 126.

«создал особую теорию, – что мыслителю нет надобности в источниках, что он творит из себя»¹¹².

При этом стоит подчеркнуть совершенно иное отношение В.В. Берви-Флеровского к источникам, содержащим статистические данные. Напомним, что именно он одним из первых начал использовать статистический материал (Статистический временник 1866 г., Военно-статистические сборники и т.п.), для анализа социально-экономического положения различных групп трудящегося населения России, сопоставляя его с результатами личных наблюдений. Широко используются данные статистики и в его более поздних исследованиях, посвященных деятельности земств, развитию народного образования и т.п. Стремясь сделать свои выводы максимально проверяемыми, В.В. Берви-Флеровский не только ссылается на использованные им материалы, но и приводит методику их обработки. По мнению специалистов-социологов, его можно считать автором «оригинальной комплексной методики эмпирических исследований», исследователем «впервые в отечественной литературе применившим метод группировки социальных объектов»¹¹³.

Принадлежащая перу В.В. Берви-Флеровского *беллетристика*, использованная в работе, представлена несколькими автобиографическими произведениями¹¹⁴. Они позволяют проследить становление личности В. В. Берви-Флеровского («Забытая история», «Галатов»), дают некоторое представление о его взглядах на будущее человеческого общества («На жизнь и смерть»), а также дают возможность лучше понять переживаемые В.В. Берви-Флеровским чувства и процесс зарождения у него тех или иных идей.

Исторические источники по их видовой принадлежности также могут быть подразделены на две группы: *источники личного происхождения* и *де-*

¹¹² Цит. по: Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 126.

¹¹³ Чумичева Н. В. Вклад В.В. Берви-Флеровского в формирование эмпирической социологии в России // Известия Саратовского университета. Серия социология, политология. 2011. Т.11. Вып. 2. С. 50.

¹¹⁴ Берви-Флеровский В. В. Забытая история // Русская речь. 1880. № 8. С. 200-360; Берви-Флеровский В. В. Галатов // Русская речь. 1879. № 1. С. 91-117; Берви-Флеровский В. В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. Женева, 1877. Ч. 1; Ч. 2; Ч. 3.

лопроизводственные материалы. Материалы личного происхождения (письма, мемуары) или так называемые эго-источники, в которых «автор что-то повествует о своей личной жизни мире собственных чувств»¹¹⁵ также подразделяются на две подгруппы: а) воспоминания и письма самого В.В. Берви-Флеровского и б) мемуары и переписка его современников. Существенный интерес для данного исследования представляют значительные по объему воспоминания В.В. Берви-Флеровского «Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III», изданные в 1897 г. в Лондоне¹¹⁶. Кроме автобиографических сведений в них приводится широкая панорама русской жизни, перемежаемая комментариями В.В. Берви-Флеровского по поводу отдельных событий, личностей и т.п. В полном объеме они не переиздавались ни разу, хотя в сокращенном варианте вновь увидели свет в 1915-1916 годах¹¹⁷. Еще более краткий вариант тех же воспоминаний был издан в 1929 году¹¹⁸.

Определенный интерес представляет и «Краткая автобиография» В.В. Берви-Флеровского, опубликованная Н.А. Малиновским в «Русской мысли»¹¹⁹. В ней отражены основные этапы жизни В.В. Берви-Флеровского, содержатся сведения об основных его работах и их содержании.

Воспоминания и автобиография В.В. Берви-Флеровского позволяют уточнить отдельные факты его жизненного пути и, что наиболее важно для нашего исследования, выявить мотивы отдельных его поступков, проследить его реакцию на события современности, которая нередко служила стимулом для написания работ. По сути, эти источники позволяют отследить мнение самого В.В. Берви-Флеровского о влиянии на него некоторых внешних контекстов. При работе с этими источниками было важно соотнести собствен-

¹¹⁵ Алеврас Н. Н. Диссертация в творческой биографии ученого-историка сквозь призму эго-документов. Рубеж XIX-XX веков // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 258-261.

¹¹⁶ Флеровский Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания Н. Флеровского. Лондон. 1897.

¹¹⁷ Берви В. В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 3. С.134-182.; № 4. С. 144-166; № 6. С. 160-168; № 7-8. С. 110-126; № 9. С. 167-173; Голос минувшего. 1916. № 1. С. 202-221; № 2. С. 82-108; № 5-6. С. 251-285.

¹¹⁸ Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя. М.-Л., 1929.

¹¹⁹ Флеровский Н. Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 138-150.

ную рефлексию В.В. Берви-Флеровского с мнением его современников, а также с описанием ситуации в современной исследовательской литературе.

В работе также использовалась переписка В.В. Берви-Флеровского с Н.В. Чайковским, хранящаяся в ГАРФ в фонде 5805 (Фонд Н.В. Чайковского). Она позволяет прояснить ситуацию с пребыванием В.В. Берви-Флеровского за границей (в Швейцарии и Англии), его взаимоотношения с Фондом вольной русской прессы. Несколько последних писем В.В. Берви жене (1910-12 гг.) и А.С. Пругавину (с одновременным обращением к Л.Ф. Пантелееву, Н.И. Карееву, В.Г. Короленко), извлеченных из Фонда 68 РГАЛИ (Фонд В.В. Берви-Флеровского), являются, по сути, его завещанием. Наиболее значимыми для работы могут считаться письма В.В. Берви-Флеровского Н.В. Чайковскому, которые позволяют выявить иерархию идей, существовавшую в восприятии самого В.В. Берви-Флеровского.

Во вторую подгруппу вошли мемуары и переписка современников В.В. Берви-Флеровского. Частично опубликованные воспоминания жены В.В. Берви-Флеровского Эрмионы Ивановны Берви¹²⁰ содержат сведения о петербургском периоде жизни В.В. Берви-Флеровского, его пребывании и образе жизни в Астрахани, Кузнецке, Томске, взаимоотношениях со ссыльными поляками и т.п. Неопубликованная часть воспоминаний, хранящаяся в РГАЛИ в фонде 68 (Фонд В.В. Берви-Флеровского), содержит сведения о более поздних этапах жизнедеятельности В.В. Берви-Флеровского. В них включен список изданных и уничтоженных работ В.В. Берви-Флеровского, правда, весьма неполный. Кроме всего остального, эти воспоминания позволяют уточнить мотивы отдельных поступков В.В. Берви-Флеровского, его психологическое состояние в тот или иной период времени.

Мемуары К.К. Арсеньева¹²¹, опубликованные в «Голосе минувшего», позволяют более точно восстановить события, связанные со сбором подписей

¹²⁰ Берви Е. И. Из моих воспоминаний //Голос минувшего. 1915. № 5. С. 122-142; № 6. С. 169-186; № 7-8. С. 127-142; № 9. С. 174-193.

¹²¹ Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний //Голос минувшего. 1913. № 1. С. 161-170.

в пользу арестованных студентов во время службы В.В. Берви-Флеровского в министерстве юстиции.

К работе привлекались и многочисленные воспоминания участников народнического движения, в которых приводится как некоторая информация о личности и деятельности В.В. Берви-Флеровского, так и сведения о значении для революционной молодежи того времени его произведений¹²². Они позволяют более точно восстановить характер восприятия идей мыслителя представителями народнических кружков. Содержатся в этом виде источников и некоторые свидетельства о связях В.В. Берви-Флеровского с революционными народниками. Так, в воспоминаниях О.В. Аптекмана непосредственно рассматривалась революционная деятельность В.В. Берви-Флеровского, его сотрудничество с участниками кружков долгушинцев и чайковцев¹²³. Упоминания о жизни В.В. Берви-Флеровского в Вологде можно найти в воспоминаниях М.П. Сажина¹²⁴ и Л.П. Шелгуновой¹²⁵, в Томске – в воспоминаниях Л.Ф. Пантелеева¹²⁶.

Неопубликованные воспоминания Е.П. Летковой-Султановой, извлеченные из фонда 280 РГАЛИ (Фонд Е.П. Летковой-Султановой) повествуют о времени пребывания В.В. Берви-Флеровского в Вологодской ссылке, его общении с молодыми людьми.

В работе используются опубликованное письмо Л.В. Синегуб к Э.И. Берви¹²⁷, переписка Э.И. Берви с Н.А. Малиновским¹²⁸, письма К. Маркса и Энгельса¹²⁹. Кроме того, привлекались материалы неопубликованной

¹²² Корнилова-Мороз А. И. Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 56-85; Синегуб С. С. Воспоминания чайковца (фиктивный брак) // Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 111-136 и др..

¹²³ Аптекман О. В. Флеровский-Берви и кружок Долгушина // Былое. 1922. № 18. С. 58-78; Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский и чайковцы // Былое. 1922. № 19. С. 119-134 и т.д.

¹²⁴ Сажин М. П. Воспоминания 1860-1880-х гг. К восьмидесятилетию (1845-1925) бакуниста М. П. Сажина (Арман Росс). М. 1925.

¹²⁵ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. А. Воспоминания. В 2-х т. М., 1967. Т.1.

¹²⁶ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958.

¹²⁷ Якушин Н. «... что-то погасло вдали // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М., СПб., 1995. Вып. 2. 1998. С. 353-358.

¹²⁸ Грищенко О. Н. Последние работы В.В. Берви-Флеровского // Отечественная философия: опыт, уроки, ориентиры исследования. XX век. Неизвестное, забытое ... М., 1993. Вып. X. С. 8-41.

¹²⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967; Переписка К. Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951.

переписки между Ф.В. Волховским и Н.В. Чайковским, хранящейся в фонде 5805 ГАРФ (Фонд Н. В. Чайковского); материалы переписки Э.И. Берви с Л.П. Никифоровым, извлеченной из фонда 68 РГАЛИ (Фонд В.В. Берви-Флеровского); переписка Э.И. Берви с А.С. Пругавиным, хранящаяся в фонде 2167 РГАЛИ (Фонд А. С. Пругавина). Эти источники позволяют уточнить информацию о последних этапах жизни В. В. Берви-Флеровского, его отношениях с отдельными представителями народнического движения и Фонда вольной русской прессы, судьбе его последних книг и т.п.

Вторую группу исторических источников составляют *делопроизводственные документы*. Она также может быть подразделена на несколько подгрупп: а) *делопроизводственные документы учреждений*, с которыми связаны важные вехи жизни и деятельности В. В. Берви-Флеровского, прежде всего, министерства юстиции; б) *документы судебно-следственных органов*; в) *документы цензурных органов*.

Делопроизводственные документы учреждений представлены в первую очередь документами, отражающими события служебной карьеры В.В. Берви-Флеровского в министерстве юстиции, которые находятся на хранении в фонде 1405 (Фонд Министерства юстиции) РГИА. К этой же группе документов должен быть отнесен аттестат, выданный В.В. Берви-Флеровскому от Контроля Закавказской железной дороги, фотокопия которого хранится в фонде 318 (Коллекция документов о В.В. Берви-Флеровском) Государственного архива Донецкой области (ДОГА).

Документы судебно-следственных органов представлены хранящимися в ГАРФ материалами III Отделения собственной его императорского величества канцелярии (Ф.109). Они состоят преимущественно из донесений об арестах В.В. Берви-Флеровского, о его передвижениях по стране, агентурных данных о слежке за ним и проведении у него обысков. Сюда же включены и материалы следственного дознания и суда по делу о связи В.В. Берви с долгушинским кружком и т.п. Документы этой группы дают довольно пол-

ное представление об участии В.В. Берви-Флеровского в освободительном движении второй половины XIX в.

Документы цензурных органов представлены материалами Управления по делам печати (фонд 776 – Фонд Главного Управления по делам печати) и Санкт-Петербургского цензурного комитета (фонд 777 – Фонд Санкт-Петербургского цензурного комитета), хранящимися в РГИА. Они включают в себя в основном отзывы цензоров на отдельные произведения В.В. Берви-Флеровского, постановления о запрещении его книг и т.п., и позволяют, в целом, вычленить отношение правительства к научно-публицистической деятельности В.В. Берви-Флеровского и высказанным им идеям.

В отдельную группу можно выделить материалы фонда 1343 РГИА (Фонд департамента геральдии Правительствующего Сената), которые не имеют прямого отношения к В.В. Берви-Флеровскому, но дают представление о деятельности его отца – профессора Казанского университета В.Ф. Берви. Они важны для понимания условий, в которых проходило формирование личности и мировоззрения В.В. Берви-Флеровского. Сюда же, видимо, следует отнести и некоторые произведения его отца.

Таким образом, историографические источники дают возможность выявить систему теоретических и общественно-политических построений В.В. Берви-Флеровского, проследить их эволюцию, а также дать системную характеристику оценки В.В. Берви-Флеровским реформ 60-70-х годов XIX века.

Анализ мемуаров и переписки В.В. Берви-Флеровского позволяет отследить впечатление, которое производили на него встречи с отдельными личностями, исторические события, как воспринимались им те или иные идеи, т. е. вычленить влияние на него внешних контекстов, по крайней мере, в той степени, в какой он сам осознавал это влияние.

Мемуары современников В.В. Берви-Флеровского и их переписка дают возможность выявить характер восприятия ими личности и идей мыслителя.

Делопроизводственные документы в большинстве своем отражают события жизненного пути В.В. Берви-Флеровского, его участие в освободительном движении.

Значительная часть использованных источников была опубликована в разное время, однако неопубликованная часть их позволяет точнее расставить некоторые акценты. В целом, использованные в работе источники позволяют решить обозначенные выше задачи.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- Впервые после 50-х годов XX в. была осуществлена системная реконструкция общественно-политических взглядов В.В. Берви-Флеровского в социокультурном контексте российской действительности второй половины XIX в., что позволило не только проанализировать их с позиций изменившейся историографической ситуации и существенно скорректировать некоторые устоявшиеся в науке представления об отдельных аспектах представлений мыслителя, но и выявить комплекс основных идей, создававших общий интеллектуальный фон эпохи;
- было систематизировано и подробно описано отношение В.В. Берви-Флеровского к результатам реформ 1860-1870-х годов и его проектная деятельность;
- при изучении заявленной проблемы были использованы относительно новые подходы научного исследования – подходы интеллектуальной истории, ранее не привлекавшиеся к рассмотрению данной проблематики;
- впервые В.В. Берви-Флеровский рассматривался не только как участник революционного движения, а как преимущественно интеллектуал, деятельность которого способствовала формированию определенных блоков идей, по-разному воспринимавшихся его современниками, относящимися к различным социальным стратам;

- были впервые выявлены основные каналы распространения идей В.В. Берви-Флеровского и особенности их рецепции представителями различных социальных групп.

В ходе работы были получены следующие результаты, формулирующиеся как **положения, выносимые на защиту**:

1. Мировоззрение В.В. Берви-Флеровского формировалось на базе общеинтеллектуального поля эпохи, включавшего в себя, с одной стороны, идеи и ценности эпохи Просвещения, с другой – познавательную парадигму позитивизма и отдельные идеи марксизма. На становление его взглядов серьезное влияние оказало и общение с видными представителями отечественного либерализма (Д.В. Стасов, К.Д. Кавелин), интеллектуальная атмосфера готовящейся модернизации страны, царившая в среде разработчиков реформ 1860-х гг. Эволюции взглядов В.В. Берви-Флеровского от либерализма до революционно-демократических представлений способствовали обстоятельства его биографии, повлекшие за собой близкое знакомство с жизнью народа, политических ссыльных, разочарование в результатах реформаторской деятельности правительства.

2. В.В. Берви-Флеровский полагал, что развитие человечества определяют идеи и нравственные воззрения людей, осознание ими своего предназначения на земле. Следовательно, широкое просвещение и правильное воспитание народных масс являются приоритетной задачей социума. Решение ее должно быть возложено на образованную часть общества. Главными инструментами этого процесса являются просвещение народа через развитие его образования и приобщение к социально-политической жизни через местную прессу.

3. С этих позиций В.В. Берви-Флеровский оценивает результаты реформ 60-х гг. XIX в. В.В. Берви-Флеровский полагает, что с одной стороны, они наметили в развитии России сдвиги в направлении формирования гражданского общества. С другой стороны, эти реформы носили половинча-

тый, незавершенный характер. На совершенствование их направлена проектная деятельность В.В. Берви-Флеровского.

4. Идеи В.В. Берви-Флеровского о грабительском характере реформы 1861 г., роли общинного землевладения, о необходимости нравственного совершенствования общества и т.п. были восприняты преимущественно революционной молодежью и использовались ею во многом в утилитарных целях (самообразование и пропаганда). Его философские представления, взгляды о необходимости воспитания толерантности, механизмах формирования гражданского общества и др. оказались невостребованными современниками и нашли отклик лишь в более поздние периоды истории.

5. В начале 1870-х гг. складывается интеллектуальная сеть, в рамках которой осуществлялась трансляция идей В.В. Берви-Флеровского, охватывающая не только столицы, но и целый ряд провинциальных городов. Трансляция идей В.В. Берви-Флеровского осуществлялась как осознанно, им самим, так и независимо от него, воплощаясь в художественных текстах. Формы ее носили и публичный (научные работы, публикации в прессе, его беллетристика), и агитационно-прокламационный характер (нелегальные издания, просветительская деятельность в молодежных кружках, нелегальное распространение его книг и т.п.).

Научно-практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы для дальнейших исследований по сходной проблематике, а также при разработке и чтении общих и специальных курсов по истории России второй половины XIX в., истории правовой и политической мысли того же периода.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Промежуточные результаты исследования обсуждались на IV межвузовской научной конференции «Актуальные проблемы истории Российской цивилизации» (Саратов, 2011); на IX всероссийской научной конференции «История

идей и история общества» (Нижневартовск, 2011); на IV Всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование качества профессиональной подготовки и переподготовки учительства в процессе формирования профессиональной элиты России» (Тобольск, 2011); на Международной научной конференции «Экономические реформы в России XIX- н. XX вв. Новые подходы, методы и технологии исследования (Москва, 2011); на Всероссийской научной конференции с международным участием «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.) (Оренбург, 2012); на III международной научно-практической конференции «Россия и Европа: связь культуры и экономики (Прага, 2012); на II Всероссийской научно-практической конференции «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы» (Нижневартовск, 2013); на VIII Всероссийской научно-практической конференции «Модернизация государственного и муниципального управления как приоритетное направление развитие государства (Оренбург, 2013).

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 15 публикациях автора, в том числе опубликованных в журналах, входящих в перечень изданий, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования: Цели и задачи работы определили структуру диссертационного текста. Он построен по проблемному принципу. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение и список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

1.1. Детство и юношеские годы В.В. Берви-Флеровского

Детские и юношеские годы играют, пожалуй, наиболее важную роль в становлении человеческой личности. Этот период жизнедеятельности связан с самыми яркими впечатлениями, с формированием привычек, предпочтений и, в конечном итоге, со становлением мировоззрения.

В.В. Берви-Флеровский родился 28 апреля 1829 г. в семье будущего профессора Казанского университета Василия Федоровича Берви. Матерью его была дочь статского советника Иоанна Ланге Амалия-Алексина¹³⁰.

Вильгельм (Василий) Берви был вторым ребенком. Его старший брат Вольдемар (Владимир) родился 4 ноября 1826 года, сестра Амалия - 10 июня 1832 года, Федор – 11 октября 1838 года¹³¹.

Мальчик рано потерял мать и воспитывался мачехой. Однако более серьезное влияние на него, несомненно, оказал отец

Отец В.В. Берви-Флеровского Вильгельм Берви был сыном Фридриха Берви, английского консула в Данциге¹³². В России он именовался, даже в официальных актах, Василием Федоровичем¹³³. После окончания в 1816 г. курса Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академии лекарем 1-го отделения В.Ф. Берви поступил на службу в Российско-Американскую компанию и практически сразу в качестве судового врача отправился в Америку. За годы службы в компании он совершил два кругосветных путешествия, поработал медиком при колониальной больнице в Новоархангельске. Дневник, который В.Ф. Берви вел во время путешествия лег в основу написанной им впоследствии книги, посвященной описанию путешествий. В декабре 1823 г. В.Ф. Берви ушел со службы и провел в Москве около четырех лет, посвятив

---

¹³⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 47. Д. 7439. Л. 6 об.

¹³¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 47. Д. 7439. Л. 4 об.

¹³² РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 2987. Л.6.

¹³³ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб, 1892. С. 17.

себя преимущественно научной деятельности. В начале 1824 г. он становится почетным членом научного общества испытателей природы и врачебных наук в Дрездене, в 1825 г. - действительным членом научного общества испытателей природы в Москве, в 1826 г. - действительным членом медико-физического общества при Московском университете. В 1827 г. В.Ф. Берви выдержал экзамен в Московском отделении Медико-хирургической академии на звание доктора медицины. В середине 1827 г. он получил звание инспектора врачебной управы и в начале 1828 г. занял место акушера в Рязанской врачебной управе¹³⁴. Прослужив около года, В.Ф. Берви вышел в отставку и вернулся в Москву. В 1831 г. он начинает ходатайствовать о предоставлении ему места на кафедре анатомии, физиологии и судебной медицины Казанского университета, ординарным профессором которой он и был утвержден в мае 1832 года¹³⁵. В 1833 г. ему было временно поручено преподавание патологии, а 1 августа 1837 г. при преобразовании университета на основании устава 1835 г. В.Ф. Берви был утвержден ординарным профессором по кафедре физиологии и общей патологии¹³⁶.

В.Ф. Берви пришел на кафедру, обладая хорошим общим образованием и значительным жизненным опытом. Однако специальной подготовки по предметам кафедры у него не было. Методами ведения самостоятельного научного исследования он не владел. В силу этого он был обречен на изложение прочитанного материала. Лекции его представляли собой изложение взглядов различных ученых по тому или иному поводу, однако критический анализ этих взглядов отсутствовал, подменялся умозрительными рассуждениями. Недостаток серьезных знаний по предмету, отсутствие научной самостоятельности и откровенно консервативные взгляды профессора В.Ф. Берви привели к недовольству студенчества качеством преподавания на кафедре физиологии. Наиболее явным его проявлением стало письмо студентов, ад-

---

¹³⁴ РГИА, Ф. 1343. Оп. 17. Д. 2987. Л. 6.

¹³⁵ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1892. С. 20.

¹³⁶ Загоскин. Н. П. Биографический словарь профессоров императорского Казанского Университета, Казань, 1904. С. 128-129.

ресованное В.Ф. Берви, под влиянием которого он через некоторое время вышел в отставку. В целом, в Казанском университете В.Ф. Берви прослужил с мая 1831 по июль 1858 г. За это время он трижды избирался на должность декана, а в 1857 г. исполнял должность ректора. Выйдя в отставку, он поселился в своем имении в Бугурусланском уезде Самарской губернии, где скоро и скончался¹³⁷.

В повседневной жизни В.Ф. Берви, человек с достаточно сложным и противоречивым характером, отличался крутым нравом и держал в руках всю семью. Скуповатый, жесткий, он иногда казался настоящим деспотом¹³⁸.

Отношения в семье были непростыми. Василий Берви с детства не отличался крепким здоровьем, страдал головокружениями и частыми головными болями. По натуре довольно замкнутый, много времени проводивший за книгами он уже ребенком отличался обостренным чувством справедливости, не терпел насилия. В сравнении со старшим братом впоследствии «офицером образцового полка, всегда пайнкой, всегда любимцем начальства, всем умевшим угодить»¹³⁹, он выглядел настоящим бунтарем. Э.И. Берви в своих воспоминаниях рассказывает весьма показательные эпизоды, характеризующие характер ребенка: «Раз мачеха задумала наказать его розгами. Недолго думая, он схватил палку и так сильно ударил себя по голове, что упал за-мертво. В другой раз погрозились, он выпил раствор спичек, и его едва откачали. После этого отец запретил угрозы, раз навсегда, полагая, что мальчик может кончить самоубийством. А когда он подрос, то оказался единственным человеком, который не только не трепетал перед отцом, но оказывал ему сопротивление и являлся всеобщим защитником. Чуть беда, все сейчас к нему. Впрочем, все члены семьи не могли дать себе отчета, почему крутой отец допускал и слушал протесты одного лишь сына.

По мере того как шло время, характер мальчика все делался самостоятельнее. Иногда приходилось оказывать отцу активное сопротивление.

¹³⁷ Русский биографический словарь. СПб, 1900. Т. 2. С. 715.

¹³⁸ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 4-5.

¹³⁹ Там же. С. 127.

На старика, например, вдруг найдет блажь. Из-за разбитого блюдца начинается преследование меньшого брата, которому доставалось нелегко. Зачем ты разбил? И мальчик стоит, ни жив, ни мертв.

Случилось, что это произошло при сыне-бунтаре. Не предвидя конца нравственной пытки меньшого брата, он подбежал к чайному столу и изо всей силы ударил по нему кулаком. Конечно, посуда загремела и попадала, а сам он ушел из комнаты, с треском захлопнув за собою дверь. На такое грубое проявление отец реагировал одним лишь молчанием, к удивлению семейных»¹⁴⁰.

Одаренность В.В. Берви-Флеровского проявилась довольно рано. Уже с пяти лет он, видимо под влиянием отца, пристрастился к чтению, проводя в отцовской библиотеке значительную часть своего времени. Читал мальчик много, но, похоже, бессистемно. «Отец, заметив во мне любознательность, заботился лишь об одном: чтобы я не мог заразиться вольнодумством», - вспоминал Василий Васильевич позднее¹⁴¹. Однако именно такая литература вызывала у мальчика наибольший интерес. Излюбленной темой его чтения стала история Великой французской буржуазной революции, которая уже на протяжении нескольких поколений воспринималась представителями российской интеллигенции особенно остро и глубоко на эмоциональном личностном уровне¹⁴². Один из знакомых отца (профессор М. Киттары), только что приехавший из Парижа, поразился тому, как хорошо ребенок знал парижские улицы и площади, и был крайне удивлен, когда узнал, что мальчик никогда не был во Франции и знания его – лишь результат слежения по плану за передвижениями народной толпы¹⁴³. В мечтах мальчик нередко представлял себе, как «все человечество собиралось тут со своими знаменами и заключало между собою вечный союз: свободы, равенства и братства»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С.130-131.

¹⁴¹ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М. - Л., 1929. С.11.

¹⁴² Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 19-20.

¹⁴³ Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 134.

¹⁴⁴ Берви-Флеровский В. В. Забытая история // Русская речь. 1880. № 8. С. 316.

В 1840 г. одиннадцатилетний Василий Берви успешно сдал вступительные экзамены в Казанскую гимназию. Он был принят сразу в пятый класс, поскольку занимался дома с учителями¹⁴⁵.

Казанская гимназия того времени была типичным образцом учебного заведения с жесткой дисциплиной, образовательный процесс в котором строился исключительно на зубрежке. Педагоги не старались сформировать у гимназистов сколь-нибудь самостоятельное мышление, заставляя их заучивать тексты и факты. Умение видеть какую-либо взаимосвязь изучаемых дисциплин с современными общественными проблемами не только не развивалось, но и не поощрялось. Позднее В.В. Берви-Флеровский писал по этому поводу: «В гимназии не только вольнодумства, но даже какого бы то ни было мышления от веков не водилось»¹⁴⁶. Любой интерес учащихся к острым вопросам своего времени воспринимался администрацией как нечто излишнее и, более того, вредное. «Значительное число воспитанников даже и не знало, что на белом свете существует такое явление, как газета и журнал. ...Появление журнала в гимназии переполошило бы все начальство»¹⁴⁷. Результатом такого подхода к обучению было то, что гимназисты в большинстве своем «не имели никакого понятия о том, что существуют на белом свете политические движения и идеи, зажигающие воображение и ум народов»¹⁴⁸.

Во время обучения мальчик оказался в сложной ситуации. С одной стороны он резко выделялся из своей среды общим уровнем развития, способностями и начитанностью, был отличным учеником, с другой стороны, будучи слабым и болезненным ребенком, нередко становился жертвой более сильных физически учеников. В автобиографической повести «Забытая история» В.В. Берви-Флеровский описывал свое положение в гимназии следующим образом: «Воспитанный в условиях, совершенно непохожих на условия гимназического режима, он попал в среду людей, с которыми не имел ничего

---

¹⁴⁵ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 131.

¹⁴⁶ Берви-Флеровский В. В. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Лондон, 1897. С. 6.

¹⁴⁷ Берви В. В. Забытая история // Русская речь. 1880. № 8. С. 272.

¹⁴⁸ Там же. С. 272.

общего. Все его били, щипали и он не умел защищаться. ... Но он понимал с величайшей легкостью то, над чем они бесплодно убивались. Он был любимцем лучших учителей»¹⁴⁹.

В таких условиях мальчик чувствовал себя одиноким и заброшенным. «Наивный ребенок, заброшенный в среду дикарей, я приобрел страсть думать. Не было ни одного человека, с которым я мог бы поделиться своими мыслями, не было ни одного, от которого я бы мог услышать живое слово»¹⁵⁰.

Этому способствовало и то, что глубокий, много размышляющий о самых сложных вещах ребенок рано потерял веру в религию. «Я пришел к окончательному убеждению, что бессмертия души не существует. Помню, что я кинулся в кресло и горько разрыдался. Теперь между мною и другими людьми все покончено. ...Мне казалось, что отныне я обречен на вечное одиночество. Все люди с презрением и ненавистью отвергнут меня»¹⁵¹.

Предоставленный сам себе мальчик нашел отдушину в книгах. И раньше много читавший теперь он проводил за книгами все ночи, доводя себя до полного изнурения.

Позднее, вспоминая свое детство, В.В. Берви-Флеровский писал: «У меня было две жизни: одна – среди людей, тяжелая, мучительная, другая – в мире книг, в мире мысли и благородного возвышенного чувства, которую я тщательно скрывал от всех.

Я получил два воспитания: одно – давали мне люди, другое – я давал себе сам»¹⁵².

Несмотря на это подросток не только сумел не озлобиться, но и вынес из гимназии умение сопереживать и отвращение ко всякого рода насилию над человеческой личностью.

Таким образом, можно говорить, что некоторые черты характера – острое чувство справедливости, неприятие насилия, любовь к чтению и

¹⁴⁹Берви В. В. Забытая история // Русская речь. 1880. № 8. С. 283.

¹⁵⁰ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М.- Л., 1929. С. 11.

¹⁵¹ Там же. С. 12.

¹⁵² Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 134-135.

самостоятельным размышлениям, а также первое юношеское восхищение идеалами равенства сформировались у В.В. Берви-Флеровского уже в довольно раннем возрасте.

В плане становления мировоззрения, равно как и в плане общего и профессионального развития, В.В. Берви-Флеровский гораздо больше, чем от гимназии получил от Казанского университета, на юридический факультет которого он поступил в 1845 г. шестнадцатилетнем юношей.

Казанский университет того времени был не слишком крупным учебным заведением. Количество обучающихся в нем студентов в 1840-41 учебном году составляло 235 человек, к 1850-51 учебному году оно увеличилось до 309 человек. Социальный состав студентов был различен, однако большинство их составляли дети дворян и чиновников. Соотношение их по отношению к другим категориям составляло в 40-50 гг. XIX в. примерно два к одному¹⁵³. Тем не менее, Казанский университет нередко воспринимался как «демократический, в противоположном смысле слову аристократический»¹⁵⁴. Возможно, это было связано с тем обстоятельством, что примерно две третьих наличного состава студентов были небогатыми людьми¹⁵⁵.

Бывший студент Казанского университета Э.П. Янишевский так описывал образ жизни тогдашнего студенчества: «Политикой студенты того времени интересовались мало, газет не читали, да их и негде было взять, публичных или частных библиотек для чтения тогда и в заводе не было, читальных комнат не только у студентов, но и у профессоров тоже не было; журналы и газеты, которые получал университет, поступали прямо в университетскую библиотеку, где ими и пользовались профессора; студенты же ходили в библиотеку только для получения источников к диссертациям, но это было уже в последнем курсе. ... Беллетристические журналы большинству студентов тоже не были доступны. Они попадали в руки студентов только изредка, только от городских знакомых. Однако все выдающееся в литерату-

---

¹⁵³ Корбут М. К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 70.

¹⁵⁴ Монин Я. М. В поисках истины (О В. В. Берви-Флеровском). СПб., 2009. С. 33-34.

¹⁵⁵ Корбут М. К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 71.

ре студенты доставали и с жадностью читали. Была в ходу между ними и письменная литература»¹⁵⁶.

Достаточно сложными были отношения между студенчеством и профессурой. Поскольку в 1830-1850-е годы воспитание студентов было возложено на отставных военных и превратилось в государственную заботу, между преподавателями и студентами возникло некоторое отчуждение. Выражалось оно в том, что профессора воспринимали своих подопечных как особую и довольно опасную корпорацию и смотрели на них с некоторым опасением¹⁵⁷.

Согласно уставу 1835 г. Казанский университет подразделялся на три факультета: философский, юридический и врачебный. Юридический факультет с 1844-45 учебного года в свою очередь подразделялся на два разряда - собственно юридический и камеральный. В.В. Берви-Флеровский, живо интересующийся историей государства, закономерностями его развития и общественно-политическими проблемами, получал образование по юридическому разряду. В 1840 г. к юридическому факультету относились следующие кафедры: кафедра энциклопедии законоведения и российских государственных законов, кафедра римского законодательства и его истории, кафедра гражданских законов, общих, особенных и местных, кафедра законов благоустройства и благочиния, кафедра законов о государственных повинностях и финансах, кафедра законов полицейских и уголовных, кафедра начал общеправоведения¹⁵⁸.

Профессорско-преподавательский состав факультета, не восстановившийся к началу 1840 гг. после реакционных преобразований 20-х гг. XIX в., оставлял желать лучшего¹⁵⁹. Э. Янишевский вспоминает, что за исключением математического разряда, в котором все профессора были русские, во всех

¹⁵⁶ Янишевский Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента // Волжский вестник, 1893. № 20. С. 2.

¹⁵⁷ Вишленкова Е. А., Ильина К. А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века: препринт WP6/2011/04. М., 2011.

¹⁵⁸ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй половине XIX века. М., 2010. С. 126-139.

¹⁵⁹ Там же. С. 127.

других факультетах среди профессоров насчитывалось значительное количество немцев. Многие из них, несмотря на долгую службу в университете плохо говорили по-русски¹⁶⁰. Эта была «волна иностранцев, заполнивших юридический факультет, ... оставившая печально-смехотворную память у студентов»¹⁶¹.

Римское право читал Л.Ф. Камбек, сын французского эмигранта, получивший образование в Германии¹⁶². Судя по воспоминаниям Э.П. Янишевского, он не слишком хорошо владел русским языком, а лекции просто диктовал по тетради¹⁶³. Теорию уголовного права преподавал профессор Г.Л. Фогель, также плохо говорящий на русском¹⁶⁴. Однако «в этом отношении всех превосходил Винтер, читавший в юридическом факультете европейское государственное право. Винтер русского языка совсем не знал, кроме нескольких фраз. ... Лекции Винтер читал на французском языке, за исключением одной начальной фразы, которую говорил по-русски: «Европейский государственны право – важны матеры!» Хотя большая половина студентов не понимала по-французски, но лекции Винтера усердно посещались, как в виду разных проказ, которые там творились, так и потому, что физиономии студентов Винтер хорошо замечал, хотя и не знал их фамилий, и на экзамене тотчас обратил бы внимание, если бы явился студент, которого он редко, или вовсе не видал в аудитории, и могло бы быть очень худо, так как его предмет был главным, и он притом же был деканом юридического факультета»¹⁶⁵.

Латинский язык преподавал датчанин Ф.А. Струве - отличный латинист, изящно и свободно говоривший на языке древних римлян, но плохой педагог.

¹⁶⁰Корбут М. К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 75.

¹⁶¹ Юридический факультет Казанского университета: Два века образования и науки. Казань, 2004. URL: <http://z3950/ksu.ru/ubis/urfak.pdf>

¹⁶² Монин Я. М. В поисках истины (О В. В. Берви-Флеровском). СПб., 2009. С. 32.

¹⁶³ Янишевский Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента // Волжский вестник, 1893. № 17. С. 3.

¹⁶⁴ Монин Я. М. В поисках истины (О В. В. Берви-Флеровском). СПб., 2009. С. 32.

¹⁶⁵ Янишевский Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента // Волжский вестник, 1893. № 17. С. 2.

Русскую историю читал профессор Н.А. Иванов. Общие курсы его состояли в большинстве случаев из фактического изложения внешней политической истории, для истории внутренней отводилось сравнительно мало места¹⁶⁶.

В целом, по словам Н.П. Загоскина, юридический факультет Казанского университета в первой половине 40-х гг. XIX в. представлял собой «нечто положительно невообразимое»¹⁶⁷.

Однако, стоит отметить, что как раз к моменту поступления в университет В.В. Берви-Флеровского ситуация с преподавательским составом начинает изменяться в лучшую сторону. Складывается лагерь передовых ученых, выступавших против старых традиций преподавания¹⁶⁸. К ним относились выпускник казанского университета А.Г. Станиславский, ученик известного К.А. Неволлина, специалист по энциклопедии законоведения, лекции которого отличались содержательностью и ясностью изложения¹⁶⁹; Е.Г. Осокин, закончивший Главный Педагогический институт и в течение двух лет слушавший лекции в ведущих университетах Германии¹⁷⁰, большой знаток истории финансовых учреждений в России; И.Я. Горлов, талантливый и широко образованный политэконом, хотя и числившийся в штатах другого факультета, но занимавшийся со студентами-правоведами¹⁷¹.

Однако наиболее популярны среди казанских студентов были два профессора – Е.Ф. Аристов и Д.И. Мейер, значение деятельности которых в условиях Казанского университета сопоставимо с той ролью, которую играл в Московском университете Грановский¹⁷². Кумиром студентов юридического факультета, несомненно, являлся Д.И. Мейер, один из создателей русского

¹⁶⁶ Монин Я. М. В поисках истины (О В.В. Берви-Флеровском). СПб., 2009. С. 32.

¹⁶⁷ Корбут М. К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 76.

¹⁶⁸ Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского университета в 40-50-е годы XIX века // Правоведение. 1980. № 5. С. 83-89.

¹⁶⁹ Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета 1805-1917 год: Очерки. Казань, 1988. С. 44-45.

¹⁷⁰ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй половине XIX века. М., 2010. С. 137.

¹⁷¹ Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета 1805-1917 год: Очерки. Казань, 1988. С. 77.

¹⁷² Там же. С. 77.

гражданского права как научно-юридической дисциплины¹⁷³. Крайне требовательный преподаватель, нередко проводивший дополнительные занятия у себя дома, Д.И. Мейер разработал систему практических занятий, облегчавших студентом переход к их профессиональной деятельности. Он устроил своего рода «юридическую клинику», где в присутствии студентов давал консультации всем желающим. Д.И. Мейер, в отличие от многих преподавателей, не читал лекции по конспектам, а «говорил» их¹⁷⁴. Его лекции были проникнуты гуманизмом и смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на студентов. «Когда в 40-х гг. с кафедры раздается голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по сословиям и вероисповеданиям – приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством», - отмечал профессор Г.Ф. Шершеневич, автор статьи о Мейере в известном словаре Н.П. Загоскина. Тогдашний студент Назарьев пишет: «Врезались в моей памяти воспоминания Мейера об Остзейском крае и раздражение, с которым он говорил о жалком положении крестьян, их невежестве и бедности полуразвалившихся избышек рядом с грандиозными замками баронов. Обладая редким в то время чутьем, Мейер ясно видел отрицательные стороны русской жизни и не мирился с ними. Такой искренний, правдивый, впервые встреченный протест открывал глаза на многое, что не замечалось до того времени, и я уходил домой подавленный массой новых, никогда не приходивших в голову мыслей и вопросов»¹⁷⁵.

В апреле 1849 г. на заключительной лекции своего курса Д.И. Мейер заявил: «Предчувствие не обманывает меня – я верю в близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, в ком есть человеческое сердце, невольно сознает всю нелепость крепостного права. ... Для вас должно быть ясно, что крепостным необходимо дать свободу. Существует другая

¹⁷³ Ландкоф С. А. Дмитрий Иванович Мейер (1819-1856) // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Т. 114. Кн. 9. Казань, 1954. С. 192-193.

¹⁷⁴ Загоскин Н. П. Биографический словарь профессоров Казанского императорского университета. Казань, 1904. С. 44-48.

¹⁷⁵ Корбут М. К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 77.

язва, позорящая русскую жизнь – это взяточничество. Я не допускаю даже мысли, чтобы Вы, питомцы университета, когда-нибудь оказались сообщниками постыдной торговли правосудием... Мало одного пассивного отношения к злу, Вы обязаны бороться с ним на каждом шагу, в каждый момент своей жизни, не останавливаясь ни перед какими затруднениями или жертвами»¹⁷⁶.

Безусловно, именно Д.И. Мейер оказывал наибольшее влияние на группировавшуюся вокруг него передовую часть студентов юридического факультета, к которым принадлежал и В.В. Берви-Флеровский. «Молодому Берви речи профессора Мейера служили нравственным крещением. Ученость Мейера, широта его взглядов, стоическая твердость убеждений действовали чарующим образом на студента-энтузиаста»¹⁷⁷.

Сам В.В. Берви-Флеровский считал Д.И. Мейера не только лучшим преподавателем, но и своим другом. Воспоминания о нем он сохранил на всю жизнь, особо подчеркивая ту роль, которую Д.И. Мейер сыграл в развитии его мировоззрения. «Когда я был студентом в Казанском университете, - пишет он, - у меня там был друг: то был мой профессор гражданского права, известный в России ученый Мейер. Мейер обладал искусством вызывать и развивать в душе моей лучшие ее инстинкты. Однажды я отправлялся на каникулы и пришел к нему, чтобы взять книг «Вероятнее, впрочем, что я в деревне ничего не буду делать», - сказал я с юношескою развязностью. «Я убежден, - ответил Мейер, что и в тюремном заключении вы будете проводить ваше время с пользой. Его слова произвели на меня глубокое впечатление. Я восторженно решался всю жизнь быть полезным человеком»¹⁷⁸.

Именно Д.И. Мейер, обратив внимание на незаурядные способности юноши, привлек его к научной работе, дав проявить себя. В 1849 г. на диспуте Рязанова по уголовному праву впервые в Казани в качестве частного оппонента выступал студент Василий Берви. «Мейер воспользовался моими

¹⁷⁶ Там же. С. 78.

¹⁷⁷ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 132.

¹⁷⁸ Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 146.

знаниями, чтобы сделать почин до того неслыханный в университетах: он предложил мне оспаривать публично тезисы одного магистранта. Все предсказывали мне полное фиаско, но вышло не так. После диспута профессор мог сказать мне в виде поощрения: «Вы оппонировали не как дилетант, а как человек науки»¹⁷⁹.

Д.И. Мейер, как вспоминал позднее В.В. Берви-Флеровский, дал ему перед его отъездом на службу в министерство юстиции своеобразный наказ. «Когда я уезжал в Петербург, он выразительными словами изображал жалкое положение нашего отечества и убеждал меня посвятить все силы на служение ему»¹⁸⁰.

Еще одним фактором, оказавшим значительное влияние на личностное становление В.В. Берви-Флеровского, стало учение М.В. Петрашевского, «излагавшего пламенным языком идеи братства, общего труда, общей жизни, полного удовлетворения всех потребностей, полного равенства и безоблачной любви»¹⁸¹. Близкое знакомство с идеями петрашевцев стало для В.В. Берви-Флеровского возможным в результате перевода в Казань для окончания обучения нескольких человек, связанных с петербургскими кружками сторонников Петрашевского¹⁸².

Дело в том, что в то время в Казанский университет нередко становился местом своеобразной ссылки для неблагонадежных студентов, исключенных из других университетов. Уже в 1824 г. трое казенных студентов Виленского университета, связанные с образовавшимся там в студенческой среде тайным обществом, были отправлены в Казанский университет на казенное содержание под строжайший надзор администрации. С этого времени в Казань за те или иные политические проступки непрерывно переводили студентов, преимущественно поляков, из западных российских университетов. Студенты-«западники», очевидно, сыграли немаловажную роль в политическом

---

¹⁷⁹ Там же. С. 138.

¹⁸⁰ Там же. С. 146.

¹⁸¹ Там же. С. 137.

¹⁸² Там же. С. 138.

и умственном просвещении отсталого студенчества глухой провинции, которой была тогда Казань¹⁸³.

В 1847 г. в Казань были переведены Н.М. Благовещенский (он был назначен адъюнктом в Казанский университет) и братья А.Н. и Н.Н. Бекетовы¹⁸⁴, кружок которых действовал в первой половине 40-х гг. XIX в. в Петербурге. Старший из братьев Бекетовых, Алексей Николаевич, в 1844 г. окончил Главное инженерное училище, а младшие, Андрей и Николай в середине 1840-х гг. еще не завершили высшего образования. Поэтому ядро кружка составляла студенческая молодежь. Участниками его собраний были будущий петрашевец А.Н. Плещеев, однокашники старшего Бекетова Ф.М. Достоевский и Д.В. Григорович. Диапазон обсуждаемых вопросов был довольно широк, нередко раздавались протесты против угнетения и несправедливости. Петербургский кружок Бекетовых распался после перевода младших братьев в Казань¹⁸⁵. В Казанском университете вокруг Бекетовых вновь сложился кружок, в который вошел и Василий Берви.

В Казани петербургские студенты «действовали также как Петрашевский, они распространяли учение Фурье», бывшее «прелестною мечтою. Грубую животную жизнь тогдашней молодежи оно замещало стремлением к идеалу братской любви и всеобщего равенства, мало-мальски любознательных оно побуждало к серьезному чтению, а людей способных – к занятию наукой»¹⁸⁶.

В Казани в 1840-х годах уже сложился определенный круг людей, способных в той или иной степени воспринять идеи Петрашевского. К их числу принадлежал В.А. Головинский, в 1849 г. назначенный стряпчим в Казань (в Петербурге он бывал на «пятницах» Петрашевского). Здесь же жили братья Благовещенские: старший – Николай Михайлович – учитель и младший –

¹⁸³ Корбут М. К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 71-72.

¹⁸⁴ Бушканец Е. Г., Вульфсон Г. Н. Из истории общественно-политической мысли в Казанском университете в I половине XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Т. 116. Кн. 5. Казань, 1956. С. 275.

¹⁸⁵ Егоров Б. Ф. Петрашевцы. М., 1988. С. 37.

¹⁸⁶ Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 138-139.

Владимир Михайлович – студент. Николай Михайлович, занимавший с 1845 г. должность профессора римской словесности в университете, также посещал пятницы Петрашевского. Встречались с Петрашевским и юрист, адъютант Казанского университета Н.В. Ратовский, и историк П.П. Пекарский¹⁸⁷.

Кружок передовой молодежи, непосредственно связанной с петрашевцами, группировался вокруг профессора Д.И. Мейера. Среди его членов были почти все упомянутые выше лица: братья Бекетовы, адъютант Н.М. Благовещенский, адъютант Н.В. Ратовский, студенты В.В. Берви, А.П. Пекарский и др.¹⁸⁸. При этом стоит отметить, что на одной из встреч петрашевцев в Казани было решено, что профессора Мейер и Щапов будут читать лекции «особого приготовления и оттенка» для узкого круга лиц. В этот узкий круг вошли студенты И. Умно́в, В. Берви, И. Пеньковский, А. Бирюков, К. Лаврский, М. Элпидин, Христофоров и другие¹⁸⁹.

Встречи участников кружка, их беседы, обсуждение идей социалистов-утопистов не прошли для В.В. Берви-Флеровского бесследно. Много лет спустя он вспоминал, что утопический социализм был близок ему, что он «вполне чувствовал увлекательность идеи равенства, к осуществлению которой они стремились», что «крик французской революции «свобода, равенство, братство» горел в его душе чистым и ярким пламенем»¹⁹⁰.

При этом отметим, что в отличие от многих своих современников В.В. Берви-Флеровский не ограничивался простым теоретизированием. Он всегда стремился строить свою жизнь таким образом, чтобы слова не расходились с делом. Идеи социального равенства, уважения к законности он воспринимал не как голую теорию, а как своего рода руководство к действию. Сталкиваясь с несправедливостью, он не мог не попытаться исправить ее. Это столь характерное для него качество проявляется уже во время обучения

¹⁸⁷ Мони́н Я. М. В поисках истины (О В.В. Берви-Флеровском). СПб., 2009. С. 34-35.

¹⁸⁸ Казанский университет (Очерки истории). Казань, 1979. С. 19.

¹⁸⁹ Мони́н Я. М. В поисках истины (О В.В. Берви-Флеровском). СПб., 2009. С. 34-35.

¹⁹⁰ Берви-Флеровский В. В. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Лондон, 1897. С. 493-494.

в университете. Один из подобных случаев описан в воспоминаниях Э.И. Берви.

У одного из крепостных отца В.В. Берви-Флеровского умерла жена, оставив несколько сирот. Вдовец решил жениться на молодой и красивой девушке и, получив согласие барина, собрался венчаться. Девушка была в отчаянии. Никакие просьбы не помогли, даже просьбы сына. Тогда молодой Берви решился на последнее средство. Придя в церковь, где венчание уже началось, несмотря на публичный отказ девушки, он сделал священнику строгий выговор, попытался устыдить его, спрашивая: «Какое же вы, священнослужитель, имеете право проявлять насилие?». В результате венчание не состоялось, девушка была избавлена от неравного брака¹⁹¹.

Еще один случай приводится в воспоминаниях самого В.В. Берви-Флеровского. «Однажды попечитель Молостов встретил одного из наших петербургских гостей, когда он возвращался с ботанической экскурсии; ему показалось, что он недостаточно вежливо ему поклонился, и он посадил его в карцер. Выходка попечителя вызвала всеобщее негодование в университете. Придя на другой день в университет, я нахожу там всех в волнении. Большая толпа окружила меня, и стали посылать депутатом к инспектору. Я явился требовать освобождения арестованного. К удивлению, инспектор согласился, он побоялся вызвать негодование профессоров и студентов, пропитанных новым духом»¹⁹². Показательно, что именно В.В. Берви-Флеровский отправился ходатайствовать об освобождении заключенного. Этот шаг, видимо, представлялся ему совершенно естественным продолжением его мыслей и чувств. Сходным образом он будет поступать и в дальнейшем, когда выступит в защиту петербургских студентов, а позднее тверских мировых посредников, не задумываясь ни о своей научной карьере, ни о более серьезных последствиях.

Определенное воздействие оказало на В.В. Берви-Флеровского и необычное для Казани отношение братьев Бекетовых к учебе. В.В. Берви-

---

¹⁹¹ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 130-131.

¹⁹² Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 138.

Флеровский подчеркивал, что именно «петербургские гости учили нас самостоятельно заниматься наукой. До того времени в Казанском университете и понятия не имели о том, что студент может заниматься наукой, а не заучивать лекции. Под их влиянием и я взялся за самостоятельное изучение науки»¹⁹³. Напомним, что приглашение оппонировать магистранту на диспуте В.В. Берви-Флеровский получил в 1849 г., т.е. уже после знакомства с петрашевцами, в последний год обучения. Страсть к научным занятиям, привычку к постоянному умственному труду, сформировавшуюся в годы пребывания в Казанском университете, В.В. Берви-Флеровский сохранил до конца своих дней.

В студенческие годы у В.В. Берви-Флеровского сформировалось и еще одно увлечение, во многом определившее предмет его последующих размышлений – философия. Особое внимание он уделял работам Гегеля, которые произвели на него серьезное впечатление, о чем Берви-Флеровский упоминает в автобиографическом романе «На жизнь и на смерть»¹⁹⁴.

Систематическое чтение, регулярные самостоятельные занятия не могли не сказаться на результатах учебы. Учился В.В. Берви-Флеровский «страстно и хорошо», хотя и несколько неровно, «пренебрегая неинтересным для себя, поэтому случалось, что он несколько раз фигурировал одновременно и на золотой и на черной доске»¹⁹⁵. В 1849 г. он защитил выпускную работу по государственному праву и окончил университет в числе трех лучших студентов.

Таким образом, некоторые черты характера – обостренное чувство справедливости, неприятие насилия, любовь к чтению и самостоятельным размышлениям, а также первое юношеское восхищение идеалами равенства сформировались у В.В. Берви-Флеровского уже в довольно раннем возрасте.

---

¹⁹³ Там же. С. 138-139.

¹⁹⁴ Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В. В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С. 17.

¹⁹⁵ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 131.

В плане становления мировоззрения, равно как и в плане общего и профессионального развития, В.В. Берви-Флеровский гораздо больше, чем от гимназии получил от Казанского университета, годы обучения в котором стали для В.В. Берви-Флеровского периодом интеллектуального и личностного роста, временем определения его интересов. В студенческие годы он демонстрирует стремление к единству образа мыслей и поведения; в это время оформились основные его предпочтения: живой интерес к науке, интеллектуальному труду, увлечение философией; начали складываться основные мировоззренческие принципы (идеи демократических свобод, полного равенства и братства, необходимости общего труда, общей жизни, полного удовлетворения всех потребностей и т.п.), в основу которых легли идеи петрашевцев и французской буржуазной революции.

1.2. В.В. Берви-Флеровский на службе в министерстве юстиции (место в поле производства идей раннего либерализма)

Как уже упоминалось в историографическом обзоре, личность В.В. Берви-Флеровского рассматривалась в отечественной литературе в первую очередь в связи с народническим движением. Однако основная масса авторов подчеркивает, что на ранних этапах своей деятельности он стоял на позициях либерализма. Последние исследования, посвященные раннему русскому либерализму, актуализировали проблему интеллектуальной атмосферы, в которой он формировался, выявили исследовательский интерес к представлявшим его лицам¹⁹⁶. Такой поворот стимулирует обращение к раннему периоду деятельности В.В. Берви-Флеровского, связанному с его службой в министерстве юстиции. Именно в это время появляется ряд его проектов, в которых отразился взгляд молодого юриста на модернизацию судебной системы России. В рамках параграфа предполагается сопоставить его представ-

---

¹⁹⁶ Шнайдер К. И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. Челябинск, 2013.

ления со взглядами одного из деятелей раннего русского либерализма – К.Д. Кавелина. В пользу этой фигуры говорят, во-первых, ряд свидетельств о знакомстве с ним В.В. Берви-Флеровского, о которых речь пойдет ниже, во-вторых, «народнический»¹⁹⁷ характер кавелинского либерализма.

В 1849 г. двадцатилетним юношей В.В. Берви-Флеровский окончил Казанский университет со степенью кандидата. Как один из трех лучших студентов он получил право начать службу в министерствах и главных управлениях без обязательной трехгодичной службы в губернских учреждениях. В декабре того же года он был определен на службу в департамент министерства юстиции канцелярским чиновником с утверждением в чине коллежского секретаря, а 27 декабря был назначен младшим помощником столоначальника¹⁹⁸.

Карьера молодого человека складывалась обычным для того времени образом. В 1853 г. ему в числе прочих чиновников была объявлена признательность министра юстиции за усердие к службе. Приказом от 20 января 1854 г. В.В. Берви-Флеровский был произведен за выслугу лет из коллежских секретарей в титулярные советники¹⁹⁹. В 1856 г. ему, тогда уже старшему помощнику столоначальника, была выдана для ношения бронзовая медаль темного цвета на Андреевской ленте²⁰⁰. Приказом от 27 марта 1857 г. он был произведен за выслугу лет в коллежские ассессоры со старшинством, в августе 1858 г. награжден 150 рублями серебром.

В этот период своей деятельности В.В. Берви-Флеровский разбирал переданные ему на хранение старые уголовные дела, вписывал входящие и исходящие документы. Одновременно он активно занимался самообразованием, особенно много времени уделяя вопросам политэкономии²⁰¹. Эти занятия не вызывали одобрения большинства окружающих. В.В. Берви-Флеровский

---

¹⁹⁷ Там же. С. 11.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 3-4 об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 3-7.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 47. Д. 7439. Л. 37.

²⁰¹ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 122- 142.

вспоминал позднее, что он прослыл «вольнодумцем»²⁰². Отметим, что именно на этом этапе жизни В.В. Берви-Флеровский во многом определил свою позицию по отношению к способам продвижения по карьерной лестнице. «Мне внушалось, что я должен вести такую жизнь, какую они (сослуживцы-чиновники – З. С.) ведут, т.е. ничего не читать, ни о чем серьезном не думать, никогда ни о чем серьезном не говорить, служить усердно, угождать начальству, с тактом поддерживать свои связи, в свободное время играть в карты, и только»²⁰³. Однако подобный образ жизни был для В.В. Берви-Флеровского неприемлем, т.к. связан был со своего рода «двойным стандартом», требовал слишком серьезного расхождения мыслей и идеалов с одной стороны и поведения с другой. В.В. Берви-Флеровский отказался от идеи сделать карьеру любой ценой и достигнуть определенной власти, даже для того, чтобы потом приносить обществу пользу. Позднее в своих воспоминаниях он достаточно четко сформулирует свое тогдашнее жизненное кредо: «Я решил заботиться об одном – о том, чтобы составить себе взгляд на вещи с полной независимостью и не руководствоваться при этом никакими соображениями, кроме стремления к истине»²⁰⁴.

Тем не менее, служебное положение В.В. Берви-Флеровского постепенно упрочилось. Начальство обратило внимание на глубокие познания и незаурядные способности молодого чиновника. 4 февраля 1859 г. В. В. Берви-Флеровский назначается чиновником особых поручений VIII класса. В это же время на него была возложена обязанность заведования библиотекой министерства, которую он выполнял вплоть до 6 октября 1861 г.²⁰⁵ При этом тогдашний министр юстиции В.Н. Панин, «разрешил ему одному вход в свою отдельную библиотеку, где хранились все запрещенные издания, которые он как министр, получал свободно»²⁰⁶. В июле 1860 г. В.В. Берви-

²⁰² Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М.- Л., 1929. С. 24.

²⁰³ Там же. С. 27.

²⁰⁴ Там же. С. 29-30.

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 3-7.

²⁰⁶ Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С. 19.

Флеровского назначили чиновником особых поручений VI класса, а 5 января 1861 г. определением правительствующего сената он был произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством²⁰⁷.

По мере продвижения по карьерной лестнице Василий Васильевич был допущен к более серьезной работе. Он делал доклады по достаточно острым проблемам того времени – о злоупотреблениях губернаторов и прокуроров и т.д., и, в целом, имел возможность познакомиться с положением дел в стране. Постепенно молодой человек начинал понимать всю глубину кризиса, охватившего Россию. В.В. Берви-Флеровского поражали размеры взяточничества, получившего широкое распространение в чиновничьей среде, он отмечал, что общество не только не преувеличивает слухи о нем, но «не знает и десятой доли того, что делалось в действительности»²⁰⁸. Возмущали его и дела о жестоком обращении помещиков с крестьянами, от которых «волосы становились дыбом»²⁰⁹. Попытки В.В. Берви-Флеровского решать рассматриваемые им дела исключительно в соответствии с буквой закона нередко не заканчивались ничем, благодаря резолюциям вышестоящих лиц²¹⁰. Поэтому, когда во второй половине 50-х гг. XIX в. началась подготовка к судебной реформе, В.В. Берви-Флеровский воспринял ее как нечто необходимое и принял активное участие в ее обсуждении. С этого времени молодой чиновник департамента министерства юстиции все больше склонялся к научно-публицистической деятельности²¹¹.

В 1859 г. во вновь созданном «Журнале министерства юстиции» появилась его статья «Очерки судебного управления в Англии», в которой он рассматривал английскую систему судопроизводства.

Статья, по словам самого В. В. Берви-Флеровского, произвела на его коллег приятное впечатление. Министр юстиции В.Н. Панин отметил осно-

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 3-7.

²⁰⁸ Берви В.В. Записки революционера-мечтателя. М. - Л., 1929. С. 35.

²⁰⁹ Там же. С. 51.

²¹⁰ Там же. С. 39, 41, 47 и т.д.

²¹¹ Томсинов В. А. Василий Васильевич Берви: правовед и революционер (1829-1918) // Законодательство. 2001. № 2. С. 81.

вательность и оригинальность изложения материала и предложил молодому юристу изложить свои взгляды на возможное преобразование судебных учреждений в России²¹².

Проект, предложенный В.В. Берви-Флеровским, был направлен на некоторые изменения в ходе сенатских ревизий. Эта работа подверглась критике и слева, и справа.

В 1860 г. в журнале «Юридический вестник» были опубликованы еще две работы В.В. Берви-Флеровского - «Иностранные юридические книги, вышедшие в Германии в 1857 и 1858 гг.» и «Несколько слов о ходатаях по делам».

Если первая статья представляет собой обзор вышедшей в свет иностранной литературы по проблемам юриспруденции, то во второй излагались взгляды В.В. Берви-Флеровского на проблемы адвокатуры. Вопрос этот, начиная с 1858 г., широко обсуждался в периодической печати и являлся предметом ожесточенных споров между юристами. Статья молодого чиновника, опубликованная в «Юридическом вестнике», имела определенный успех.

Показательно, что работа эта сопровождалась редакторской пометкой о том, что взгляды, выраженные в ней «принадлежат не одному автору»²¹³.

Оценивая в самых общих чертах представления В.В. Берви-Флеровского о готовящейся судебной реформе (более подробно они рассмотрены в Гл. 3), следует отметить их весьма умеренный характер. Не считая возможным устранить некоторые реалии российской действительности, молодой чиновник пытался «подстроить» положения реформы под них.

Научно-публицистическая деятельность В.В. Берви-Флеровского была замечена и по достоинству оценена юридическим сообществом. В начале 1861 г. ему предложили занять место на кафедре финансового права в Харьковском университете. Несмотря на то, что В.В. Берви-Флеровский не имел ученой степени, необходимой для работы в вузе, его пригласили на долж-

---

²¹² Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 145.

²¹³ Берви В. В. Несколько слов о ходатаях по делам // Юридический вестник. 1860-1861. Вып. 6. С. 1.

ность профессора, а не адъюнкта (доцента)²¹⁴. Однако В.В. Берви-Флеровский, много времени посвящавший работе с литературой, опасался, что в Харькове будет лишен такой возможности. Поэтому прежде чем принять предложение харьковчан он счел необходимым справиться через знакомого о наличии в университетской библиотеке изданий, необходимых для занятий наукой. Показательно, что профессора юридического факультета дружно сочли это требование излишним. Хотя ректор и обещал сделать все возможное для изменения сложившейся ситуации, В.В. Берви-Флеровский, понимая, что ему придется столкнуться с противодействием всего юридического факультета, решил обратиться за советом к профессору К.Д. Кавелину. Неожиданно для себя он получил встречное предложение – преподавать государственное право в Санкт-Петербургском университете. Для этого было необходимо сдать экзамен на ученую степень и съездить на два года в Гейдельбергский университет, чтобы разработать курс. В.В. Берви-Флеровский не желал ничего лучшего, полагал, что наступило «время исполнения цели всей его жизни»²¹⁵. Однако он считал, что преподавание права налагает на человека определенные обязанности, которые изложены в его письме к К.Д. Кавелину. Он полагал для себя возможным преподавание лишь при наличии двух условий. «Во-первых, университет должен быть в таком положении, чтобы преподаватель политических наук мог в нем добросовестно исполнять свои обязанности. ... Добросовестный человек не может преподавать с кафедры ложь. Во-вторых, я нахожу, что в государстве, где управление так сильно и склонно действовать так недобросовестно, как в России, профессор государственного права должен иметь такую самостоятельность, что он не только во всякое время мог оставить кафедру, но даже оставить свое отечество. Только в таком положении он может надеяться, что ум и совесть его не скривятся под давлением»²¹⁶.

---

²¹⁴ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М. - Л., 1929. С. 61.

²¹⁵ Там же. С. 61-63.

²¹⁶ Цит. по: Мещеряков В. П. Две судьбы (В.В. Берви-Флеровский и М.Н. Катков в годы первой революционной ситуации в России) // Русская литература. 1979. № 3. С. 181.

В апреле 1861 г. В.В. Берви-Флеровский успешно сдал магистерский экзамен и готовился к поездке в Германию. Однако обстоятельства сложились таким образом, что преподавательская деятельность оказалась для молодого юриста недоступной. 25 сентября 1861 г. В.В. Берви-Флеровский, зашедший в университет для окончательного решения дел, связанных с будущим преподаванием, случайно попал на студенческий митинг в защиту отпущенного в отставку министра народного просвещения Е.П. Ковалевского. Он был поражен тем порядком, который царил среди студентов, и пребывал в самом «радужном расположении духа», полагая, что на его глазах совершается движение России по пути легализации свободы слова²¹⁷. Однако уже на следующий день начались массовые аресты студентов, принявших участие в митинге.

В это время (начиная с конца 1859 г.) в Сенате и министерстве юстиции действовал юридический кружок, лидером которого был Д.В. Стасов. Можно предположить, что участником его был и В.В. Берви-Флеровский. Об этом свидетельствует активное участие В.В. Берви-Флеровского в обсуждении проблем будущей реформы, его близость с К.К. Арсеньевым, знакомство с К.Д. Кавелиным, Д.В. Стасовым, активное участие в сборе подписей в защиту студентов. Кроме того, В.В. Берви-Флеровский просто не мог остаться в стороне от дела, которое на фоне традиционной чиновничьей жизни не могло не показаться ему живым и настоящим.

Поскольку этот кружок дает нам представление об интеллектуальном поле, в которое был включен В.В. Берви-Флеровский, имеет смысл остановиться на его составе и деятельности чуть подробнее.

В первоначальный состав кружка, кроме самого Д.В. Стасова, вошли также К.К. Арсеньев, Д.Б. Бер, П.О. Тизенгаузен и В.В. Самарский-Быховец. Позднее в него входили и другие молодые юристы, многие из которых заняли впоследствии видные государственные посты – А.А. Половцев, А.А. Сабуров, А.М. Троицкий и др. За время десятилетнего сущест-

²¹⁷ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М. - Л., 1929. С. 71.

вованія кружка в нем участвовало не менее 45 человек. Известные профессора-юристы В.Д. Спасович, К.Д. Кавелин, Б.И. Утин, автор судебной реформы С.И. Зарудный, формально не входившие в состав этого общества, нередко посещали его заседания²¹⁸.

В литературе приводятся данные о том, что в этом кружке на рубеже 1850-1860-х гг. обсуждались издания Вольной русской печати и подпольные прокламации. Однако главной его целью стала «разработка различных проектов судебной реформы с критическим анализом пороков дореформенного суда»²¹⁹. Обычно, каждое заседание посвящалось разбору какого-либо законопроекта, затем рассматривались практические вопросы применения отдельных законов.

На участников кружка наибольшее влияние, похоже, оказывал Д.В. Стасов, которому обычно принадлежала инициатива возбуждения ряда важных вопросов, рассматривавшихся потом всеми присутствующими. Отметим, что Дмитрий Васильевич, «будучи близок к революционной демократии на рубеже 1850 – 1860-х гг., прямого участия в антиправительственных организациях не принимал»²²⁰, находясь скорее на либеральных позициях.

Думается, определенное влияние на В.В. Берви-Флеровского оказал и один из наиболее видных деятелей раннего русского либерализма К.Д. Кавелин, убежденный сторонник всестороннего улучшения положения крестьян, отмены дворянских привилегий, защитник крестьянской общины²²¹, плюрализма в общественном сознании²²² и одновременно противник любых революционных потрясений. Не напрасно именно его В.В. Берви-Флеровский

---

²¹⁸ Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб., 2011. С. 115-116.

²¹⁹ Там же. С. 99.

²²⁰ Там же. С. 100.

²²¹ Арсланов Р. А. Кавелин Константин Дмитриевич // Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 2: Д-К. М., 1996. С. 421-423.

²²² Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1994. Ч. 1. URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/prilensk.html>

выбрал для обсуждения вопроса о своей будущей профессорской деятельности.

Узнав 29 сентября об аресте организаторов студенческого митинга, Д.В. Стасов предложил начать сбор подписей под просьбой о помиловании привлеченных к ответственности студентов. В.В. Берви не только вместе с прочими чиновниками министерства юстиции и Сената (К.К. Арсеньев, В.И. Герард, А.Н. Апухтин и др.) подписал прошение, но и сам принял участие в их сборе. Это совершенно невинное с позиций закона действие имело, однако, совершенно неожиданное продолжение. Второго октября Стасов был арестован под тем предлогом, что подписи собирались якобы для подачи императору адреса о конституции, а от Берви-Флеровского, Арсеньева и др. начальство потребовало объяснений. В письменном объяснении и К.К. Арсеньев, и В.В. Берви-Флеровский подчеркнули, что они не отказываются от своей подписи, и что она остается без последствий только в связи с уничтожением подписного листа²²³. В.В. Берви-Флеровский в своих воспоминаниях отмечает, что он при этом особо подчеркивал желание студентов действовать законно и то, что они были поставлены администрацией в условия, в которых не могли действовать так законно, как предполагали²²⁴.

И на В.В. Берви-Флеровского, и на К.К. Арсеньева оказывали довольно сильное давление, требуя назвать имя человека, затеявшего сбор подписей. При этом намекали и на возможные неприятности, и на то, что своим молчанием они могут повредить выгораживаемому ими лицу. Встал даже вопрос об увольнении К.К. Арсеньева из министерства. Пятого октября состоялось заседание консультации, на котором решено было всем подписавшимся сделать внушение, а В.В. Берви-Флеровского и К.К. Арсеньева, как более виновных, подвергнуть административному взысканию по усмотрению управляющего министерством. Лишь седьмого октября стало известно, что

---

²²³ Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 163.

²²⁴ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М.- Л., 1929. С. 72-73.

особо строгих мер совет министров к участникам акции по сбору подписей в защиту студентов применять не собирается.

Тем не менее, эта история не прошла бесследно практически ни для кого из ее участников. Д.В. Стасов был уволен со службы, К.К. Арсеньеву запретили занимать должности, связанные с управлением другими²²⁵. Для В.В. Берви-Флеровского результатом истории со студенческим митингом стал запрет на заграничную командировку и, следовательно, лишение возможности занять должность профессора. Министр юстиции В.Н. Панин писал по этому поводу, что «во время службы Берви был поведения скромного, но в исходе прошлого года некоторыми своими поступками он возбудил сомнение в твердости его мыслей относительно служебного долга. Поэтому, когда бывший министр народного просвещения в ноябре месяце спрашивал, не встречаю ли я препятствий к отправлению помянутого Берви за границу, для приготовления к получению высшей ученой степени, то я отвечал графу Путятину, что по вышеизложенной причине отправление Берви за границу на казенный счет я признал бы неудобным. За таким ответом Берви отправлен не был»²²⁶.

Тем не менее, даже после этого В.В. Берви-Флеровский не считал для себя возможным молчать. В конце ноября он опубликовал в Санкт-Петербургских ведомостях фельетон в защиту студентов. Этот фельетон являлся, по сути, ответом на вступительную лекцию Б.М. Чичерина к курсу государственного права, в которой тот осудил студенческие манифестации. В.В. Берви-Флеровский, напротив, высказался в их защиту, оспорив некоторые положения лекции Чичерина и отметив одновременно, что «недостойно профессора государственного права читать лекции с намеками»²²⁷.

В феврале 1862 г. произошло еще одно событие, сделавшее невозможным для В.В. Берви-Флеровского продолжение службы в министерстве юс-

²²⁵ Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 163.

²²⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 1 об-2.

²²⁷ Берви В. В. Обращение к г. Чичерину, по поводу вступительной лекции, прочитанной им в Московском университете, и отпечатанной в «Московских ведомостях» // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 24 нояб. № 261.

тиции. Съезд тверских мировых посредников в декабре 1861 г. выразил свое несогласие с «Положениями 19 февраля 1861г.», высказался за ликвидацию сословных привилегий дворянства и за введение в стране демократических преобразований²²⁸. Арест тринадцати мировых посредников и обвинение их в «неисполнении высочайшего повеления»²²⁹ вызвал негодование молодого юриста. В.В. Берви-Флеровский подал прошение на высочайшее имя, в котором выступил в защиту тверских мировых посредников. Одновременно письма сходного содержания он отправил ко всем губернским предводителям дворянства (кроме западных губерний)²³⁰ и в английское посольство. В полном объеме все эти документы опубликованы в работе О.В. Аптекмана, посвященной биографии В.В. Берви-Флеровского²³¹, поэтому остановимся подробнее на отдельных их частях, обладающих по нашему мнению наибольшей значимостью. В.В. Берви-Флеровский подчеркивал, что дворянин может быть взят под арест только в том случае, когда он совершил преступление, подвергающее его лишению прав состояния. Тверские же дворяне не сделали ничего противозаконного, напротив, они исполнили свою прямую обязанность, высказав свое мнение относительно законов, причем, только лишь после того, как убедились, что значительное число дворян разделяет их взгляды. В.В. Берви-Флеровский ставит тверским мировым посредникам в заслугу то, что они «удержались от всякого влияния на крестьян, которое могло бы иметь своим последствием опасные волнения»²³². Он предупреждает правительство об опасности, которой оно подвергается, отталкивая от себя лиц, стремящихся действовать легально. «В настоящую минуту спокойствие правительства и общества стоят на твердых основаниях. ... Но в высшей степени не политично со стороны правительства пользоваться этим для преследования и ожесточения людей самого смелого образа мыслей, надеяться на искоренение крайней партии путем устрашения - совер-

²²⁸ Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., С. 313-316.

²²⁹ ГАРФ. Ф.109. Оп.37. Д.139. Л.17 об.

²³⁰ РГИА. Ф.1405. Оп. 534. Д. 589. Л. 9 об.

²³¹ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925.

²³² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 11-11 об.

шеннейшая нелепость. ... Насилия со стороны государства только для поверхностного наблюдения остаются безнаказанными и не имеют последствий. ... Неудовольствие может распространиться легко, и если в это время самая смелая часть образованного сословия будет ожесточена, если она будет симпатизировать революционным движениям и заговорам, то легко может случиться несчастье»²³³.

В письме, направленном в английское посольство, В.В. Берви-Флеровский вновь подчеркивает, что «тверские дворяне не совершили государственного преступления, в котором они обвиняются» и заявляет, что «предание их суду Сената не представляет для них гарантии справедливости, ибо судьи Сената находятся в распоряжении правительства и еще недавно показали отвратительное подобострастие». Действия правительства он расценивает как «деспотические и притеснительные»²³⁴.

Перекликаются с этими документами и отложившиеся в РГИА материалы по освидетельствованию умственных способностей В.В. Берви-Флеровского. Они содержат ответы на вопросы, заданные Василию Васильевичу членами физиката по поводу написанного им прошения, и его письменные объяснения по этому поводу.

Так, на вопрос о причинах его поступка, В.В. Берви-Флеровский ответил, что он «не мог не обратить внимания на гибельные последствия правительственной системы произвольными и насильственными мерами подавлять малейшие проявления самостоятельной мысли и стремления к разумному развитию гражданской жизни мирным путем». В ответ на вопрос о том, какие действия правительства он считает произволом, В.В. Берви-Флеровский приводит факты ареста «сперва 310 человек студентов, а потом 13 тверских помещиков». При этом он пояснил, что «обычно арестуют преступников, людей вредных и опасных, но людей образованных, желающих блага, дейст-

---

²³³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 15 об.-16.

²³⁴ Там же. Л. 19 – 19 об.

вующих мирно и разумно, хотя бы они и ошибались, кажется незачем арестовывать»²³⁵.

В своих письменных показаниях Василий Васильевич объяснил, почему он избрал именно такую форму протеста. «Если бы я жил в стране, где господствует свобода речи, то я бы, конечно, не прибегнул к такому странному пути, а стал бы писать умеренные статьи до тех пор, пока бы мне удалось убедить общественное мнение в предстоящей опасности (усиление революционных настроений - З.С.). Всякому известно, что действовать таким образом в России в настоящее время совершенно невозможно, потому что ни одна подобная статья моя не была бы пропущена цензурой. ...Лишенный возможности предостеречь общественное мнение я решил предостерегать правительство»²³⁶.

И вновь отметим, что взгляды В.В. Берви-Флеровского вряд ли могут быть расценены как революционные. Они, явно, далеки от какого бы то ни было радикализма, и вполне укладываются в рамки либеральной оппозиционности.

Тем не менее, высказывания подобного рода не могли остаться безнаказанными. Шестого марта В.В. Берви-Флеровский, узнав, что у него будет обыск, отвез часть своих вещей к двоюродному брату в Лесной институт²³⁷. Седьмого марта глава III Отделения князь В.А. Долгоруков приказал доставить В.В. Берви-Флеровского к генерал-губернатору Санкт-Петербурга, арестовать и присмотреть за его квартирой до момента, пока она не будет взята под охрану полиции, чтобы сохранить «в целости бумаги сего чиновника». Одновременно в записке, адресованной министру юстиции графу Панину, он отметил, что находит необходимым освидетельствовать состояние умственных способностей Берви «предварительно каких-либо решительных относительно его распоряжений»²³⁸. Э.И. Берви впоследствии вспоминала, что к

²³⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 589. Л. 8-10.

²³⁶ Там же. Л. 8-10.

²³⁷ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 133.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 21-22 об.

В.В. Берви «явился экзекутор и заявил, что генерал-губернатор приглашает его к себе для дела. Одевшись во фрак, как для официального приема, Берви поехал с экзекутором, который отвез его в секретный номер, к частному приставу полковнику Иодко.

...Иодко, согласно полученной инструкции уговаривал арестованного притвориться сумасшедшим, но, не получив согласия, посадил его в одиночную камеру в шесть шагов длины и три ширины»²³⁹. После ареста В.В. Берви-Флеровский подвергся освидетельствованию умственных способностей несколько раз. Главный врач петербургской полиции не нашел у него каких-либо признаков душевной болезни²⁴⁰, однако В.В. Берви-Флеровский был направлен на переосвидетельствование в губернском присутствии. Последнее пришло 16 апреля к следующему заключению: «Суждения надворного советника Берви, как словесно, так и письменно показывают только собственный взгляд на существующий общественный порядок с основанными на индивидуальности его идей умозаключениями, не изобличая в нем расстройства умственных способностей». Однако, «принимая в соображение 1) не вполне естественный образ действий г. Берви, - как то обращение его со своими воззрениями к представителю одной иностранной державы; 2) удостоверение гг. членов физиката, что выражение его лица подает повод сомневаться в совершенной нормальности его психического состояния»²⁴¹, было рекомендовано отправить В.В. Берви-Флеровского на шестинедельное испытание в отделение для душевнобольных во втором военно-сухопутном госпитале. Поскольку там не оказалось свободных мест, 17 апреля 1862 г. он был направлен в больницу Всех Скорбящих. В больнице у В.В. Берви-Флеровского установились вполне уважительные отношения с медперсоналом. «Врачи даже сделали его членом своего ученого психиатрического общества и поручили ему работу. В.В. Берви-Флеровский выполнил для врачей собрание узаконений европейских психиатрических больниц с юридической точки зрения. Он

²³⁹ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 133-134.

²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 28-29.

²⁴¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 589. Л. 14-14об.

сделал им по серьезным источникам работу, и доктор Зейферд, и доктор Гехеве остались очень довольны этой работой и сердечно благодарили за нее своего пациента-невольника»²⁴². Старший врач больницы Всех Скорбящих дал заключение о том, что «находящийся в больнице на испытании надворный советник Берви в настоящее время помешательства ума не обнаруживает»²⁴³. Однако это вовсе не означало, что Василий Васильевич может вернуться на службу. Князь Долгоруков полагал, что В.В. Берви-Флеровского следует подвергнуть административной каре²⁴⁴, но В.Н. Панин нашел возможным «освободить Берви от всякого дальнейшего преследования». Связывал он это с тем, что, во-первых, сейчас сложно определить состояние Берви в момент написания им прошения и, во-вторых, с «раздражительностью г. Берви, которая легко может увлечь его снова к совершению какого-либо необъяснимого поступка». По сути, Панин попросту опасался, что В.В. Берви-Флеровский может вновь предпринять что-нибудь подобное, вновь привлечь к себе внимание не только российской, но международной общественности. Тем не менее, «признавая невозможным оставление г. Берви на службе в департаменте министерства юстиции и вообще в столицах, и наклонности его принимать неосмотрительное участие в том, что ему представляется политическим движением», Панин рекомендует уволить В.В. Берви-Флеровского со службы и назначить ему для пребывания одну из внутренних губерний²⁴⁵.

В результате в августе 1862 г. местом проживания В.В. Берви-Флеровского была определена Астраханская губерния²⁴⁶, куда он был выслан административным порядком под надзор полиции в ноябре месяце после выхода из больницы Всех Скорбящих.

Девятого ноября, еще находясь под арестом, В.В. Берви-Флеровский в сопровождении полковника Иодко, у которого находился в заключении, и полковника Квитницкого, адъютанта князя Суворова, был доставлен в до-

²⁴² Берви Е.И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 134-135.

²⁴³ ГАРФ. Ф. 109. Оп.37. Д. 139. Л. 42.

²⁴⁴ Аптекман, О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 48.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 44-45 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 55.

машнюю церковь братьев Елисеевых на Васильевском острове²⁴⁷, где венчался с Эрмионой Ивановной Жемчужиной, ставшей его верной спутницей на всю жизнь.

Таким образом, деятельность В.В. Берви-Флеровского в период его службы в министерстве юстиции была связана с выполнением им служебных обязанностей, самообразованием, занятиями наукой и публицистикой. До 1859 г. (назначение его на должность чиновника особых поручений и получение доступа к библиотеке) первые две составляющих, несомненно, играли приоритетную роль. С 1859 г. на первое место выходят его научная работа и занятия публицистикой, тесно связанные с подготовкой к преподавательской карьере. С 1861 г. Василий Васильевич начинает заниматься политической деятельностью.

Особой революционностью настроений В.В. Берви-Флеровский в этот период не отличался. Он действовал, скорее, как граждански активная личность, органически не способная пройти мимо несправедливости, и как юрист, свято верящий в букву закона. Отметим, что обращаясь с прошениями к Александру II, Василий Васильевич действует в первую очередь как типичный правовед, как человек, знающий законы и ориентирующийся на строгое их исполнение. Он не питает особых симпатий к революционерам и революционному насилию. Он, напротив, считает «долгом своей совести сделать все, ... для того, чтобы противодействовать такому направлению...»²⁴⁸. Однако В.В. Берви-Флеровского глубоко возмущает нарушение правовых норм. Он доказывает, что в цивилизованном государстве закон не может и не должен использоваться как орудие в руках администрации. Выступая в защиту студентов, участвовавших в манифестации, и тверских мировых посредников, В.В. Берви-Флеровский оправдывает не революционные выступления, он, как юрист, отстаивает право гражданина на поступки, сообразные его

---

²⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 166.

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 12-12 об.

убеждениям, право на петицию к императору, право на наказание, определенное законом и соответствующее проступку или преступлению и т. д.

Именно нарушение закона (превышение тяжести наказания) в деле М.Л. Михайлова становится поводом для обвинения Василием Васильевичем верховного уголовного суда в «подобострастии, унижающем суд и справедливость и достойном всякого презрения»²⁴⁹.

В деле тверских мировых посредников В.В. Берви-Флеровский также выступает в первую очередь именно против незаконности их ареста (неверное применение ст. 371 Уложения о наказаниях)²⁵⁰. Он, во-первых, подчеркивает недопустимость подобного наказания в том случае, когда мировых посредников нужно было просто отстранить от должности, и, во-вторых, просит императора оградить дворянство от правительственного произвола²⁵¹.

Таким образом, можно констатировать, что в период службы в министерстве юстиции значительных изменений в мировоззренческих установках В.В. Берви-Флеровского не произошло. Стоит отметить, что в это время он много занимался самообразованием. Неплохо владея иностранными языками, он активно изучал философскую и экономическую литературу, а в период подготовки к экзамену на ученую степень и к заграничной стажировке – литературу по государственному праву. Серьезное знакомство В.В. Берви-Флеровского с зарубежной литературой нашло свое отражение в его первых статьях. Его участие в кружке Д.В. Стасова также способствовало возрастанию интереса к интеллектуальной деятельности, росту либеральной составляющей его взглядов. Кроме того, заведя библиотекой министерства юстиции и будучи вхож в библиотеку В.Н. Панина, он получил доступ к обширной литературе, включавшей в себя и запрещенные издания, отражавшие воззрения революционеров-демократов 1840-начала 1860-х гг. На эту основу накладывается осознание правоведам несовершенства российской системы управления, беззакония и социальной несправедливости в отношении крестьян-

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 139. Л. 14.

²⁵⁰ Там же. Л. 17 об.

²⁵¹ Там же. Л. 11 об.-12.

яинства. Либеральные взгляды молодого человека в сочетании с такими его личностными качествами как неприятие насилия, обостренное чувство справедливости, твердость убеждений и активная жизненная позиция, сделали выступление В.В. Берви-Флеровского в защиту тверских мировых посредников закономерным.

Тем не менее, в конце 40-х – начале 60-х гг. XIX в. воззрения В.В. Берви-Флеровского вряд ли носили революционный характер. Вполне обоснованным представляется мнение В.П. Заблоцкого о том, что мировоззрение мыслителя в это время характеризовалось определенным «юридическим идеализмом», «легализмом» и, в целом, полностью укладывалось в рамки либеральной оппозиционности²⁵². В.В. Берви-Флеровский и сам позднее отмечал этот факт: «Я был либералом самого умеренного образа мыслей, ...разделял учения политико-экономов и, следуя им, предпочитал поземельную собственность общинному владению...»²⁵³.

Похоже, что на этом этапе своей жизнедеятельности В.В. Берви-Флеровский испытал довольно сильное влияние со стороны либерально настроенных юристов, в первую очередь, Д.В. Стасова и К.Д. Кавелина, оставившее глубокий след в его мировоззрении.

К.Д. Кавелин в этот период являлся убежденным сторонником отмены крепостного права, в котором видел главную причину отсталости России. Реформу он предлагал провести с учетом интересов всех заинтересованных сторон, включая государство, помещиков и крестьянство²⁵⁴. При этом К.Д. Кавелин выдвигал мысль о необходимости всестороннего улучшения положения крестьян – и материального, и умственного, и нравственного, которое должно было быть возложено на государство и высшие, образованные слои общества²⁵⁵.

²⁵² Заблоцкий В. П. В.В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990. С. 13.

²⁵³ Воспоминания В.В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 7-8. С. 122.

²⁵⁴ Арсланов Р. А. Кавелин Константин Дмитриевич // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т.2: Д-К. М., 1996. С. 421.

²⁵⁵ Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Часть 1. М., 1994. URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/prilensk.html>

К.Д. Кавелин, основываясь на позитивистской теории «органического общества», отстаивал естественный характер социального неравенства, причины которого видел в изначальном неравенстве людей по своим физическим, умственным и пр. способностям, доказывал необходимость сотрудничества классов, их органическую взаимозависимость. Он доказывал утопичность социалистических теорий, отталкиваясь от мысли о том, что отмена права собственности и наследства противоречит «закону свободы», поскольку именно собственность является залогом свободы²⁵⁶.

При этом К.Д. Кавелин большую роль отводил общинному владению. Он полагал, что община позволит уравновесить частную собственность, нейтрализуя тем самым классовую борьбу, и сохранить в стране социальную стабильность, препятствуя обнищанию крестьянства²⁵⁷.

Важной чертой мировоззрения К.Д. Кавелина считается и защита им плюрализма в общественном сознании, поскольку, по его мнению, общечеловеческие истины могут быть раскрыты только при наличии широкого спектра общественных мнений, в спорах и полемике между различными направлениями мысли²⁵⁸.

Значимой представляется и идея К.Д. Кавелина о необходимости для русского общества укоренения в нем чувств законности и справедливости, т.е. установления правовых отношений в обществе, что привело бы к осознанию необходимости воцарения правильного гражданского и юридического быта, достойного человеческой личности²⁵⁹.

Характеризуя, в целом, правовые представления К.Д. Кавелина, стоит отметить, что в целом они укладывались в «русло идей классического либе-

---

²⁵⁶ Арсланов Р. А. Кавелин Константин Дмитриевич //Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т.2: Д-К. М., 1996. С. 422.

²⁵⁷ Там же. С. 422.

²⁵⁸ Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Часть 1. М., 1994. URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/prilensk.html>

²⁵⁹ Там же.

рализма и теорий естественного права, что позволяет признать его носителем правовой культуры либерального типа»²⁶⁰.

К.Д. Кавелин выступал за мирные реформы, являясь убежденным противником всякой революционной деятельности. В политической деятельности его характеризовало стремление примирить крайности, поиски компромисса.

Во многом сходны с общественно-политическими взглядами К.Д. Кавелина и воззрения В.В. Берви-Флеровского, более подробно изложенные в главах 2 и 3. Так же как и Кавелин В.В. Берви-Флеровский выступает в защиту крестьянской общины. Правда в более поздний период он рассматривает ее не только как средство предотвращения обнищания крестьян, но и в большей степени как зародыш новых социальных отношений, как первый росток сознательных социальных организаций, с развитием которых возможным становится становление общества-организма. Сходны воззрения мыслителей на возможность государственных преобразований, в которых оба видели главный инструмент социальных и политических трансформаций российского общества, на роль в этих преобразованиях образованного класса. В конце 60-х годов XIX века В.В. Берви-Флеровский, как и К.Д. Кавелин, допускал возможность сотрудничества представителей различных общественных слоев (предпринимателей и рабочего класса). Вполне сопоставимы и представления обоих ученых о громадном значении толерантного восприятия чужого мнения, о необходимости установления правовых отношений в обществе. Возможно, что черты сходства связаны с общей для воззрений и либерала Кавелина, и демократа Берви-Флеровского мировоззренческой основой в виде идей Просвещения.

К главным чертам отличия общественно-политических позиций авторов следует отнести разницу в их взглядах на проблему частной собственности и на отношения неравенства. Так, К.Д. Кавелин видел в частной собст-

---

²⁶⁰ Торопов М. В. Правовая культура либеральной российской профессуры в 1860-1870-е годы. Автореф. дисс. ...канд. юр. наук. Москва, 2011. С. 23.

венности залог свободы человека и выступал за сочетание ее с общинной собственностью на землю. В.В. Берви-Флеровский, в к. 1850-н. 1860-х гг. одобрявший принцип частного землевладения, на более поздних этапах своей жизни, напротив, полагал, что именно ликвидация частной собственности является единственным способом положить конец эксплуатации человека человеком. Кроме того, если К.Д. Кавелин доказывал естественный характер социального неравенства, то В.В. Берви-Флеровский полагал, что отношения между людьми в идеальном обществе будущего должны строиться на основе равенства и солидарности.

Тем не менее, вероятно, можно говорить о некой либеральной платформе воспринятой В.В. Берви-Флеровским в молодости, на основе которой формировались его более поздние взгляды. Верной представляется высказывавшаяся в литературе мысль о том, что именно недальновидность политики правительства, его карательные меры, направленные против инакомыслия, фактически ставили представителей мыслящей интеллигенции в оппозицию самодержавию, нередко превращая их в адептов революционного движения²⁶¹.

Таким образом, в период службы В.В. Берви-Флеровского в министерстве юстиции на него оказало влияние серьезное знакомство с философской и экономической литературой, материалами по государственному праву, участие в кружке Д.В. Стасова и общение с либерально настроенными юристами (Д.В. Стасов и К.Д. Кавелин). Все это способствовало росту либеральной составляющей его взглядов. На эту основу накладывается осознание несовершенства российской системы управления, беззакония и социальной несправедливости в отношении крестьянства. Либеральные взгляды молодого человека в сочетании с его личностными качествами и активной жизненной позицией сделали выступление В.В. Берви-Флеровского в защиту тверских мировых посредников закономерным.

---

²⁶¹ Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб., 2011. С. 100.

Воззрения В.В. Берви-Флеровского в этот период характеризуются определенным «юридическим идеализмом» и вряд ли могут расцениваться как революционные.

1.3. От либерализма к народничеству (факторы конструирования собственных взглядов)

Вырванный из интеллигентной петербургской среды В.В. Берви-Флеровский был обречен на долгие годы ссылки. Это время связано с изменением и всего его образа жизни, и образа мыслей. Несостоявшийся ученый, несостоявшийся чиновник становится, по мнению многих исследователей, ... революционером. Как происходит эта трансформация мировоззрения? Можно выделить общие факторы, связанные с социально-политическим и социокультурным контекстом, с восприятием им господствующих в определенных социальных кругах идей. Но следует иметь ввиду, что этот путь всегда индивидуален и связан с личностью конкретного человека.

В 1862 г. В.В. Берви-Флеровский был выслан в Астрахань. Попад туда, он оказался в совершенно иной среде – в среде политических ссыльных, общение с которыми не могло не повлиять на его оценку тогдашней российской действительности и на мировоззрение в целом. Изменениям взглядов Берви способствовало и польское восстание, и та реакция, которую оно вызвало в правой российской прессе. Позднее он писал по этому поводу, что правительство проводило реформы так, что они «вызвали между свободомыслящими людьми в России революционную пропаганду, а в Польше бунт, и они же теперь громко провозглашают, что законы их стесняют, и требуют для себя права на беззаконие и произвол. После этого нам остается одно — отвергать их самих, их произвол...»²⁶².

В декабре 1862 г. В.В. Берви-Флеровский прибыл в Астрахань. Устроившись на службу в акцизное управление писцом, он получал 25 руб. в ме-

²⁶² Воспоминания В.В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 6. С. 163.

сяц. Жил он достаточно скромно. По воспоминаниям Э.И. Берви вся обстановка его квартиры состояла из дивана с просиженным сиденьем, двух столов и нескольких стульев, комода и кровати за дощатой перегородкой²⁶³. Несколько улучшилось его материальное положение после приезда летом 1863 г. Эрмионы Ивановны, привезшей с собой приданое.

В ссылке В.В. Берви-Флеровский сначала пытался заняться публицистикой. Он обратился к редактору частной газеты с предложением сделать ее более актуальной, более отвечающей интересам местного населения. В.В. Берви-Флеровский предложил вместо передовых статей публиковать обзор русской и зарубежной периодической печати, причем русская должна была быть представлена и центральной, и местной прессой. Это, по мнению В.В. Берви-Флеровского, должно было сделать столичную печать более доступной для провинциального населения, внимание которого тем самым оказалось бы привлечено к событиям общероссийского масштаба. Однако уже первая публикация, посвященная сравнительному анализу интересов и настроений жителей провинциальных городов России и Франции, вызвала недовольство губернатора. Обзор периодической печати был запрещен²⁶⁴.

Со временем В.В. Берви-Флеровский ближе сошелся с проживавшими в Астрахани политическими ссыльными. Он принял активное участие в противостоянии, которое «во всяком провинциальном городе происходит между жителями и администрацией». Усугубило ситуацию то, что администрация попыталась обвинить ссыльных в грабежах. В ответ последние «распустили по городу в стихах и в прозе множество веселых листков, которые изображали деятельность полиции и администрации во время народного бедствия»²⁶⁵.

Деятельная натура В.В. Берви-Флеровского требовала выхода. Он принял участие в пропагандистской деятельности, которую вели члены кружка. Он старался убедить его членов, что «пока в массе народа не пробудится

²⁶³ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 170.

²⁶⁴ Воспоминания В.В. Берви // Голос минувшего. 1915. № 6. С.160.

²⁶⁵ Там же. С. 161.

стремление к политической самостоятельности, до тех пор образованный класс не будет иметь опоры и во всякой борьбе с администрацией должен будет покориться»²⁶⁶.

Василий Васильевич доказывал, что «лучший случай для распространения в рабочем народе необходимых для него политических идей представляется тогда, когда защищаешь существенные для них интересы»²⁶⁷. Под его влиянием кружок расширил свою пропаганду. Объектом ее стали рабочие слои населения губернии, прежде всего рыбаки, положение которых было наиболее тяжелым.

Органом кружка стала астраханская газета «Волга», номинально считавшаяся вестником промышленности, торговли и общественной жизни Приволжского и Прикаспийского края. В газете вместе с другими членами комитета активно сотрудничал В.В. Берви-Флеровский. Газета «Волга» выходила в Астрахани в период с 1862 по 1865 г.²⁶⁸

Из перехваченного письма сосланного в Астрахань профессора петербургского университета Калиновского, полиция узнала о причастности В.В. Берви-Флеровского к пропагандистской деятельности²⁶⁹. В справках III Отделения и департамента полиции говорится, что он, проживая в Астрахани, «вошел в сношения с разными, выселенными туда же за политическую неблагонадежность лицами, и приступил к антиправительственной пропаганде в среде поволжского населения», что он «принадлежит в Астрахани к партии пропагандистов, вредно влияющих на тамошних крестьян»²⁷⁰, что «на Волге в 1863 году Берви играл роль одного их видных двигателей революционной агитации и если бы обыск был сделан прежде других у Берви, то у него нашлись бы важные факты, но он успел сжечь все, пока производились

²⁶⁶ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М.-Л., 1929. С. 85.

²⁶⁷ Там же. С. 86.

²⁶⁸ Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки. Коми гос. пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 87-88.

²⁶⁹ Аптекман, О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д. Г. П.). Л., 1925. С. 52.

²⁷⁰ Цит. по: Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос. пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 87-88.

обыски у других лиц»²⁷¹. В результате В.В. Берви-Флеровский был арестован и через несколько дней отправлен в Казань, где в это время работала следственная комиссия, расследующая казанский заговор²⁷².

Василий Васильевич был препровожден в Воскресенскую полицейскую часть г. Казани, где он оказался в соседней камере с одним из руководителей офицерских кружков капитаном П.К. Иваницким, впоследствии расстрелянным за участие в подготовке вооруженного восстания на Волге. Последовавшая вслед за мужем Эрмиона Ивановна добилась от председателя следственной комиссии сенатора Жданова права посещать мужа в камере и по возможности старалась облегчить его содержание²⁷³. Однако пребывание в сырой камере плохо сказалось на здоровье В.В. Берви-Флеровского – он заболел ревматизмом.

На допросах В.В. Берви-Флеровский ни в чем не сознался. «Казанская комиссия не нашла юридических фактов по его обвинению, по доставлении же дела сего в Санкт-Петербург, здешняя комиссия усмотрела, что Берви занимался сочинением пасквилей на разных лиц, полагала выслать его в одну из отдаленных губерний»²⁷⁴.

В конце января 1864 г. В.В. Берви-Флеровский с женой и с профессором Калиновским выехали в Сибирь. Добравшись до Томска, они узнали, что губернатор назначил им на выбор два города: Бийск и Кузнецк. Калиновский направился в Бийск, семья Берви – в Кузнецк. Условия жизни в Кузнецке были довольно тяжелыми – В.В. Берви-Флеровский часто болел, не мог найти работу и, следовательно, содержать семью. В июне 1864 г. он обратился к Томскому губернатору с просьбой перевести его в Томск по состоянию здоровья. К прошению прилагалась медицинская справка и выданное полицией свидетельство о бедности²⁷⁵. Отметим, что при этом В.В. Берви-

²⁷¹ Там же. С. 87-88.

²⁷² Под именем «казанского заговора» в исторической и мемуарной литературе известна попытка польских и русских революционеров поднять восстание в Поволжье весной 1863 г.

²⁷³ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 6. С. 172.

²⁷⁴ Цит. по: Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос., пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 88-89.

²⁷⁵ Рабинович Г. Х. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 70.

Флеровский, несмотря ни на что, продолжал распространять свои взгляды среди самых разных слоев общества: среди чиновников, местной интеллигенции, ссыльных поляков, простого народа²⁷⁶. В.В. Берви-Флеровский полагал, что в России среди народа сначала надо было взрастить идею отстаивания своих прав. Поэтому он «никогда не говорил крестьянину о бунте, а обсуждал с ним его положение, рассказывал ему, как в других странах выходили из таких положений»²⁷⁷.

«У меня никогда не было недостатка в собеседниках, - писал В.В. Берви-Флеровский в своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни, - ...Я говорил с ними, не стесняясь, публично на базаре, на перевозах, в поле во время прогулок»²⁷⁸.

Последствия этой пропаганды пугали местных чиновников, «в их соображении возникал образ темной и непроницаемой для них опасности»²⁷⁹.

Администрация советовалась, как поступить с пропагандистом, но к счастью для В.В. Берви-Флеровского, мировой посредник Энгельфельд объяснил, что многое из того, о чем говорит Берви, свободно публикуется в печати²⁸⁰.

Тем не менее, разрешение на перевод в Томск было дано только в конце марта 1865 г. после длительного периода переписки томского губернатора с Кузнецком и Санкт-Петербургом. Семья Берви должна была добираться в Томск по этапу, особо оговаривалось, что полицейский надзор за Василием Васильевичем будет продолжаться. В Томск Берви прибыли только в июне 1865 г. Поселились они сначала в гостинице, затем снимали флигель у служащего одной из торговых фирм – П.И. Иванова. Именно П.И. Иванов познакомил В.В. Берви-Флеровского с купцом 1-й гильдии Б.Л. Хотимским, владельцем золотых приисков и винокуренных заводов. П. И. Иванов вспоминал, что Хотимский сразу понял, насколько выгодно можно использовать

²⁷⁶ Кривошеева Е. «Настоящее открытие для Европы...» // Разыскания. Кемерово, 1990. Вып. 1. С. 8-10.

²⁷⁷ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М.-Л., 1929. С. 106.

²⁷⁸ Там же. С.105.

²⁷⁹ Там же. С.105.

²⁸⁰ Там же. М.-Л., 1929.С.105.

ссылного, который согласится работать даже за явно заниженное жалованье. Практика найма политических ссыльных была довольно распространенной среди сибирских золотопромышленников²⁸¹. Вплоть до 1866 г., т.е. до времени отъезда из Томска, В.В. Берви-Флеровский работал у Хотимского²⁸², «исполняя всякие должности. Был и адвокатом, и приказчиком и бухгалтером»²⁸³. В это время «по делам службы, для совершения нотариальных актов и всяческих коммерческих бумаг и условий» В.В. Берви-Флеровский проехал «по всему пространству Сибири», чем он и воспользовался для изучения региона и социально-экономического положения его жителей²⁸⁴.

Во время своих поездок В.В. Берви-Флеровский по-прежнему обсуждал с представителями разных слоев общества их нужды, используя для этого любую возможность. Положение дел в Томске, деятельность деспотичного Томского губернатора Г.К. Лерхе, действия которого вызывали крайнее ожесточение жителей Томска, дали В.В. Берви-Флеровскому «возможность вести в Томске такую же пропаганду, какую он вел в Астрахани»²⁸⁵. Нередко он использовал свое юридическое образование, консультируя томичей по правовым вопросам. Он вспоминал позднее о времени, проведенном в Томске: «Я получил прозвание «полезнейшего человека» и всегда готовую слушать меня аудиторию, состоявшую из народа»²⁸⁶.

Постепенно вокруг семейства Берви сложился небольшой кружок, в который вошли преимущественно политические ссыльные. Г. Х. Рабинович приводит следующие данные о составе кружка. В него входили студент Леон Самарин, сосланный за участие в студенческом движении в томский батальон штрафным рядовым, участники польского восстания 1863 г. врач Онжешко и Хмелевский, а также супруги Ивановы и адвокат Акулов с женой²⁸⁷.

²⁸¹ Румянцев П. П. Политические ссыльные на службе у сибирских золотопромышленников в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 121-125.

²⁸² Рабинович Г. Х. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 70.

²⁸³ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 59.

²⁸⁴ Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 180.

²⁸⁵ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М. Л., 1929. С. 107.

²⁸⁶ Там же. С. 110.

²⁸⁷ Рабинович Г. Х. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С.71.

Обычно члены кружка собирались на квартире Берви, где обсуждали политические вопросы и местные новости, говорили о положении народа и т.п. Именно в это время В.В. Берви-Флеровский, много наблюдавший за жизнью ссыльных поляков, «решился проповедовать имущественное равенство, добровольную бедность, слияние с народом»²⁸⁸.

Отметим, что если задача «подъема образовательного уровня народа, его изменения в культурном отношении» четко укладывается в идеалы эпохи просвещения и характерна для интеллектуалов первой половины XIX в.²⁸⁹, то именно в томской ссылке В.В. Берви-Флеровский приходит к осознанию необходимости определенного преодоления разрыва с народными массами, что более характерно для более позднего этапа развития представлений российской интеллигенции о народных массах.

Судя по воспоминаниям Л.Ф. Пантелеева, основным занятием В.В. Берви-Флеровского была в первую очередь пропагандистская деятельность. П.И. Иванов говорил о семье Берви, что «... они пропагандисты; чтобы они не делали, прежде всего, пропагандируют»²⁹⁰.

Именно в Томске семья В.В. Берви-Флеровского понесла первую серьезную утрату – во время эпидемии умерла от дизентерии их первая дочь²⁹¹.

Деятельность В.В. Берви-Флеровского вызвала недовольство властей. Уже через 4 месяца после приезда его в Томск, у него был произведен обыск, который, однако, не дал результатов²⁹².

15 апреля 1866 г. семье Берви было разрешено вернуться в европейскую часть России. Новым местом жительства была определена Вологда. Ехать за собственный счет Берви не могли из-за отсутствия денег, тогда губернатор, которому В.В. Берви-Флеровский активно противодействовал во время своего пребывания в Томске, задержал их выезд на несколько месяцев,

²⁸⁸ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М.- Л., 1929. С. 102.

²⁸⁹ Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. Омск, 2006. С. 35.

²⁹⁰ Цит по: Рабинович Г. Х. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 72.

²⁹¹ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 69 об.

²⁹² Рабинович Г. Х. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С.72.

а затем отправил по этапу. В июне 1866 г. В.В. Берви-Флеровский с женой и маленькими детьми отправился в дорогу, причем путь от Тюмени до Казани они проделали пешком в течение двух месяцев.

В Вологду семья Берви попала только 6 октября 1866 г. Поселились они на Архангельской улице. Одним из их ближайших соседей оказался отбывавший тогда ссылку в Вологде известный писатель-демократ Н.В. Шелгунов, с которым В.В. Берви-Флеровский неоднократно встречался²⁹³. Здесь же В.В. Берви-Флеровский познакомился и с П.Л. Лавровым. Знакомство с Н.В. Шелгуновым и его секретарем, тоже ссыльным, М.П. Сажиним, который был тесно связан с вологодскими семинаристами и гимназистами, позволило В.В. Берви-Флеровскому наладить близкие взаимоотношения с местной молодежью²⁹⁴. Вскоре он стал оказывать на молодых людей значительное влияние, став для них во многом образцом для подражания. Л.П. Шелгунова в своих воспоминаниях характеризует В.В. Берви-Флеровского как «человека твердых принципов, не допускавшего никаких уступок»²⁹⁵. Видимо, именно эти качества Василия Васильевича, характерный для него ригоризм и подвижнический образ жизни, делали его личность столь привлекательной для вологодской молодежи. Естественно, что контакты Берви-Флеровского с политическими ссыльными и юношеством не могли остаться незамеченными полицией. По сведениям Б.Г. Михайлова В.В. Берви-Флеровский практически сразу по приезду попал под строгий надзор полиции, который продолжался до конца июля 1868 г.²⁹⁶

Финансовое положение семьи Берви, которая к этому времени включала в себя кроме жены двоих маленьких детей, оставалось тяжелым. Вначале они существовали только на тот минимум денег, который Эрмиона Ивановна получала за уроки французского языка и музыки. Ей платили 5 руб. в ме-

---

²⁹³ Сажин М. П. Воспоминания. М., 1925. С. 28.

²⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед хр. 45. Л. 98-98 об.

²⁹⁵ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. А. Воспоминания. В 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 216.

²⁹⁶ Михайлов Б. Г. В.В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 466.

сяц²⁹⁷. Позднее В.В. Берви-Флеровский начал получать арестантское пособие²⁹⁸.

Вологодский период деятельности Василия Васильевича связан с активизацией его литературных занятий, с началом работы над принесшей ему всероссийскую известность книгой «Положение рабочего класса в России», задуманной еще в Томске²⁹⁹. В 1867 г., благодаря рекомендациям П.Л. Лаврова, в «Невском сборнике» был опубликован очерк Берви «Работник-бродяга (Из наблюдений путешественника над бытом рабочего класса)», являвшийся, по сути, первой главой будущей книги. Напечатан он был под псевдонимом Семен Навалихин. В следующем году отдельные главы из «Положения рабочего класса в России» печатались под разными фамилиями в журнале Благосветова «Дело»³⁰⁰. В законченном виде, как отдельное издание «Положение рабочего класса в России» вышло в свет осенью 1869 г. Напечатана книга была в издательстве Н.П. Полякова за подписью Н. Флеровский.

Книга В.В. Берви-Флеровского включала в себя краткое предисловие, три части, каждая из которых подразделялась на пять глав, и заключение. Первая часть носила название «Работник Сибири и пустынной России», вторая – «Работник земледельческой России», третья – «Работник промышленной России». Уже из названия их понятно, что в понятие рабочий класс автор включал практически все трудящиеся слои населения (крестьян, ремесленников, кустарей и непосредственно рабочих). В своем довольно объемном труде (494 с.) В.В. Берви-Флеровский, основываясь на огромном статистическом материале, а также на своих личных наблюдениях, дал характеристику социально-экономического положения трудящихся почти всех регионов пореформенной России. Написанная ярким и страстным языком эта книга честно рассказывала о страданиях народа, ясно демонстрировала негативную роль

²⁹⁷ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 69.

²⁹⁸ Михайлов Б. Г. В.В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 466.

²⁹⁹ Рабинович Г. Х. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С.73.

³⁰⁰ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX века. М., 1958. С. 352.

сохранения помещичьего землевладения. В заключении излагались теоретические взгляды В.В. Берви-Флеровского на возможные пути решения обозначенных им проблем. Отчасти это нашло свое отражение в названии частей.

«Положение рабочего класса в России» произвело огромное впечатление на читающую публику, прежде всего на демократически настроенную молодежь. Воспоминания народников пестрят упоминаниями о впечатлении, которое произвела на них эта книга в юности. Так, О.В. Аптекман отмечал, что «это была настольная книга у каждого вдумчивого студента». Рецензент первого печатного издания воспоминаний Аптекмана писал в 1907 г. в журнале «Былое»: «Молодежь зачитывалась книгой Флеровского «Положение рабочего класса в России». Под этим влиянием развилось и стремление молодежи к подвижничеству, аскетизму или правильнее сказать... к сокращению своих потребностей. В книге Флеровского была основа народничества, с его стремлением к опрощению, с верой в будущность земельной общины, со стремлением в народ»³⁰¹. Л.В. Чемоданова (Синегуб) писала по поводу «Положения рабочего класса в России»: «Как много разбудил он чувств, мыслей в наших юных головах своей книгой»³⁰². О значительной роли «Положения рабочего класса в России» в формировании их мировоззрения упоминают А.П. Прибылева-Корба, В.Н. Фигнер и другие³⁰³. Г. Новополлин отмечал, что «на этой книге выросли поколения революционеров»³⁰⁴. Сам В.В. Берви-Флеровский вспоминал позднее, что эффект, произведенный его книгой на общество, «был чрезвычайный и большинство из тех, кто помнит мое имя или мой псевдоним, знают только об этой книге»³⁰⁵.

Обратили внимание на новую книгу и чиновники III Отделения. Само ее появление они расценили «как доказательство несостоятельности дейст-

³⁰¹ Цит. по: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX века. М., 1958. С. 354.

³⁰² Цит. по: Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991. С. 29.

³⁰³ Народная воля и черный передел: воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг., Л., 1989.

³⁰⁴ ДОГА. Ф. 318. Оп.1. Д. 2.

³⁰⁵ Берви В. В. Краткая автобиография // Русская мысль. М., 1905. №. 5. С. 140.

вующих цензурных правил...». Особое их внимание уделялось установлению личности таинственного автора³⁰⁶. После того, как это было сделано, был поставлен вопрос «о необходимости выяснить местонахождение Берви с тем, чтобы за ним установить особое наблюдение. Не может быть сомнения в том, что он и теперь центр кружка социалистов»³⁰⁷.

Второй переработанный вариант «Положения рабочего класса в России» был издан в 1872 г. в типографии Сушинского³⁰⁸. Цензор отметил, что «дух крайнего социализма, страстность изложения» заставляют оценить эту книгу скорее как «революционный памфлет, чем серьезное исследование политической экономии». Цель книги он определяет следующим образом: «1) подорвать уважение к системе личного владения, которое охраняется нашими законами, и к экономическим началам, принятым во всех благоустроенных государствах; 2) возбудить ненависть одного класса (работников) к другому – землевладельцам и капиталистам»³⁰⁹. Комитет министров признал распространение книги вредным и постановил запретить ее выпуск³¹⁰.

В июле 1868 г. В.В. Берви-Флеровский был переведен в Тверь. В это время он очень плотно занимается литературной и переводческой деятельностью. В 1869 г. вышла в свет его «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», в которой автор подробно рассматривает значение свободы слова для воспитания народа и развития общества, подчеркивает значение толерантности как одной из главных социальных ценностей и подвергает жесткой критике современное законодательство о печати. В это же время, по свидетельству жены, он переводил Ф. Лассалья «Теорию приобретенных прав», Ф. Либера «О гражданской войне» и «Гражданская свобода и самоуправление», Г. Спенсера «Социальная Статика»³¹¹.

³⁰⁶ Цит. по: Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос., пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 93.

³⁰⁷ Цит. по: Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос., пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 94.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 776. Оп 11. Д. 125. Л. 3.

³⁰⁹ Там же. Л. 5 об.

³¹⁰ Там же. Л. 20-21.

³¹¹ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 178 об-179.

В 1870 г., освободившись от надзора полиции, В.В. Берви-Флеровский получил разрешение жить в любом месте российской империи за исключением столичных губерний. Он поселился в Новгородской губернии на станции Любань Николаевской железной дороги в двух с половиной часах езды от Петербурга. Выбор места жительства, по-видимому, был обусловлен близостью к Петербургу, которая давала В.В. Берви-Флеровскому возможность находиться ближе к центру событий, и более тесно общаться с революционно настроенной молодежью.

В 1869 г. в среде петербургского студенчества сформировался кружок чайковцев. Возглавил его М. Натансон, студент медико-Хирургической академии. В 1871 г. во многом на его основе возникла центральная петербургская группа Большого общества пропаганды, объединившая аналогичные группы в Москве, Киеве и т.д. В состав общества входили М.А. Натансон, С.М. Кравчинский, С.Л. Перовская и т.д. Чайковцы самостоятельно определили цель своей деятельности, заключающуюся в подготовке организованного народного восстания, движущей силой которого должны были стать крестьяне при поддержке рабочих. В соответствии с этой целью они пытались выстроить свою деятельность, которая прошла в своем развитии три этапа: «книжное дело», «рабочее дело» и непосредственно хождение в народ. Первый этап подразумевал издание и распространение нелегальной литературы, которая смогла бы сформировать соответствующее настроение у думающей молодежи³¹². «Положение рабочего класса в России», ярко изображающее бедственное положение народа, широко использовалась чайковцами в пропагандистских целях.

По мнению А.П. Толстякова, В.В. Берви-Флеровский мог познакомиться с членами общества благодаря Н.П. Полякову. В них он «увидел своих сподвижников, надежду России»³¹³. Сам В.В. Берви полагал, что на тот момент задача революционеров заключалась в первую очередь в пропаганде

---

³¹² Троицкий Н. С. Крестоносцы революции. Саратов, 2002. С. 132-142.

³¹³ Толстяков А. П. Люди мысли и добра. Русские издатели К.Т. Солдатенков и Н.П. Поляков. М., 1984. С. 178.

социалистических идей среди народа, и по этому поводу «вполне сошелся в мыслях с молодежью», которая также сосредоточилась в это время на «книжном деле»³¹⁴.

Связи В.В. Берви-Флеровского с чайковцами носили постоянный характер. Т.С. Рязанцев даже относит Берви-Флеровского к числу его «активных членов»³¹⁵, однако, по мнению Н.А. Троицкого, это положение «ничем не мотивировано»³¹⁶. Тем не менее, по просьбе членов Большого общества пропаганды В.В. Берви-Флеровским была написана вторая известнейшая его книга «Азбука социальных наук».

Так, О.В. Аптекман вспоминал, что книга была написана В.В. Берви-Флеровским по заказу чайковцев. «Кружок решил, что такая книга – книга об этике – должна быть написана. Кто же может написать такую книгу?...Остановились на Флеровском. Он тогда уже близко стоял к кружку. Живя в Любани, он частенько ездил в Петербург, чтобы повидаться с Натансоном и другими чайковцами. Мысль написать такую книгу пришла по душе Флеровскому. ...И вот он пишет «Азбуку»³¹⁷.

При этом отметим, что В.В. Берви-Флеровский в своих мемуарах описывает ситуацию несколько иначе. Он вспоминал, что «Азбука социальных наук» к этому времени была уже им написана. Судя по воспоминаниям В.В. Берви-Флеровского, чайковцы, по приглашению которых он тайно приехал в Петербург, предложили «впредь издавать все его сочинения». Отказавшись от переиздания «Положения рабочего класса в России», В.В. Берви-Флеровский «отдал им для напечатания готовую ... книгу «Азбуку социальных наук»³¹⁸.

Формальным издателем «Азбуки социальных наук» стал Н.П. Поляков. Книга была анонимно напечатана в типографии В. Нусвальта в

³¹⁴ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М. –Л., 1929. С. 135.

³¹⁵ Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос., пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 98.

³¹⁶ Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991. С. 65.

³¹⁷ Аптеман О. В. Флеровский-Берви и чайковцы // Былое. 1922. Кн. XIX. С. 132.

³¹⁸ Берви В. В. Записки революционера-мечтателя. М. -Л., 1929. С. 128.

количестве 2500 экземпляров³¹⁹. В конце сентября 1871 г. она была представлена в цензурный комитет. Цензор дал на нее положительное заключение, после чего на основании выписанного цензурным комитетом билета все экземпляры были переданы Н.П. Полякову. Теперь книга могла поступить в продажу. Шестьсот экземпляров «Азбуки» Поляков передал на комиссию в книжный магазин Черкесова, 200 экземпляров – в магазин для иногородних, 1690 экземпляров были переданы им Н.В. Чайковскому³²⁰.

В «Азбуке социальных наук» излагались взгляды В.В. Берви-Флеровского на развитие человеческого общества, на значение «правильных» представлений о счастье, о взаимоотношениях между людьми и цели человеческого существования.

Выход в свет «Азбуки социальных наук» вызвал крайнее раздражение III Отделения. О.В. Аптекман приводит оценку «Азбуки», данную ей в III Отделении: «Автор этой книги Берви, разбирая различные общественные формы, группирует все данные так, что становится очевидным намерение его привести читателя к убеждению о несостоятельности существующего порядка вещей. ... Не подлежит сомнения, что книга эта, в случае ее распространения имела бы самое пагубное влияние в особенности на молодежь, не установившуюся еще в своем мировоззрении...»³²¹.

После нескольких всеподданнейших докладов император 30 октября 1871 г. повелел «запретить обращение этой книги в публике и возбудить судебное преследование против лица, ответственного перед законом за издание ее»³²².

В результате судебное преследование было возбуждено против Н.П. Полякова³²³, Чайковскому судебной ответственности удалось избежать³²⁴. Все обнаруженные экземпляры «Азбуки социальных наук» (всего

³¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 155. Л. 5-5 об.

³²⁰ Там же. Л. 9.

³²¹ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д. Г. П.). Л., 1925. С. 62-63.

³²² РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 155. Л. 1.

³²³ Там же. Л. 24.

³²⁴ Там же. Л. 62.

587 экземпляров) были уничтожены, кроме пяти книг, переданных в главное управление по делам печати³²⁵.

Такая же судьба постигла изданную в 1872 г. в Санкт-Петербурге книгу В.В. Берви-Флеровского «Исследование по текущим вопросам»³²⁶. Она была признана «во всех отношениях крайне вредной», поскольку «...возбуждала не только недоверие, но и ненависть к государственным порядкам, к законам, правительству, к высшим и имущественным сословиям ...»³²⁷. Главное управление по делам печати предложило возбудить против Берви судебное преследование. В том случае, если Флеровский сумеет доказать, что публикация была произведена без его ведома, предлагалось возбудить судебное преследование против издательницы книги Е.Я. Волженской³²⁸.

Несмотря на запрещение перечисленных книг, отдельные постулаты В.В. Берви-Флеровского оказались в той или иной степени восприняты довольно значительным кругом людей (Л.Н. Толстой, В.М. Гаршин, А.М. Горький)³²⁹. Этому способствовала сама атмосфера пореформенных лет, характеризующаяся определенной модой на любые оппозиционные настроения, которые казались особенно острыми после жесткого николаевского консерватизма и запрета на любые несоответствующие официальной точке зрения высказывания³³⁰.

Наиболее востребованы оказались книги В.В. Берви-Флеровского у представителей оппозиционно настроенной молодежи. Молодежь, отчаянно искавшая в это время направление применения своих сил, с восторгом восприняла идеи Флеровского. В воспоминаниях деятелей народнического движения сохранилась масса откликов о роли «Положения рабочего класса в России» в оформлении их мировоззрения. Не менее популярной в среде молодых революционеров была и «Азбука социальных наук». Причем если

³²⁵ Там же. Л. 66.

³²⁶ РГИА, Ф.776, Оп. 11. Д.65.

³²⁷ Там же. Л. 48.

³²⁸ Там же. Л. 31.

³²⁹ Каминский В. И. В.В. Берви-Флеровский в русском общественно-литературном движении 70-80-х гг. // Из истории русских литературных отношений XVIII-XX веков. М.-Л., 1959. С. 256-265.

³³⁰ Милевский О. А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. С. 34.

«Положение» пробуждало в сердцах молодежи сочувствие к народу и стремление изменить ситуацию в стране, то «Азбука» привлекала их своим нравственно-этическим содержанием. Обе книги широко обсуждались в среде будущих революционеров, изложенные в них идеи осмысливались наиболее яркими их представителями (смотри, например, заметки С.Л. Перовской)³³¹. Напомним, что именно революционная молодежь сыграла особую роль в распространении идей ученого. Книги В.В. Берви-Флеровского были включены и в каталоги революционеров-пропагандистов, и в программы кружков самообразования. Так, в проанализированных Т.В. Антоновой каталогах «Положение рабочего класса» встречено 31 раз, «Азбука социальных наук» - 21 раз, «Свобода речи» - 10 раз (для сравнения – «Исторические письма» П.Л. Лаврова - 32 раза, сочинения Добролюбова - 21 раз). В целом, книги В.В. Берви-Флеровского использовались молодыми революционерами по двум направлениям. Они обеспечивали идейное становление революционной молодежи, ее идейное и интеллектуальное развитие, в силу чего служили средством ее самообразования. С другой стороны, они возбуждали протест против несправедливых общественных отношений и в силу этого использовались в пропагандистских целях³³².

По свидетельству О.В. Аптекмана, книги В.В. Берви-Флеровского нелегально распространялись не только среди петербургских студентов, но и по провинциальным городам и местечкам³³³. Т.В. Антонова приводит в этой связи довольно серьезный список городов, в которых распространялись его работы (Москва, Киев, Харьков, Тула, Новгород, Вологда, Петрозаводск и т.д.)³³⁴.

Запрещение «Азбуки социальных наук» стало началом преследования кружка чайковцев. М. Натансон и А. Пругавин были сосланы в Архангель-

³³¹ Кан Г. С. «Народная воля»: идеологи и лидеры. М., 1997. С.160-161.

³³² Антонова Т. В. Издания Н.П. Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки, М., 1985. Вып. 112. С. 71-97.

³³³ Аптекман О. В. Флеровский-Берви и чайковцы // Былое. 1922. № 19. С. 31.

³³⁴ Антонова Т.В. Издания Н.П. Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки. М., 1985. Вып. 112. С. 71-97.

скую губернию, остальные лица, причастные к «книжному делу» отданы под тайный надзор полиции³³⁵. За В.В. Берви-Флеровским было установлено строгое негласное наблюдение. Начальник новгородского губернского жандармского управления Жолобов в своих донесениях подробно описывает каждый шаг Берви-Флеровского, перечисляет всех его посетителей и знакомых, упоминает он и об основных занятиях В.В. Берви-Флеровского в это время. «Понимая Берви, как человека без собственных средств, я остановил невольное внимание на том, какие он имеет источники жизни, и откуда эти источники притекают к нему. По дознаниям, собранным мною, оказывается, что он отчасти занимается ходатайством по делам, а преимущественно литературой. Адвокатура его, как кажется, какого-то свойства сомнительного, что можно видеть из следующего примера: в конце ноября месяца Берви приезжал в Новгород для защиты в мировом съезде крестьянина деревни Большие Переходы, по делу о нанесении ему оскорблений становым приставом, состоящих в том, что последний по приговору сельского схода высек крестьянина розгами...»³³⁶.

Об этой же стороне деятельности В.В. Берви-Флеровского пишет и начальник Новгородской губернии: «Кроме занятий по составлению статей, г. Берви приобрел известность между крестьянами как дельный адвокат и своим умением обращаться с ними снискал полное к себе доверие обывателей многих окольных селений, которые обращаются к нему со всякого рода делами»³³⁷.

Юридическая помощь В.В. Берви-Флеровского окрестным крестьянам вызвала недовольство новгородского губернатора, обратившегося в министерство внутренних дел с просьбой о выселении его из пределов, граничащих с новгородской губернией³³⁸.

³³⁵ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 69.

³³⁶ Цит. по: Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д. Г. П.). Л., 1925. С. 72.

³³⁷ Цит по: Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1931. С. 84.

³³⁸ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д. Г. П.). Л., 1925. С. 82.

Постоянная слежка, тяжелое материальное положение выросшей семьи сделали положение В.В. Берви-Флеровского невыносимым. В конце марта 1872 г. он обращается к управляющему III Отделения графу Шувалову с повторным прошением о дозволении ему жить в Петербурге. Он поясняет, что в глуши, где он живет теперь, невозможно найти работу, что на руках у него больная жена и четверо детей. Однако разрешение на переезд в Петербург Берви-Флеровский не получил³³⁹.

Весной 1872 г. В.В. Берви-Флеровский переехал на дачу в Финляндию в Новую Кирку. Квартиру в Любани он оставил за собой. О его переезде III Отделение немедленно известило начальника финляндского жандармского управления: «Состоящий под строгим негласным наблюдением, крайне неблагонадежный в политическом отношении ... Вильгельм Берви, проживающий ныне на станции Любани Николаевской железной дороги, переселился на жительство в Выборгскую губернию, где нанял дачу в 70 верстах от Петербурга в местечке Новая Кирка. ...Имею честь покорнейше просить ... сделать распоряжение к продолжению строго негласного наблюдения за Берви по прибытию его в Выборгскую губернию»³⁴⁰. В Новую Кирку был направлен специальный агент, фиксирующий все перемещения В.В. Берви-Флеровского и его посетителей. Еще один агентом III Отделения оказалась горничная, нанявшаяся в семью Берви. Последняя регулярно доносила о посещениях В.В. Берви-Флеровского революционными народниками С.Л. Перовской, Л. Чемодановой, А.Я. Ободовской и пр., пересказывала их разговоры и т.д.³⁴¹

В Финляндии В.В. Берви-Флеровский вел привычный для него образ жизни. Он довольно много консультировал крестьян окрестных деревень, оказывая им безвозмездную юридическую помощь по вопросам споров о земле между соседними деревнями, превышения отцовской власти при раз-

³³⁹ Там же. С. 83.

³⁴⁰ Цит. по: Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос., пед. ин-та, Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 101.

³⁴¹ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 87-88.

делах, несоблюдения очереди на рекрутство и т.п., и выступая в роли их доверенного лица в Новгороде³⁴². Агент III Отделения докладывал, что Берви-Флеровский «во время жительства его в Любани, ... старался сблизиться с крестьянами и при этом не был разборчив на средства. Так, например, он неоднократно возбуждал от имени крестьян неосновательные и оставленные судом без последствий обвинения против местной администрации, будто бы притеснявшей их. В Новой Кирке Берви вел знакомство по преимуществу с лицами неблагонадежными»³⁴³.

К числу их относились представители еще одного народнического кружка – долгушинцы.

Для этой организации В.В. Берви-Флеровским была написана брошюра «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы» и на ее основе прокламация для народа «Как должно жить по закону правды и природы», в которой нашла отражение попытка изложения революционных идей в религиозной форме. (Наиболее подробно идеи новой «религии братства» изложены В.В. Берви-Флеровским в романе «На жизнь и смерть»).

В июле 1873 г. семья Берви отправилась сначала в Рыбинск, а затем в Нижний Новгород. Там, благодаря хлопотам Е.И. Конрад, В.В. Берви-Флеровскому предложили место бухгалтера в конторе пароходного общества «Дружина»³⁴⁴. Практически сразу, начиная с появления его на железнодорожной станции в Петербурге, за ним устанавливается строгое негласное наблюдение. Особое внимание предлагалось обратить на то, «незаметно ли будет с его стороны стараний сблизиться с рабочими и вообще с простонародьем»³⁴⁵. Несмотря на то, что, судя по донесениям из Нижнего Новгорода, Берви ежедневно отправлялся на службу в контору и вообще жил весьма скром-

³⁴² РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 129-129 об, 137-137 об.

³⁴³ Цит по: Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1931. С. 84.

³⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 177-177 об.

³⁴⁵ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 89.

но³⁴⁶, пребывание его на новом месте жительства оказалось очень кратковременным.

В конце августа 1873 г. полиция начала дознание по делу долгушинцев. В результате допросов А.Я. Ободовской и И.Ф. Авессаломова, которые были замечены в связях с В.В. Берви-Флеровским (первая провела все лето у Берви-Флеровского в Финляндии³⁴⁷, второй познакомился с ним в Вологде, встречался несколько раз, жена в Любани принимала у г-жи Берви ребенка³⁴⁸) III Отделение заподозрило В.В. Берви-Флеровского в связях с кружковцами. Показания Т. Сахаровой о печатании прокламаций³⁴⁹ и А. Васильева об их распространении³⁵⁰ позволили привлечь В.В. Берви-Флеровского к дознанию.

Начальник Нижегородского жандармского губернского управления Коптев, производивший в Нижнем Новгороде обыск и арест В.В. Берви-Флеровского, докладывал по поводу своих действий следующее:

«Квартира его весьма маленькая, - и мебели, и вещей очень мало, так что обыск был произведен весьма подробный. Берви и его жена были совершенно покойны, при обыске не обнаружилось никакого смущения; все бумаги его (которых весьма немного) имею честь представить при сем опечатанными с актом. Все книги, уложенные в два деревянные ящика за печатью управления моего, отправлены тем же отходящим пассажирским поездом при двух унтер-офицерах дополнительного штата, сопровождающих Берви»³⁵¹.

2 октября 1873 г. В.В. Берви-Флеровский был доставлен в Петербург³⁵².

Он отрицал свое участие в деле, однако для III отделения это значения не имело. Полиция преследовала по отношению к нему вполне определенные цели. «Убедившись в участии, хотя и скрытом, известного вашему вели-

³⁴⁶ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 90.

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.1. Л. 16.

³⁴⁸ Там же. Л. 46.

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.3. Л. 65.

³⁵⁰ Там же. Л. 38.

³⁵¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.5. Л. 9-9 об.

³⁵² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.1. Л. 242.

честву Берви, я привлек его к делу о прокламациях. Обставить его виновность юридически едва ли будет возможно, но я полагаю воспользоваться этим случаем, чтобы принять относительно его административную меру», - писал императору граф Левашов. Характерна и приписка, сделанная карандашом лично императором «Будет не лишнее»³⁵³.

По сути, III Отделение намеревалось просто найти повод для отправки В.В. Берви-Флеровского в очередную административную ссылку. Об этом ясно свидетельствует документ, отправленный начальнику московского жандармского управления. «Последнее дознание было начато с намерением так или иначе положить конец той вредной деятельности Берви, которая в наших глазах давно уже не подлежит сомнению, то есть имеется в виду приобрести повод к административному распоряжению относительно Берви, в случае, если бы не оказалось данных для преследования его в судебном порядке. Таких данных дознание не раскрыло, но первый способ действий может вступить в силу, и тем граф Петр Андреевич считает свою цель достигнутою»³⁵⁴.

После окончания дознания и предварительного следствия по делу оно было направлено в Сенат, который постановил прекратить следствие за недостаточностью улик.

Основанием к такому постановлению послужило следующее:

«Поводом привлечения Берви к упомянутому делу в качестве обвиняемого послужили показания крестьянина Анания Васильева и мещанки Татьяны Порфирьевны Сахаровой. Первый ...объяснил, что раз по возвращении с Долгушиным домой из одной деревни, где они читали крестьянам две прокламации, Плотников спросил Долгушина: «Которая прокламация больше понравилась: твоя или Флеровского (Берви)?», на что Долгушин ответил: «Флеровского». Вторая объяснила, что Долгушин, Дмоховский, Папин и Плотников в январе или Феврале ездили к Флеровскому на дачу по Выборгской железной дороге, но для какой именно цели, не знает. Из двух этих по-

---

³⁵³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.5. Л. 4.

³⁵⁴ Там же. Л.35 об.

казаний выведено было заключение, что одна из прокламаций, читанных в деревне Долгушиным и Ананием Васильевым «Как должно жить по закону природы и правды», сочинена или передана распространителям Берви и что между ним и главными обвиняемыми существует известная связь»³⁵⁵.

Однако предварительным следствием не было выявлено фактов, свидетельствующих о вине В.В. Берви-Флеровского. Сенат предположил, что «...брошюра «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы» была вывезена из-за границы Дмоховским, а не Берви». «Такое предположение не исключает, конечно, возможности того, чтобы автором брошюры «О мученике Николае» был все-таки Берви, но для подкрепления этого правосудие не имеет в своих руках никаких доказательств. Таким образом, все следствие, указывая на массу данных, по коим личность Берви представляется крайне сомнительною и из которых слагается естественное убеждение в известной солидарности между ним и главными деятелями пропаганды, не дает, однако, достаточно твердых оснований для привлечения его в настоящем случае к уголовной ответственности перед судом»³⁵⁶.

Местом жительства В.В. Берви-Флеровскому был назначен уездный город Мезень Архангельской губернии³⁵⁷, отправлен он туда был 11 мая 1874 года³⁵⁸.

Однако архангельский губернатор из-за болезни Берви-Флеровского отправил его в более теплый уездный г. Шенкурск³⁵⁹, где он прожил около года. Весной 1875 г. в связи с необходимостью устроить детей в гимназию В.В. Берви-Флеровский попросил разрешения на переезд в Архангельск³⁶⁰. Просьба его была удовлетворена, и весной того же года он с семьей переехал в центр губернии.

³⁵⁵ Цит. по: Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1931. С. 167.

³⁵⁶ ГАРФ, Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.3. Л. 171 об.-172.

³⁵⁷ ГАРФ, Ф. 109. Оп. 158. Д. 414.5. Л. 80.

³⁵⁸ Там же. Л. 76.

³⁵⁹ Там же. Л. 81.

³⁶⁰ Там же. Л. 85.

В Архангельске семья Берви жила на грани нищеты, дети часто болели. Письма В.В. Берви-Флеровского вскрывались местной полицией, а «самому ему было запрещено даже пользоваться архангельской публичной библиотекой»³⁶¹. Тем не менее, дом В.В. Берви-Флеровского вновь стал центром для местной молодежи. Л.П. Никифоров, приехавший к нему в Архангельск, вспоминал, что «дом его... был местом сборища молодежи, приходившей к нему со своими нуждами и запросами и встречавшей самый радушный прием, как с его стороны, так и со стороны Эрмионии Ивановны»³⁶². Он умудрялся распространять свои взгляды «даже среди крестьян ближайших деревень»³⁶³. В январе 1876 г. архангельский губернатор сообщил в министерство внутренних дел, что Берви-Флеровский оказывает «вредное политическое влияние на молодых людей и девушек и прибывающих в г. Архангельск политических ссыльных» и в силу этого предложил перевести его обратно в Шенкурск³⁶⁴. Поводом для перевода стал анонимный донос, поданный на имя губернатора. Проведенное в Архангельске дознание выявило отсутствие фактов, на основании которых можно было бы возбудить против В. В. Берви-Флеровского судебное преследование. Однако, несмотря на результаты дознания, в феврале 1876 г. Берви-Флеровский был вновь переведен на постоянное место жительства в Шенкурск. Переезд оказался для семейства Берви в полном смысле слова сокрушительным. Тяжело заболел воспалением легких один из сыновей, остававшийся в архангельской гимназии «на хлебах»³⁶⁵, ослабло здоровье самого В.В. Берви-Флеровского, не было возможности дать детям приличное образование. Э.И. Берви тщетно пыталась изыскать средства к существованию³⁶⁶. В начале августа 1876 г. В.В. Берви-Флеровский обратился в министерство внутренних дел с прошением о переводе его в Аст-

³⁶¹ Михайлов Б. Г. В.В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 467.

³⁶² Никифоров Л. П. Василий Васильевич Берви-Флеровский // Ежегодный журнал литературы, науки и общественной жизни. СПб., 1914. № 5. С. 142.

³⁶³ Михайлов Б. Г. В.В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 467.

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп.158. Д. 414.5. Л. 88.

³⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 170-171.

³⁶⁶ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д. Г. П.). Л., 1925. С. 119.

рахань или Екатеринослав, однако оно было отклонено, несмотря на ходатайство архангельского губернатора.

В это время В.В. Берви-Флеровский, похоже, переживает тяжелый внутренний кризис, едва не завершившийся самоубийством³⁶⁷. При этом внешне он производил впечатление энергичного человека, непрерывно занятого умственным трудом. «Утром, захватив с собою книгу, он отправлялся пешком за несколько верст, на ходу читая, ... обдумывая и подготавливая материал для своих письменных работ, за которые садился вечером, когда дети утихали, и писал до глубокой ночи. Если случались посетители, то он вел с ними сильную оживленную беседу по тем вопросам, которыми занят был в то время, и ничто не в силах было отвлечь его от неустанной работы мысли»³⁶⁸.

Только в апреле 1877 г., благодаря ходатайству А.П. Философовой, Василий Васильевич Берви-Флеровский получил разрешение на переезд в Кострому³⁶⁹.

Уже в 1878 г., решив, что вся переписка В.В. Берви-Флеровского ведется через его жену Э.И. Берви, III Отделение ставит вопрос о необходимости перлюстрации ее писем. В результате за Э.И. Берви был учрежден гласный надзор полиции. Положение семьи Берви становится еще более тяжелым. В памятной записке, написанной по поводу не подтвердившегося слуха об аресте Э.И. Берви, оно описано довольно подробно. «Семья, состоящая из мужа и четверых детей, поставлена ... в безысходное положение. Г-жа Берви была единственною ее опорой. С редким самоотвержением ... она, при совершенном отсутствии всяких средств к существованию, сама отправляла на семью всю черную работу: мыла белье, готовила кушанья и находила еще время кое-что зарабатывать рукоделием.

³⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 30. Л. 171-171 об.

³⁶⁸ Никифоров Л. П. Василий Васильевич Берви-Флеровский // Ежегодный журнал литературы, науки и общественной жизни. СПб., 1914. № 5. С. 143.

³⁶⁹ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 121.

Муж – писатель, которому запрещено писать и сочинения которого не пропускаются цензурой. С арестом г-жи Берви семья лишена последнего куска хлеба. Муж впал в меланхолию, граничащую с помешательством»³⁷⁰.

В это время была опубликована книга В.В. Берви-Флеровского «Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина» (1878). Цензор Петербургского цензурного комитета признал ее вредной, поскольку счел выводы автора «разрушительными для наших религиозных и политических убеждений» ввиду отрицания автором всякого авторитета религиозного и политического»³⁷¹. Лишь в марте 1879 г. Главное управление по делам печати сочло возможным «дозволить оную выпустить в свет»³⁷².

В сентябре 1880 г. В.В. Берви-Флеровский обращается к министру внутренних дел с просьбой освободить его и его жену от полицейского надзора и позволить свободно выбирать место проживания. Костромской губернатор сопроводил эту просьбу положительной характеристикой В.В. Берви-Флеровского и поддержал ее³⁷³. Однако особое совещание в декабре 1881 г. постановило оставить Берви-Флеровского «под гласным надзором полиции в Костромской губернии на 4 года, считая с 9 сентября 1882 года»³⁷⁴.

В марте 1883 г. В.В. Берви-Флеровский получил разрешение устроиться бухгалтером в костромскую губернскую земскую управу, что несколько улучшило материальное положение семьи. Несмотря на манифест 15 мая 1883 г. и на неоднократные просьбы Берви-Флеровского о сокращении срока пребывания под надзором полиции, он пробыл в Костроме вплоть до 1890 г., когда он, благодаря хлопотам Е.Г. Шульц³⁷⁵, переехал в г. Тифлис³⁷⁶. В январе 1891 г. постановлением главного контролера контроля Закавказской железной дороги он был принят туда на службу в качестве помощника контро-

³⁷⁰ Цит по: Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 125.

³⁷¹ РГИА. Ф. 777. Оп.3. Д. 75. Л. 8-8 об.

³⁷² Там же. Л. 10.

³⁷³ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 128.

³⁷⁴ Там же. С. 130.

³⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 76 об.-77.

³⁷⁶ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 139.

лера³⁷⁷. Эту должность В.В. Берви-Флеровский занимал до конца марта 1892 г. Частым гостем семьи Берви в Тифлисе был А.М. Горький, с которым у Василия Васильевича установились довольно дружественные отношения. В это время В. В. Берви-Флеровский работал над новыми книгами. В Тифлисе им были написаны «Основначала органического развития» и «Мирабо». Первая книга сохранилась только в рукописном виде, вторая вышла в свет под псевдонимом Васильев. Любопытно, что в ответ на вопрос издателя Ф. Павленкова, что Берви-Флеровский мог бы написать из биографий великих людей, Василий Васильевич привел список из 16 фамилий. Среди них имена Кромвеля, Вашингтона, Франклина, Колумба, Сперанского, Пошкова и т.д.

Отметим, что при подобной разносторонности интересов В.В. Берви-Флеровский отличался научной добросовестностью³⁷⁸.

23 марта В.В. Берви-Флеровский уволился со службы по домашним обстоятельствам³⁷⁹, а в мае 1893 г. получил заграничный паспорт сроком на 6 месяцев и вместе с женой выехал за границу³⁸⁰.

Сначала (в июне 1893 г.) он избрал местом своего жительства Женеву, затем в октябре переехал в Лондон³⁸¹. В Женеве практически сразу по приезду В.В. Берви-Флеровский установил связи с С.М. Степняком-Кравчинским, Войничами, Н. В. Чайковским, П.Л. Лавровым, Ф.В. Волховским и другими членами Фонда вольной русской прессы. Он намеревался издать и распространить третью и четвертую части «Азбуки социальных наук»³⁸². В Лондоне С.М. Степняк-Кравчинский опубликовал в октябрьском номере «Свободной России» очерк о В.В. Берви, ознаменовав тем самым его приезд в Англию³⁸³. В Лондоне В.В. Берви-Флеровский традиционно много работал, проводя много времени в британском музее. «Я приходил с открытием музея

³⁷⁷ ДОГА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

³⁷⁸ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино-Донбасс, 1960. С. 178.

³⁷⁹ ДОГА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

³⁸⁰ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 140.

³⁸¹ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 2. Д. 154. Л. 9-9 об.

³⁸² Там же. Л. 1.

³⁸³ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 487.

и уходил при его закрытии, работая непрерывно», - писал он в своей «Автобиографии»³⁸⁴. За границей Василий Васильевич написал свои воспоминания (Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III) и третью часть «Азбуки социальных наук», которую сумел издать в Лондоне и Лейпциге.

Переписка Ф.В. Волховского и Н. В. Чайковского позволяет судить о некоторых сложностях в отношениях В.В. Берви-Флеровского с его бывшими соратниками. Шестидесятичетырехлетний Берви-Флеровский полагал, что едет к старым друзьям, которые будут всемерно помогать ему в осуществлении его творческих и издательских планов. Сам он наиболее значимым в своем интеллектуальном наследстве считал именно морально-этическую его часть, тесно связанную с представления о мыслящей природе³⁸⁵, которую и полагал всемерно популяризовать. В письме к Н.В. Чайковскому В.В. Берви-Флеровский пишет: «В этих книгах (последняя часть «Азбуки социальных наук» – 3. С.) будут отпечатаны ...мои философские и собственно научные идеи, которые создали мой спор с русской академией наук, поэтому я желал бы разослать мою книгу с введением, отпечатанным на трех языках (английском, французском и немецком) в академии наук и наиболее известные общества философские и естественнонаучные. Далее тут есть мое социальное учение (вещи публичного права), поэтому я желал бы разослать в наиболее известные юридические общества, затем в общества для распространения безверия. ...Кроме того, я желал бы разослать книгу в социальные и радикальные издания. Затем, так как эта книга заключает в себе идеи в настоящее время малодоступные и которые будут пониматься только со временем, то я желал бы разослать книгу в такие книгохранилища, куда обращаются ученые, чтобы познакомиться с идеями забытых, но не понятых писателей»³⁸⁶. Однако за границей В.В. Берви столкнулся с занятыми людьми, которые имели на его счет вполне определенные планы. Ф.В. Волховский в

³⁸⁴ Берви В. В. Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 147.

³⁸⁵ Там же. С. 145.

³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 2. Д. 154. Л. 1.

письме к Н.В. Чайковскому характеризует поведение Берви-Флеровского как «совершенно ребяческую страстность, с которой он строит каждый день по плану, один фантастичнее другого, и столь же ребяческую настойчивость, с которой он требует, чтобы все бросали свое дело и помогали ему в этих планах»³⁸⁷. Далее Волховский пишет: «...он уже настойчиво предлагал мне переводить для английской публики из его романа, во вкусе «Пролога» Чернышевского, о котором он очень высокого мнения. ...Впечатления мои от его поведения были таковы ..., что не останови меня с одной стороны мысль, что я не вправе перерешать то, что решено сообща, а с другой мысль – о необходимости иметь биографию во что бы то ни стало (ибо я придаю ей большое значение), я бы оставил старика при его решении ехать домой»³⁸⁸.

Все это свидетельствует о том, что к концу XIX в. характер восприятия идей В.В. Берви-Флеровского тем кругом лиц, среди которого эти идеи когда-то были наиболее востребованы, меняется. Оно становится более селективным, направленным на утилитарные, пропагандистские потребности. Иерархия идей, выстроенная самим В.В. Берви-Флеровским, отчетливо не совпадает с той иерархией, которая сложилась в восприятии его окружения. В результате меняется и отношение к личности В.В. Берви-Флеровского, который из учителя-интеллектуала превращается в живого свидетеля прошлого, не слишком необходимого в повседневности настоящего.

Добавившиеся к этому финансовые сложности³⁸⁹ определили намерение В.В. Берви-Флеровского вернуться в Россию.

В апреле 1896 г. в департамент полиции поступила информация о том, что «Флеровский живет особняком от всей эмиграции, не принимает ни в чем участия, и ... собирается вместе с женою вернуться в Россию»³⁹⁰.

Это произошло 2 июня 1896 года³⁹¹.

³⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 2. Д. 156. Л. 2.

³⁸⁸ Там же. Л. 2об. -3.

³⁸⁹ Берви В. В. Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 147-148.

³⁹⁰ Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 145.

³⁹¹ Там же. С. 146.

В.В. Берви-Флеровский поселился в Костроме, где служил нотариусом костромского окружного суда его старший сын. Верный своему принципу самостоятельно обеспечивать семью В.В. Берви-Флеровский устроился на должность бухгалтера в губернское земство с оплатой 30 руб. в месяц. Через полгода ему предложили более высоко оплачиваемое место бухгалтера в Крыму, куда он и отправился. Однако в это время он получил известие о том, что его младший сын Николай – молодой, подающий надежды профессор математики Дерптского университета вследствие чрезмерного умственного напряжения получил психическое расстройство³⁹². В.В. Берви-Флеровский вместе с женой едет в Дерпт. Там он в результате сильного потрясения от болезни сына заболел сам и должен был находиться под постоянным присмотром врача. Берви переехали в Юзовку, где их средний сын Федор Васильевич работал в заводской больнице. Там он получил место бухгалтера в заводской конторе. Эрмиона Ивановна подрабатывала частными уроками английского и французского языков. В 1899 г. В.В. Берви-Флеровский частично потерял зрение и слух, но не прекратил работать, по-прежнему много времени уделяя книгам. В результате неудачной операции глаза в Харькове он почти полностью ослеп, однако к 1905 г. сумел закончить свою последнюю работу «Краткую автобиографию»³⁹³.

В декабре 1905 г. было подготовлено к печати полное собрание сочинений В.В. Берви-Флеровского, но оно сгорело в ходе декабрьского вооруженного восстания в Москве в типографии Сытина. Пытаясь поправить здоровье мужа, Эрмиона Ивановна повезла его в Крым, а затем на Кавказ. В 1907 г. они жили в Феодосии, в 1908 г. переехали в Тифлис. Там в результате теракта от взрыва бомбы погибла талантливая певица, единственная дочь В. В. Берви-Флеровского Вера. От этого удара он уже не оправился³⁹⁴. В 1908 г. жена перевезла В.В. Берви во Владикавказ к старым друзьям, но у него усилилось психическое расстройство, первые признаки которого прояви-

³⁹² РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 4.

³⁹³ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 202.

³⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 1 об.

лись еще в Юзовке. Он практически потерял память, ночами у него начались галлюцинации³⁹⁵. В 1910 г. обнаружались явные признаки паралича большого мозга и обратно в Юзовку В.В. Берви-Флеровского перевозили уже со специальным провожатым, его невесткой.

В Юзовке, у сына 4 декабря 1918 г. В.В. Берви-Флеровский умер.

В тюрьмах и ссылках В.В. Берви-Флеровский провел значительную часть своей жизни. 10 декабря он был отправлен в ссылку в Астрахань. В 1863 г. арестован в Астрахани 10 августа и отправлен в Казань в Тюрьму. В 1864 г. 29 января отправлен в ссылку в г. Кузнецк Томской губернии. В июне 1865 г. переведен в Томск. В 1866 г. отправлен по этапу в Россию в Вологду. В 1868 г. переведен в Тверь. В 1870 г. освобожден без права въезда в столицы и поселился на станции Любань в 70 верстах от Петербурга. В 1871 г. переехал в Финляндию. В 1872 г. получил место в Нижнем Новгороде, но был арестован через два месяца 1 октября и, просидев в III отделении, а потом в Московской тюрьме, был выслан в 1873 г. в Архангельскую губернию в г. Шенкурск. В 1874 г. по семейным обстоятельствам был переведен в г. Архангельск, но в 1875 г. после двух обысков снова выслан в Шенкурск. В 1876 г. В.В. Берви-Флеровский был переведен в ссылку в Кострому, где и прожил до 1890 г., после чего уехал в Тифлис. В 1893 г. уехал в Женеву, потом в Лондон. В 1896 г. вернулся в Россию и с мая 1897 г. служил в Юзовской конторе³⁹⁶. В целом, он «проделал на почтовых с жандармами и полицейскими 19 тысяч верст и кроме того прошел пешком по этапу 3500 верст. Сидел он в 32 острогах. В ссылке жил в 32 городах. В одиночном заключении провел несколько лет и, наконец, будучи вполне здоровым человеком, был посажен в сумасшедший дом, в котором просидел целых восемь месяцев»³⁹⁷.

³⁹⁵ Там же. Л. 5-8.

³⁹⁶ Берви В. В. Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 139.

³⁹⁷ Пругавин А. С. Две биографии // Русские ведомости. 1910. № 2.

Для понимания интеллектуальной атмосферы, в которой шло формирование мировоззренческих позиций В.В. Берви-Флеровского, отметим, что определяющими для него являлись философские каноны и риторика эпохи Просвещения.

На формирование мировоззрения В.В. Берви-Флеровского еще в гимназические годы серьезное влияние оказали лозунги времен Великой Французской революции, а затем, уже в период обучения в Казанском университете, идеи Фурье и петрашевцев о необходимости общего труда, общей жизни, полного удовлетворения всех потребностей, полного равенства и т.п. Еще одним фактором, повлиявшим на идейное становление молодого человека, стало близкое общение с профессором Д.И. Мейером, известным своими либеральными взглядами. Именно во время студенчества сложились основные интересы В.В. Берви-Флеровского: склонность к интеллектуальному труду, живой интерес к науке, к государственному праву, увлечение философией. К этому же времени, видимо, стоит отнести и окончательное оформление таких черт его характера как неприятие насилия, обостренное чувство справедливости и стоическая твердость убеждений, определивших в дальнейшем его активную жизненную позицию.

В период пребывания на службе в министерстве юстиции на формирование воззрений В.В. Берви-Флеровского оказало влияние знакомство с западной литературой по философии, и экономике и государственному праву, общение с либерально настроенными юристами (участие в кружке Д.В. Стасова). На эту основу накладывалось осознание несовершенства российской системы управления, беззакония и социальной несправедливости в отношении крестьянства. Тем не менее, ранние юридические статьи В.В. Берви-Флеровского, равно как и текст его адреса, направленного Александру II по поводу тверских мировых посредников, явно свидетельствуют, что его мировоззрение в это время характеризовалось верой в силу и беспристрастность закона и полностью укладывалось в рамки либеральной оппозиционности.

Радикализация взглядов В.В. Берви-Флеровского относится ко времени 1862-1865 гг. Связана она, в первую очередь с обстоятельствами его жизненного пути. Проведя полгода в сумасшедшем доме после выступления в защиту тверских мировых посредников, В.В. Берви-Флеровский по понятным причинам не мог сохранять лояльность по отношению к правительству. Тесное общение с политическими ссыльными в Астрахани и несколько месяцев в Казанской тюрьме также способствовали определённому «полевению» его взглядов. Однако решающую роль в этом процессе сыграло близкое знакомство В.В. Берви-Флеровского с жизнью народа и ссыльных поляков в период томской ссылки. Эти обстоятельства способствовали формированию его демократических и гуманистических идей, пониманию необходимости имущественного равенства и сознательному выбору добровольной бедности и слияния с народом. Именно экстремальные условия, в которых оказалась семья В.В. Берви, заставили мыслителя поставить перед собой новые вопросы о будущем человечества и путях его достижения, оказавшиеся знаковыми для его творчества.

К рубежу 1860-1870-х гг. В.В. Берви-Флеровский подошел уже зрелым человеком с вполне сформировавшимся мировоззрением, которое нашло свое отражение в его трех работах, относящихся к этому времени – «Положении рабочего класса в России», «Азбуке социальных наук» и «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати». Именно эти книги, и в первую очередь «Азбука» и «Положение рабочего класса», принесли В. В. Берви-Флеровскому широкую известность, особенно в среде радикально настроенной молодежи.

Трансляция идей В.В. Берви-Флеровского осуществлялась как осознанно, им самим посредством его литературной, научной и просветительско-пропагандистской деятельности, так и независимо от него революционно настроенной молодежью и через художественные тексты. К основным публичным каналам трансляции его идей можно причислить легально издаваемые В.В. Берви-Флеровским научные работы и публицистические статьи в

прессе, его художественные произведения. К агитационно-прокламационным каналам – отнести его просветительскую деятельность в молодежных кружках и пропаганду среди крестьян, нелегальные издания и нелегальное распространение его книг и т.п.

В последний период его жизнедеятельности фиксируются изменения в восприятии идей В.В. Берви-Флеровского представителями народнической эмиграции. Оно становится более селективным, принимает утилитарный характер. Выстроенная самим Берви-Флеровским иерархия идей все более не совпадает со сложившейся в его окружении оценкой.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

2.1. Представления В.В. Берви-Флеровского о развитии общества

К вопросам, посвященным проблемам развития человеческого общества, В.В. Берви-Флеровский обращался практически на всем протяжении своей исследовательской деятельности. Именно представления мыслителя о ходе исторического процесса, о смысле и цели существования человека на земле во многом определяют его критику современной российской действительности, взгляды на необходимость тех или иных социально-экономических или политических преобразований. Однако квинтэссенцией историософских представлений В.В. Берви-Флеровского, несомненно, является одно из наиболее известных его произведений «Азбука социальных наук». Работа эта имеет довольно сложную структуру, включающую в себя три части, созданные в разное время. Первая и вторая части «Азбуки» были написаны для кружка чайковцев в 1871 г. Они затрагивают целый ряд сложных мировоззренческих проблем и содержат, по сути, первый набросок мировоззренческих установок В.В. Берви-Флеровского, которые автор обосновывает многочисленными фактами всемирной истории³⁹⁸. Третья часть «Азбуки» была доработана В.В. Берви-Флеровским в Англии и опубликована в 1894 г.

Первая и вторая части «Азбуки социальных наук» содержат обзор истории человечества, начиная с самых ранних ее этапов и заканчивая XIX веком. В первой части автор анализирует родовое общество, так называемые государства застоя и государства, задерживаемые формальной религией; вторая посвящена сопоставлению путей развития западной и восточной цивилизации.

Анализируя развитие человеческого общества, В.В. Берви-Флеровский выступает в первую очередь не как историк-исследователь, детально рас-

---

³⁹⁸ Дружинин Н. М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 314.

смаатривающий отдельные проблемы всемирной или российской истории, а как философ, которого в большей степени интересует общее направление исторического процесса. Для него характерно стремление к широким обобщениям, позволяющим выявить основные движущие силы развития человечества, роль и место в нем человеческой личности.

В.В. Берви-Флеровский исходил из идеи единства материального мира, взаимосвязи живой и неживой материи, природы и человеческого общества. «Разве для науки, - пишет он, - может существовать человек, животное, растение? Для науки должна существовать только материя, очищенная анализом до крайней возможной степени уединения»³⁹⁹. Главным источником ее развития он считает мыслительный процесс, в равной степени присущий и неорганической природе, и организмам, к числу которых принадлежат и люди. Он полагал, что «совокупное действие» мельчайших единиц материи «может быть порождено только взаимным приспособлением. Но чтобы приспособляться, каждая единица материи должна соразмерять свое действие с действием соседок... А соразмерение и есть акт мышления»⁴⁰⁰. Но если мыслящими В.В. Берви-Флеровский считает все единицы природы, то к живым относит только организмы. В отличие от них «неорганические единицы только приспособляются друг к другу, а потому для них не может быть ни добра, ни зла. Отсюда – впечатление полного безучастия, которое производит неорганическая природа (мертвая природа).

Живая единица, организм, не только приспособляется, а приспособляет природу к себе, превращает ее в свое собственное вещество. Так организм растет и процветает. Но это дело до такой степени трудное, что все организмы через некоторое время умирают. Отсюда у человека появилось представление о добре и зле. Добро – то, что способствует развитию, зло – то, что ему мешает и убивает его»⁴⁰¹.

³⁹⁹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч. 1. С. 2.

⁴⁰⁰ Флеровский Н. (Берви В.В.) Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 145.

⁴⁰¹ Там же. С. 145.

В.В. Берви-Флеровский полагал, что разница между живыми организмами – растениями, животными, людьми – заключается только в уровне, которого они достигли в ходе своего развития. Поэтому жизнь людей во многом определяется их инстинктами, унаследованными от животных. Однако кроме присущих животным индивидуальных инстинктов, человек обладает, во-первых, особыми инстинктами – инстинктами мировой жизни, имеющими общественный характер⁴⁰², а во-вторых, сознательными стремлениями. Связано это с тем, что человеческий разум намного превосходит разум животного и позволяет ему понимать свое предназначение на земле и осознанно стремиться к его осуществлению. «Этого свойства вовсе нет у животных; животные не могут составить себе понятия о мире, а поэтому не могут жить мировой жизнью»⁴⁰³. К числу мировых инстинктов В.В. Берви-Флеровский относит инстинкт служить обществу, инстинкт обожания, инстинкт совместного проживания и т.д.

Склонность любого человека жить для общества, по мнению В.В. Берви-Флеровского, - это самый сильный из человеческих инстинктов, побеждающий даже инстинкт самосохранения. Этот инстинкт, проявляющийся у человека на самых ранних ступенях развития общества, есть «зародыш стремления жить мировую жизнью», того стремления, которое заставляет человека ради сознательно понятого им мирового блага жертвовать своими интересами ради других людей.

Вторым основным инстинктом мировой жизни В.В. Берви-Флеровский считает инстинкт, из которого впоследствии вытекает религиозное чувство⁴⁰⁴. Это инстинкт обожания, связанный с потребностью человека испытывать восторг перед великими силами природы. Он мог бы позволить человеку «угождать природе», восхищаясь ей, заботиться об окружающей среде⁴⁰⁵, но выливается в поклонение сверхъестественным силам.

---

⁴⁰² Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч. 1. С. 182.

⁴⁰³ Там же. С. 35.

⁴⁰⁴ Там же. С. 53.

⁴⁰⁵ Там же. С. 58.

Наличие у человека мировых инстинктов, по мнению В.В. Берви-Флеровского, явно свидетельствует о цели человеческого существования. С его позиций «интеллектуальная и нравственная сила даны человеку не затем, чтобы он ... предоставлял дела своему течению, не прикладывая к ним рук»⁴⁰⁶. Главное предназначение человека заключается в том, чтобы «плодить жизнь на земле»⁴⁰⁷. Человек в отличие от животного не только сохраняет себя и продолжает свой род, а «размножает жизнь», искусно пользуясь силами природы и тем самым создавая условия, при которых на земле может явиться жизнь «в больших размерах». Иначе говоря, человек должен заниматься производительным трудом, выводить новые породы животных и растений и т.д. Итогом становится «цивилизация во всех ее отраслях, густое население и обильная производительность страны»⁴⁰⁸. Это всемирно-историческое предназначение человечества вначале не осознается им, действуя лишь на уровне инстинктивной тяги к совместной жизнедеятельности. Изначально, - полагает В.В. Берви-Флеровский, - инстинкты мировой жизни неопределенны, чтобы они исполнили свое назначение, необходимо правильное мировоззрение, которое может быть воспитано лишь на определенной ступени развития общества. Тогда общее предназначение человечества становится осознанным стремлением, подталкивающим людей к постоянному развитию солидарности, заставляющим их служить обществу, жить с ним единой мировой жизнью.

Рассматривая исторический процесс с самых ранних его этапов, В.В. Берви-Флеровский полагал, что все человеческие племена делятся на два типа: слабые – миролюбивые народы и сильные – хищники. «У одних отличительная черта – это мягкость характера и робость, у других суровая дикость и хищнические наклонности». Слабые обычно приветливы, миролюбивы, они обнаруживают «наклонность к трудолюбию и к приобретению»,

---

⁴⁰⁶ Там же. С. 23.

⁴⁰⁷ Там же. С. 35.

⁴⁰⁸ Там же. С. 34.

впечатлительны, легко увлекаются «всеми красивым, увеличивающим все удобства жизни». Именно они изобретают земледелие и скотоводство, способствуют развитию экономики в целом, увеличивая тем самым население планеты. Именно в среде слабых зарождаются религиозно-философские учения и наука. Хищники, напротив, ленивы и невпечатлительны. Они склонны к агрессии и завоеваниям, ни во что не ставят человеческую жизнь, являются рассадником рабства и торговли невольниками⁴⁰⁹.

Это разделение людей на сильных и слабых носит у В.В. Берви-Флеровского в первую очередь этический характер и четко соотносится с идеей человеческого предназначения⁴¹⁰. По сути, именно слабые своим трудом обеспечивают прогрессивное движение человеческой цивилизации. Она оказывается наиболее развитой именно в тех регионах, где наблюдается численное преобладание слабых. Там же, где большинство населения составляют хищники, экономика, напротив, приходит в упадок.

Борьба между сильными и слабыми в той или иной форме продолжается и в более поздний период человеческой истории. Хищники нападают на слабых, подчиняя их себе, в результате возникают «государства застоя», воплощающие в себе неверные представления людей о жизни. Они основаны на насилии, характеризуются «накоплением богатств в руках светских государей и духовенства, которые вместо полезного труда культивируют жестокость, распущенность, страдания трудящихся»⁴¹¹.

Инстинкты мировой жизни действуют и в этих государствах⁴¹². Однако, благодаря господству обычая, неправильно сформированному представлению о счастье, они искажаются, ведут к обожествлению геройства, возвеличиванию завоевателей⁴¹³. В результате человек пытается утвердиться в общественном мнении за счет жестокости, унижения других людей, накопле-

⁴⁰⁹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч.1. С. 15-17.

⁴¹⁰ Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С.73.

⁴¹¹ Дружинин Н. М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 316.

⁴¹² Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч. 1. С. 98.

⁴¹³ Там же. С. 100.

ния богатств, роскошного образа жизни и т.д. В конечном итоге «общество доходит до поразительной бездарности и бездеятельности», весьма характерной для государств застоя⁴¹⁴, процветают разбой и грабежи, экономика приходит в упадок, города пустеют. В таком состоянии общество пребывает до того времени, «пока на сцене исторической появится племя с действительно большими способностями, чем его предшественники»⁴¹⁵.

Сходные же препятствия наблюдаются в развитии государств, находящихся под властью формальной религии⁴¹⁶.

Нестабильность государств этих типов связана, прежде всего, с неверным пониманием их народами инстинктов мировой жизни, с неправильным мировоззрением, господствующим в таких обществах. По мнению В.В. Берви-Флеровского, не недостаток способностей, не недостатки природы, а в первую очередь «недостатки нравственные, ложные чувства и мировоззрения были единственной причиной упадка и застоя этих некогда сильных и богатых стран»⁴¹⁷. Мировой инстинкт здесь действует «не освещенный разумом и здравым мышлением»⁴¹⁸.

При этом В.В. Берви-Флеровский исходил из того, что «господствующий социальный и политический порядок в обществе есть и может быть только результатом известных чувств идей и мировоззрений, укоренившихся в народе в течение веков»⁴¹⁹. Он полагал, что «основным началом общественной жизни являются идеи и чувства, которые могут постоянно жить и, развиваясь до бесконечности, передаваться из поколения в поколение, все в лучшем и лучшем виде. ... Чем более в них лжи, тем скорее они губят общество, среди которого царствуют; и наоборот, они дают обществу тем более

---

⁴¹⁴ Там же. С. 125.

⁴¹⁵ Там же. С. 190.

⁴¹⁶ Дружинин Н. М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 316.

⁴¹⁷ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч. 1. С. 97.

⁴¹⁸ Там же. С. 181.

⁴¹⁹ Берви-Флеровский В. В. Оглянемся назад // Отечественные записки. 1877. № 12. С. 460.

продолжительную жизнь, чем они ближе к истине, чем они нормальнее и прогрессивнее»⁴²⁰.

Отсюда вытекает задача, стоящая перед обществом: «изыскивать средства создавать в среде народа такие взгляды и чувства, при которых долговечность и быстрота развития достигали бы максимума, а может быть и бесконечности»⁴²¹. Решение ее должно быть возложено в первую очередь на образованное общество. Именно образованные слои населения должны «создать общественное мнение, которое заставило бы его (человека – З. С.) плодить жизнь на земле, а не употреблять свои силы без пользы или во вред человечеству»⁴²². Только в этом случае, следуя мировым инстинктам «плодить жизнь на земле», человек способен ощутить настоящее удовлетворение, настоящее счастье. Оно достижимо только тогда, когда он занимается деятельностью, приносящей пользу не ему одному, а человечеству в целом, когда он приносит благо ближнему, действует солидарно с другими людьми.

Однако для достижения истинного счастья необходимы некоторые условия. «Чтобы человек мог следовать мировым инстинктам необходимо, чтобы в нем развилось нравственное чувство, которое способно давать инстинктам мировой жизни нормальное удовлетворение»⁴²³. Нравственному же развитию в свою очередь должно предшествовать развитие интеллектуальное. Интеллектуальное развитие – это первая ступень, для развития нравственного»⁴²⁴. «Только когда вследствие умственного развития человек начнет интересоваться мировыми явлениями, то он начнет понимать, что нравственное чувство может сделаться источником наслаждений». Главными инструментами этого процесса являются просвещение народа через развитие его образования и приобщение к социально-политической жизни через местную прессу.

---

⁴²⁰ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч. 1. С. 97.

⁴²¹ Там же. С. 98.

⁴²² Там же. С. 173.

⁴²³ Там же. С. 208-209.

⁴²⁴ Там же. С. 122.

Таким образом, исходя из посылки о единстве материального мира, В.В. Берви-Флеровский приходит в конечном итоге к идее чисто идеалистической: именно идеи и нравственные воззрения людей, осознание ими своего предназначения на земле определяют развитие человечества. Следовательно, широкое просвещение и правильное воспитание народных масс, формирование в их среде верных представлений об истинном счастье, о месте человека в обществе являются приоритетной задачей социума, решение которой должно обеспечить его нормальное развитие без революций, социальных переворотов, войн и прочих катаклизмов.

Третья часть «Азбуки социальных наук», вышедшая в 1894 г. в Лондоне, посвящена истории западноевропейской цивилизации. В ней В.В. Берви-Флеровский поэтапно характеризует античную эпоху, средневековье и Возрождение (первый выпуск), XVII-XVIII вв. (второй выпуск) и XIX в. (третий выпуск). В основе последней части «Азбуки» лежат, по сути, те же идеи, что и в первых двух, однако автор использует несколько иную терминологию и, в целом, лучше структурирует материал, излагая свою теорию в более стройном и логичном виде.

Он по-прежнему отстаивает идею единства всех материальных явлений, регулятором действий которых служит мыслительный процесс, присущий всему материальному миру, включая «неорганическую природу и растительное царство»⁴²⁵. При этом неживая природа и растения способны только к самому примитивному мышлению – по подражанию самому себе. Животные более развиты, они способны уже воспринимать существование себе подобных, что порождает «новый прием эмпирического мышления – подражание авторитету», стремление следовать за ним и, в конечном итоге, «стадность и семейство»⁴²⁶. Крайне ограниченные умственные способности животных держат эти «задатки развития солидарности» на низком уровне, позволяя ему только «развивать общие действия». Деятельность человека бо-

⁴²⁵ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3 // Избранные экономические произведения: в 2 т. – М., 1959. Т. 2. С. 421.

⁴²⁶ Там же. С. 421.

лее сложна. Она представляет собой совокупные усилия, направленные на удовлетворение общего блага, которые ведут к развитию инстинкта солидарности, находящегося в неразрывной связи с умственным развитием. Инстинкт солидарности наиболее четко проявляется в семье, затем переходит на членов рода⁴²⁷.

Рядом с этим инстинктом действует и другой инстинкт – инстинкт повиновения, который способствует сплочению людей, но действует в ущерб инстинкту солидарности. Этот инстинкт развивается в семье в результате «неопытности и слабости детей», затем он распространяется на прирученных человеком животных, затем – на взятых в плен врагов. Развитие труда ведет к развитию инстинкта солидарности, инстинкт же повиновения ведет к «приручению» одних людей другими. В этом случае человек ведет себя по отношению к более слабым «прирученным» им людям, таким же образом, как и по отношению к прирученным животным, с позиций силы, покоряя их и не заботясь о них⁴²⁸.

В результате формируются целые государства, основанные на инстинкте приручения. Они основаны на всеобщем рабстве, на принципе работы слабых на сильных. Люди в таких инстинктивных государствах существуют в крайне тяжелых условиях, неудовлетворенность ими заставляет общество двигаться по направлению развития инстинкта солидарности. «Историческая борьба бессознательно во имя самой организации человека направлялась к этой цели, велась она путем созидания новых инстинктов, а поэтому она творила инстинктивные организации, где связь между людьми создавалась эксплуататорами, которые пользовались укоренившимися инстинктами или даже создававшими такие инстинкты своей политикой. Люди защищались против этой эксплуатации, вырабатывая в своей среде полезные для них ин-

---

⁴²⁷ Там же. С. 422.

⁴²⁸ Там же. С. 422-425.

стинкты или привычки». Однако такой путь развития оказывался крайне медленным и неудовлетворительным⁴²⁹.

Инстинктивные государства всегда основаны на эксплуатации, которая, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, неизбежно понижала нравственный и умственный уровень эксплуатируемых, одновременно ослабляя эксплуатирующих. Такие государства крайне неустойчивы, они постоянно возникают и распадаются, на их месте появляются новые. Для придания им прочности человечеством был выработан религиозный инстинкт, но на инстинктах вообще невозможно построить общество, которое бы удовлетворяло потребностям человека. Организация создается на инстинктивном основании исключительно за недостатком рационального. Инстинктам неизбежно недостает ясного понимания цели и путей, которые к ней ведут⁴³⁰.

Религиозный инстинкт некоторое время «цементировал» государство. Но со временем религия разошлась с политикой. После этого государства слагались и распадались своим путем, а религии – своим. Чтобы укрепить государство, власть старалась развивать инстинкты повиновения, в противовес граждане старались защититься против эксплуатации, развивая в своей среде инстинкты собственности.

В результате, по мнению В.В. Берви-Флеровского, возникли три рода инстинктивных организаций, которые постепенно по мере развития общества утрачивали свое значение, превращаясь в фактор, тормозящий его развитие. Первый род составили религиозные организации, «сцементированные общей верой»; второй – политические, «сцементированные инстинктом повиновения»; третий – социальные, «сцементированные инстинктом собственности», который развился из «неискоренимого в человеке стремления располагать произведениями своего труда». Каждый из этих типов инстинктивных организаций создал неограниченную власть: религиозные организации требовали неограниченной власти над совестью людей; политические организации –

---

⁴²⁹ Там же. С. 426.

⁴³⁰ Там же. С. 427.

слепой веры государю; инстинкт собственности создавал социальные организации и устанавливал социальный порядок, «средоточием которого был собственник, имеющий неограниченную власть над имуществом»⁴³¹.

По мере прогрессивного развития общества развиваются мыслительные способности человека. Развитие научных знаний ведет к появлению рациональных воззрений, к применению «правильного научного синтеза» - единственного, по мнению В.В. Берви-Флеровского способа познания мира. Он в свою очередь приводит к постепенному осознанию человеком истинных целей своего существования на земле, к появлению истинных представлений о счастье. В результате происходит замена инстинктивных организаций сознательными. Начинается она в политической сфере. Развитие государственности идет в направлении от абсолютных монархий к федеративной демократии. Именно она является формой государства, основанной не просто на инстинкте, а на сознательном отношении человека, именно ей принадлежит будущее.

Возникновение сознательных политических организаций ведет к развитию правильных инстинктов человека и в социальной области. Однако сознательные социальные организации, основанные на самоуправлении, пока не возникли. В этом виновата интеллигенция, не сумевшая установить связь с «народной массой». Она не смогла объяснить народу необходимость создания таких социальных организаций, при которых «самоуправление народа распространилось бы и на распределение произведений труда»⁴³², т.е. основанных на общественной собственности. Даже такие «чуткие души» как Бабеф, Оуэн, Сен-Симон, Фурье и др. не смогли понять, что нужно не менять государственный строй, а «пересоздать мировоззрение людей»⁴³³. Вместо того, чтобы распространять в народе идею справедливости, интеллигенция распространяла в лучшем случае идею свободы, которая, приживаясь, зачастую нарушала нормальный ход развития общества, приводя к социальным пере-

---

⁴³¹ Там же. С. 427.

⁴³² Там же. С. 352.

⁴³³ Там же. С. 352.

воротам и революциям. Лишь на отдельных территориях возникли и смогли существовать сознательные социальные организации – коммунистические общины, основанные на принципе общей коллективной собственности. К таким территориям В.В. Берви-Флеровский относит США, Россию и т.п. В Америке такие общины оказались нежизнестойкими, они легко перерастали в ассоциации, товарищества, которые торговали, покупали как произведения своего труда, так и труд⁴³⁴. Непрочность их В.В. Берви-Флеровский объясняет низким уровнем нравственности людей, вступавших в общину, вопросы распределения собственности, орудий труда в них решались посредством голосования, подчинением меньшинства большинству. Напротив, в России в поземельной общине все вопросы распределения земли решались не по большинству голосов, а по общему соглашению. Именно Россия, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, наметила единственно правильный путь к созданию сознательных социальных организаций, идеалом которой является коммунистическая община. Российская поземельная община, не являясь еще общиной коммунистической, готовит, тем не менее, путь к коммунизму.

Для широкого распространения коммунистических общин (сознательных социальных организаций), по мнению В.В. Берви-Флеровского, необходимо введение публичной собственности на землю и прочие орудия труда, передачу их в собственность общин. Именно ликвидация частной собственности «составляет окончательную, но неизбежную цель социальных организаций», поскольку является единственным способом положить конец эксплуатации человека человеком. Каждое государство при любом политическом устройстве может немедленно ввести у себя институт вещей публичного права (на крепости, гавани, города, больницы, учебные заведения и т.д.), постепенно распространяя его, «пока все предметы эксплуатации не будут поглощены общественными учреждениями»⁴³⁵.

---

⁴³⁴ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения: в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 438-439.

⁴³⁵ Там же. С. 482.

При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что такое «общественное учреждение» может быть вполне успешно только в том случае, если, во-первых, община состоит из небольшого числа лиц; во-вторых, если все вопросы распределения орудий труда и т.п. будут решаться самими трудящимися. Он особо отмечает, что эта процедура ни в коем случае не должна быть предоставлена не только государству и его администрации, но даже и общинной администрации.

Из всего вышесказанного ясно следует, что идеалом общественного устройства В.В. Берви-Флеровский считал коммунистическое общество, поскольку именно коммунизм – это «высшая, наиболее нравственная форма общественного сожительства, которая не может быть установлена законом, силой»⁴³⁶.

Оно должно быть основано на достаточно высоком уровне производительности труда, которое обеспечивается развитием науки и напрямую связанным с ней промышленным ростом и формированием всемирного рынка. Подъем промышленного производства должен «стать благодетелем всего человечества», позволить «разбогатеть всему населению человеческой цивилизации». Будут забыты бедность, тяжкий труд, рынки будут «завалены продукцией». Частная собственность будет упразднена. Ее заменит публичная собственность на все орудия эксплуатации, будут ли они служить для этой цели в качестве орудий труда (как земля и фабрики) или в качестве предметов потребления и орудий распределения (как дома, лавки). Распоряжаться вещами публичного права должны будут не государство, не образованные слои общества, а действительно трудящиеся.

В этом идеальном обществе, по мнению В.В. Берви-Флеровского, будут жить отлично образованные люди с активной гражданской позицией, среди которых будет «господствовать солидарность». Отношения между ними станут «отношениями мира и порядка. ...Это отношение, где нет ни низших, ни высших, где нет приказывающего и вводящего порядок..., где вся-

---

⁴³⁶ Там же. С. 441.

кий дает, сколько он хочет, и все-таки никогда не возьмет в ущерб всем. Тут нет ни собственности, ни раздела, ни счета своим величиям. Тут все равны и стараются быть равными, потому что они только тогда чувствуют себя счастливыми, когда они чувствуют себя равными. Несмотря на все это, несмотря на полное отсутствие собственности, правления и прочего, тут только и существует истинный порядок, который способен действительно удовлетворить человека. Порядок тут потому, что тут господствует истинная, полная свобода»⁴³⁷.

При таком общественном устройстве в массах проснется истинное сознание своего человеческого достоинства. ... Человеку нечего будет трястись над своим добром и над источниками своего дохода, вести ежеминутную борьбу со всеми, с кем он имеет дело»⁴³⁸.

Идеал общественного устройства В.В. Берви-Флеровский определяет как общество-организм. Как отдельные части человеческого организма не эксплуатируют друг друга, а живут в полной гармонии, так и в человеческом обществе все должно быть гармонично. Оно должно быть построено на началах солидарности, взаимопомощи сильного слабому. В новом обществе, также как и в человеческом организме, не должно присутствовать паразитирующих на прочих частей, не должно быть места эксплуатации. В нем «всякий дает, сколько он хочет, а все-таки старается дать как можно более, ... всякий берет сколько хочет, и все-таки никогда не возьмет ничего в ущерб всем»⁴³⁹. Представления о личном и общественном благополучии должны слиться воедино, «счастье каждого человека будет счастьем общества, и обратно: счастье общества будет счастьем каждого человека»⁴⁴⁰. Это общество по сути своей является коммунистическим,

Построение нового общества В.В. Берви-Флеровский предлагал начать с того, чтобы привить нужные идеи, взгляды посредством просвещения на-

⁴³⁷ Берви-Флеровский В. В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. СПб., 1877. Ч. 1. С. 201-202.

⁴³⁸ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения: в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 232.

⁴³⁹ Берви-Флеровский В. В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. СПб., 1877. Ч. 1. С. 201-202.

⁴⁴⁰ Берви-Флеровский В. В. Критика основных идей естествознания. СПб., 1904. С. 518.

рода и введения свободы слова и печати, через развитие местной прессы, затрагивающей интересы широких народных масс. Им надо привить правильные взгляды на жизнь, на устройство государства и общества. Новые идеи, укореняясь в широких общественных слоях, позволят изменить их нравственный уровень и обеспечат простой и безболезненный переход к новым социальным отношениям. Одновременно В.В. Берви-Флеровский предлагал провести ряд реформ, которые будут способствовать более быстрой замене инстинктивных организаций сознательными. Это должны быть именно реформы, затрагивающие экономическую, социальную и политическую сферы жизнедеятельности общества, которые растянутся на несколько десятилетий (около 50 лет), поскольку всевозможные революционные потрясения, перевороты – это показатель неправильного, нездорового развития общества⁴⁴¹.

Однако при этом В.В. Берви-Флеровский все же не исключал и возможности революции, что отмечают практически все исследователи. Правда, степень его революционности обычно оценивается по-разному. Так, по мнению О.В. Аптекмана, «Берви проделал в ссылке решительную эволюцию в сторону революционной борьбы с существующим порядком», «изжил совершенно свой былой мирный постепенный эволюционизм»⁴⁴². Это положение оспаривает Г.М. Подоров, который полагал, что допуская возможность революции, «Флеровский был сторонником мирных методов преобразования существовавших порядков»⁴⁴³. Он подчеркивает, что в это время применительно к Берви-Флеровскому можно говорить лишь «о колебаниях в сторону насильственных, революционных методов действий», усилившихся ко времени написания им последних работ⁴⁴⁴. Сходную точку зрения высказывает В.П. Заблоцкий, который отмечает, что хотя В.В. Берви-Флеровский «уже со времени польского восстания 1863 г. не исключал возможности социального переворота посредством народной крестьянской революции», он

⁴⁴¹ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 213-215.

⁴⁴² Аптекман О. В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам б. III Отделения и Д.Г.П.). Л., 1925. С. 161-162.

⁴⁴³ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 61.

⁴⁴⁴ Там же. С. 224.

связывал социальные преобразования России с «движением к социальному миру»⁴⁴⁵. Т.С. Рязанцев, напротив, отмечая, что Г.М. Подоров недооценивает революционность В.В. Берви-Флеровского⁴⁴⁶, акцентировал внимание на его революционно-практической деятельности, подчеркивал близость мыслителя к революционным просветителям, несопоставимость его взглядов с идеологией либерального народничества⁴⁴⁷. Сторонником революционных методов борьбы считал В.В. Берви-Флеровского и М.М. Плакида⁴⁴⁸. О значительном преувеличении революционной составляющей мировоззрения В.В. Берви-Флеровского в работах П.С. Прибутко, В.П. Евланникова, Я.М. Монины речь уже шла во введении в рамках историографии проблематики работы.

В.В. Берви-Флеровский действительно допускал возможность революции. Он отмечал, что в ряде случаев народные массы добивались изменения своего положения «самым ненормальным путем насилия»⁴⁴⁹. Он полагал, что революции «возникают также, как загораются хвойные леса в стране сплошных лесов севера: случайно, путем самовозгорания. ...Охваченные неудержимой страстью люди начинают действовать, а организация вытекает сама собою из потребностей, вызываемых этой деятельностью»⁴⁵⁰. Говоря о России, он высказывал мысль о том, что ей для достижения нормальных условий развития цивилизации, видимо, необходима именно революция. «Сколько революций ей придется сделать, прежде чем она достигнет маломальски сносного положения», – риторически восклицает он⁴⁵¹. О допущении возможности революции в России свидетельствует и написанная В.В. Берви-Флеровским для кружка долгушинцев прокламация «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы», подробно проанали-

⁴⁴⁵ Заблоцкий В. П. В.В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990. С. 15-16.

⁴⁴⁶ Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос. пед. института. Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 82

⁴⁴⁷ Там же. С. 97-98.

⁴⁴⁸ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 210-214.

⁴⁴⁹ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 61.

⁴⁵⁰ Флеровский Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания Н. Флеровского. Лондон. 1897. С. 315-316.

⁴⁵¹ Там же. С. 396.

зированной с этих позиций М.М. Плакидой⁴⁵². При этом стоит еще раз подчеркнуть, что путь революционных потрясений рассматривался В.В. Берви-Флеровским как крайняя мера, сопряженная со значительными потерями для народа. Гораздо более естественным виделся ему путь мирных преобразований, направленный на достижение социальной гармонии. Исходя из этих представлений, В.В. Берви-Флеровский, выделявший три вида пропаганды: педагогическую, террористическую и революционную, основной из них считал педагогическую⁴⁵³. Признавая определенную полезность террористической и революционной пропаганды, он считал, что революционеры в первую очередь должны заниматься пропагандой в народе идей, которые бы способствовали его интеллектуальному и нравственному развитию – идей конституционного устройства, демократии, и т.д., оказывать народу посильную помощь, отстаивая его права. Именно этому он пытался учить революционно настроенную молодежь. Подобный характер носили и его беседы с крестьянами, которые почти всегда сопровождались оказанием им юридической помощи. Такая пропаганда с точки зрения авторов коллективной монографии «Революционная традиция в России» вовсе «не была равнозначна «малым делам», борьбе за частные улучшения, поскольку создавала базу для расширения политической активности деревни». Напротив она была для представителей образованных слоев общества «более естественной и эффективной», «могла принести больше результатов»⁴⁵⁴. Признание революции как возможного пути переустройства общества, равно как и верность идеалу коммунистического общества как «высшей, наиболее нравственной формы общественного сожительства»⁴⁵⁵ составляет главное отличие воззрений В.В. Берви-Флеровского от мировоззрения либерального народничества. В остальном (возможность ненасильственного реформирования страны, необходимость

⁴⁵² Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 211-214.

⁴⁵³ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 43

⁴⁵⁴ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М., 1986. С. 248.

⁴⁵⁵ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 441.

предотвращения развития капиталистических отношений, влекущих за собой разорение крестьянства, признание особой роли общины и необходимости ее защиты и т.д.⁴⁵⁶) его основные позиции довольно близки взглядам представителей демократической части либеральных (реформаторских) народников.

Таким образом, взгляды В.В. Берви-Флеровского на историю носят выраженный идеалистический характер, они основаны на мысли о приоритетной роли в развитии общества мировоззрения людей, их нравственных, этических представлений. С таких позиций автор анализирует исторические процессы. В результате изложение исторических фактов у него оказывается во многом бессистемным, отражающем его субъективный подход. Эклектичный набор громадного количества вырванных из контекста фактов В.В. Берви-Флеровский использует для подтверждения своих философско-этических выкладок, исторические события, деятельность исторических личностей и т.п. излагаются им «с точки зрения предвзятой морально-политической цели»⁴⁵⁷. Отметим, что в этом плане В.В. Берви-Флеровский продолжает традицию интеллигенции первой половины XIX в., когда «представители различных идейных течений искали и находили в историческом прошлом подтверждение своих теоретических построений, анализа настоящего и предвидения будущего»⁴⁵⁸.

Отметим, что еще Н.М. Дружинин отмечал определенную близость взглядов В.В. Берви-Флеровского на исторический процесс народническим представлениям о развитии человеческого общества (идея неразрывной связи природы и общества, преувеличение роли и места интеллигенции в истории, трактовка российской поземельной общины как зародыша коммунистических отношений)⁴⁵⁹. Возможно, этот блок воззрений народников в целом и

⁴⁵⁶ Зверев В. В. Либеральные народники // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 3. С. 348-350.

⁴⁵⁷ Дружинин Н. М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 319.

⁴⁵⁸ Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006. С. 26.

⁴⁵⁹ Дружинин Н.М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 319.

В.В. Берви-Флеровского в частности (за исключением мысли об особой роли общины, которая, несомненно, является одной из основополагающих идей народнической философии) выступал своего рода общим философским фоном идейных исканий рассматриваемого периода. Эти идеи были в равной степени характерны и для эпохи Просвещения, и для позитивистской философии, что косвенно подтверждается и высказанным Н.М. Дружининым мнением о влиянии на воззрения В.В. Берви-Флеровского французских социалистов-утопистов, в особенности Фурье и теории прогресса Кондорсе⁴⁶⁰. Именно они явились определенной подосновой, на базе которой формировалась философия отдельных представителей революционного народничества.

Особо стоит подчеркнуть, что В.В. Берви-Флеровский в «Азбуке социальных наук», рассматривая проблемы смысла жизни, представлений об истинном счастье, остро ставил вопрос о морально-этических принципах, столь актуальных для народнической молодежи. Именно моральная составляющая идей В.В. Берви-Флеровского, изложенная в этой книге, особо привлекала молодых революционеров, позволяя «перевести» идеи социализма в «нравственный принцип», в «формулу непосредственного действия»⁴⁶¹. Проблемы смысла человеческого существования требовали отдельного осмысления (что наглядно демонстрируют, например, заметки С.Л. Перовской)⁴⁶², обеспечивали идейное становление революционной молодежи, ее нравственное и интеллектуальное развитие, в силу чего служили средством ее самообразования.

Морально-этические воззрения В.В. Берви-Флеровского, изложенные в «Азбуке социальных наук» оказали некоторое влияние и на представителей творческой интеллигенции. Так, известно, что Л.Н. Толстой довольно высоко оценивал эту книгу, характеризуя В.В. Берви-Флеровского как «самого

---

⁴⁶⁰ Там же. С. 319.

⁴⁶¹ Пантин И. К. Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М., 1986. С. 229.

⁴⁶² Кан Г. С. «Народная воля»: идеологи и лидеры. М., 1997. С. 160-161.

зрелого, самого умного среди писателей-радикалов»⁴⁶³. Личность В.В. Берви и его идеи религии равенства нашли свое отражение в созданном в романе «Воскресенье» образе народника Симонсона⁴⁶⁴. По мнению исследователей, мысли В.В. Берви-Флеровского нашли свое отражение в «Красном цветке» В.М. Гаршина⁴⁶⁵, в произведениях с историко-философской тематикой В.Г. Короленко⁴⁶⁶. А.М. Горький, с юношеских лет знакомый с книгами В.В. Берви-Флеровского, использовал его идеи в повести «Мать» при описании ситуаций, связанных с народническим прошлым А. Находки и с религиозно-философскими исканиями М. Рыбина⁴⁶⁷. Тем самым можно говорить об опосредованной трансляции воззрений В.В. Берви-Флеровского, осуществлявшейся уже без его непосредственного участия через тиражирование его мыслей в произведениях художественной литературы.

2.2. В.В. Берви-Флеровский о сущности государства

В своих работах В.В. Берви-Флеровский не рассматривал подробно проблемы сущности государства. Отсутствует в них и какая-либо классификация форм государства. Однако, рассматривая проблемы налогообложения в России в работе «Философское основание на взимание податей», он обращается к отдельным социологическим аспектам развития государства и права. Некоторые стороны этого вопроса освещены и в «Азбуке социальных наук».

Критикуя равный и пропорциональный налог, В.В. Берви-Флеровский задается вопросом о том, что дает государству право взимать налоги с общества и каков должен быть размер этих налогов. В ходе решения этой проблемы он касается и вопроса о сущности государства.

⁴⁶³ Цит. по: Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С. 66.

⁴⁶⁴ Биличенко Н. А. Образ Симонсона в романе Л.Н. Толстого «Воскресенье» // Русская литература. 1972. № 4. С. 161-165.

⁴⁶⁵ Каминский В. И. В.В. Берви-Флеровский в русском общественно-литературном движении 70-80-х гг. // Из истории русских литературных отношений XVIII-XX веков. М.-Л., 1959. С. 257.

⁴⁶⁶ Там же. С. 264.

⁴⁶⁷ Пинаев М. Т. М. Горький и В.В. Берви-Флеровский // Русская литература. Л., 1974. № 3. С. 208.

С его точки зрения государство «не поглощает в себя всего человека», оно является лишь «одной из многих организаций», которые нужны обществу для нормального существования, как, например, необходимо ему разделение труда. И разделение труда, и государство существуют лишь потому, что они полезны для человека. Созданы они самими людьми в ходе развития общества. «Орудия труда, государство не создадутся, если человек их не создаст, и не прекратятся, если человек их не прекратит»⁴⁶⁸. Они, по сути, есть создания самого человека, которые он предназначил для своего удобства. При необходимости они могут быть заменены лучшими. При этом такие организации как разделение труда или государство «не могут даже служить орудиями для окончательного нравственного развития людей»⁴⁶⁹. Государство не может принудить людей быть нравственными или безнравственными: они делаются нравственными или безнравственными вследствие идей и чувств, в которых они воспитываются. «Самая организация государства есть не что иное, как порождение среднего уровня нравственности жителей государства и известной степени их политической ловкости»⁴⁷⁰. Об этом, по мнению В.В. Берви-Флеровского, явно свидетельствует история Азии, Африки и Америки, демонстрирующая, что деспотические, теократические и аристократические государства, сходные по своей организации, действовали различно.

Таким образом, - подчеркивает В.В. Берви-Флеровский, - поскольку государство «есть орудие и притом орудие, которое хватает неглубоко, то единственное оправдание его существования может заключаться только в общественной пользе. «Государство как и ... все, что человек создает для удовлетворения своих потребностей и как средство для достижения своих

---

⁴⁶⁸ Берви-Флеровский В.В. Философское основание права на взимание податей // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 24.

⁴⁶⁹ Там же. С. 24.

⁴⁷⁰ Там же. С. 24.

целей, может иметь свое оправдание только в пользе, которую они приносят»⁴⁷¹.

В чем же, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, заключается польза государства как особой организации? Для решения этого вопроса он предлагает «посмотреть на людей, которые живут без государства». Тогда «можно понять, для чего создано то орудие, которое называется государственной организацией». Берви-Флеровский утверждает, что без государства сильный имел перевес над слабым, нетрудящийся - над трудящимся»⁴⁷².

Тогда «история образования государства может быть выражена в очень немногих словах: трудящийся земледелец хотел жить своими трудами и развивать свою способность трудиться, но кочевники не давали ему работать. Чтобы защищаться, он должен был создать все более многолюдное общество. И вот, наконец, развилось государство»⁴⁷³.

Таким образом, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, цель государства заключается в том, что оно «должно ограждать трудящегося и увеличивать его способность трудиться». Иначе говоря, оно «по происхождению и по существу своему есть не что иное, как протест против тунеядства и грабежа»⁴⁷⁴.

Отсюда, по Берви-Флеровскому, вытекают все функции государства, его основные права и обязанности. Одной из основных функций государства является сбор налогов с граждан. Оно должно их взимать, чтобы «делать ту пользу, которую оно может сделать, и чтобы сделать как можно больше пользы»⁴⁷⁵. Следовательно, государство имеет право на средства гражданина или любую другую его вещь только в том случае, если какая-либо вещь (средства) будет более полезна в руках общества, чем в руках частного лица.

---

⁴⁷¹ Там же. С. 25.

⁴⁷² Там же. С. 30.

⁴⁷³ Там же. С. 31.

⁴⁷⁴ Там же. С. 31.

⁴⁷⁵ Там же. С. 9.

Оно обязано ее взять, так как в противном случае оно не выполняет своего назначения⁴⁷⁶.

В.В. Берви-Флеровский подчеркивает принципиальное отличие прав государства от прав частного лица. Если человек имеет право, например, приобретать собственность, но вовсе не обязан это делать, то «для государства как для орудия общества, такой принцип не существует. Для него не может быть права необязательного. Оно или обязано взять с меня подать или не имеет на это права. Оно или обязано арестовать преступника или не имеет на это права»⁴⁷⁷. Более того, оно имеет право взять с гражданина подать только потому, что обязано это сделать. Указанное различие в праве государства и частного лица В.В. Берви-Флеровский связывает с тем, что «государство есть только орудие, человек же – цель, для которой существует право»⁴⁷⁸.

Отсюда, с позиций В.В. Берви-Флеровского, вытекает и право государства на принуждение, применение силы по отношению к частному лицу. В основу взимания налогов, по мнению ученого, не может быть положен «принцип общего согласия». С одной стороны, если гражданин добровольно соглашается платить, то право государства на сбор средств несомненно. С другой – на этом принципе может быть основан лишь сбор пожертвований, а не налогов или податей. Последний нередко нуждается в применении силы для принуждения частных лиц к оплате. При этом В.В. Берви-Флеровский отмечает, что государство не должно принуждать своих граждан платить только потому, что «ему пришла такая фантазия». В этом случае действия государства основываются не на справедливости, а только на силе и ничем не отличаются от действий разбойника⁴⁷⁹. Чтобы государство могло взять у частного лица его имущество или средства, его право на это имущество должно быть более значимо, чем у частного лица. А это возможно только в том случае, если употребление имущества в частных руках будет беспо-

⁴⁷⁶ Берви-Флеровский В. В. Философское основание права на взимание податей // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 35.

⁴⁷⁷ Там же. С. 30.

⁴⁷⁸ Там же. С. 30.

⁴⁷⁹ Там же. С. 20.

лезным, а издержки самого государства – полезны, причем полезны для общества в целом. Иначе говоря, при столкновении интересов государства и частного лица единственным критерием значимости этих интересов будет общественная польза. Именно в этом случае с точки зрения В.В. Берви-Флеровского будет соблюден главный принцип, «соответствующий самым глубоким из инстинктов человеческих» - принцип справедливости.

Именно он должен лежать в основе права, потому что «несправедливость и право – понятия несогласимые и прямо противоречащие друг другу, - правом может быть только то, что справедливо⁴⁸⁰.

Что же в этом случае может считаться справедливостью? Отвечая на этот вопрос, В.В. Берви-Флеровский отталкивается от сущности государства. Если государство есть особая организация, созданная обществом, его орудие, посредством которого оно призвано защищать трудящихся от грабежа и эксплуатации для увеличения их способности трудиться, то право есть инструмент, с помощью которого государство должно выполнять свое предназначение. Деятельность в этом направлении оно может осуществлять «одним способом – распространением прав», - отмечает В.В. Берви-Флеровский⁴⁸¹. Следовательно, цель, для которой существует право – это человек, прежде всего трудящийся. Государство должно посредством права ограждать трудящихся от любых посягательств на результаты их творческой деятельности, которые могут повлечь за собой снижение производительности труда.

При этом В.В. Берви-Флеровский отмечал, что на ранних стадиях развития общества государство «было бессильно, чтобы установить какие-либо права». Напротив, именно «сильные» племена (кочевники и бродячие охотники) устанавливали над «слабыми» трудящимися свое господство, основанное на эксплуатации. Это было право сильного, по сути являющееся «насилием, которое присваивает себе имя права». Такое «право сильного», по мнению В.В. Берви-Флеровского, в большей степени характерно для азиатских

---

⁴⁸⁰ Там же. С. 20.

⁴⁸¹ Там же. С. 31.

цивилизаций. Европейская идея права в свою очередь была создана, чтобы оградить труд и его развитие от азиатского варианта права. Однако на протяжении длительного промежутка времени государства «вынуждены были считаться с остатками тех начал, которые водворились в древности, что приводило во всякого рода компромиссам». В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что эти компромиссы «были порождением идеи порядка, а не права». Идея права включает в себе только то, что соответствует цели учреждения государства – то есть поощрению труда и развития»⁴⁸². Все «отступления от этой цели, которые государство должно было сделать по причине своего бессилия, могут оправдываться только потребностью в спокойствии, в мире, в порядке»⁴⁸³.

Именно на этой идее – идее порядка обычно основывается повиновение установленному праву, даже в том случае, если оно нарушает принцип справедливости. В.В. Берви-Флеровский отмечает, что сама по себе идея порядка в государственном образовании, несомненно, имеет право на существование. «Без порядка и право не может осуществляться», - пишет он⁴⁸⁴. Но если правительство поддерживает в стране только порядок, а не право, оно ведет государство к гибели. «В этом случае в народе пропадает одушевление к развитию, он утрачивает симпатию к своему государству»⁴⁸⁵ и т.п. В силу этого смешивать идею права и идею порядка бессмысленно и даже опасно.

Таким образом, право, по мнению В.В. Берви-Флеровского, равно как и государство, по сути своей есть орудие, которое также создается только для общей пользы.

Человек, получающий право, присовокупляет к своим личным силам силы всего общества. По крайней мере, это происходит в хорошо организованном обществе, которое действительно обладает общественной силой. Следовательно, - подчеркивает исследователь, - чем больше этот человек по-

⁴⁸² Берви-Флеровский В. В. Философское основание права на взимание податей // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 31.

⁴⁸³ Там же. С. 33.

⁴⁸⁴ Там же. С. 20.

⁴⁸⁵ Там же. С. 23.

лучает выгод от своих прав, тем больше он обязан употребить эти права на пользу обществу⁴⁸⁶.

Из этого, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, прямо следует, что обязанности высших классов по отношению к обществу в Европе несравненно значительнее, чем обязанности масс. В силу этого они права свои обязаны употребить исключительно на общую пользу, потому что право, как и государство, создается только для общей пользы. Высшие классы ограждаются государством от унижительного обращения и от произвола, уничтожающего самостоятельность действия и мышления, а поэтому и правами своими они должны пользоваться точно также.

Как государство создано для народа, а не народ для государства,- «точно также права высших классов созданы для народа, а не народ для того, чтобы быть предметом эксплуатации этих прав; но если бы этих прав не было, то и высших классов бы не было. Поэтому вся деятельность человека высшего класса»⁴⁸⁷, если он не хочет слиться с массой, должна быть исключительно посвящена пользе народа – он создан для блага народа путем права.

Как уже отмечалось выше, в работах В.В. Берви-Флеровского не содержится четко систематизированного изложения его взглядов на формы государства, их классификацию и т.п. Тем не менее, он неоднократно высказывал отдельные идеи по поводу происхождения и развития государственности, давал краткую оценку отдельных форм правления и пр. Так, В.В. Берви-Флеровский выделяет две формы правления – монархию и республику – и их разновидности. В его работах можно найти упоминания о неограниченных монархиях; монархиях, основанных на власти духовенства (теократиях); конституционных монархиях и т.п. Говоря о республике (термин «республика» Берви-Флеровский нередко заменяет термином «демократия»), исследователь обычно выделяет бюрократические и федеративные демократии.

---

⁴⁸⁶ Там же. С. 33.

⁴⁸⁷ Там же. С. 35.

Возможно, невнимание В.В. Берви-Флеровского к проблемам классификации форм государства связано с общим почти для всех представителей народничества пренебрежением к политической стороне жизни общества⁴⁸⁸ и, кроме того, с его идеей, уже освещавшейся в рамках предыдущего параграфа, о том, что социально-экономические или политические формы, которые принимает общество в процессе своего развития, не играют особой роли в его жизнедеятельности. Более важны с позиций автора настроения и мировоззрение людей, существующих в рамках этих форм. Между чувствами и воззрениями людей с одной стороны и формами политической жизни с другой, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, существует определенная взаимозависимость. Есть «взаимная связь нравственного уровня и нравственных идей народа с организацией и личным составом его правительства», - пишет ученый⁴⁸⁹. Никакая форма общественной жизни, по его мнению, сама по себе не может удовлетворить потребностям политической или социальной жизни. «Форма только тогда и может быть полезной, когда она является результатом здорового народного духа, правильного взгляда на современные потребности и верного чутья народа. Если народ ставит себе в своей общественной жизни правильную цель, он все свои учреждения будет исправлять в таком смысле, что его политическая жизнь будет процветать и укрепляться, и, наоборот, неправильный взгляд на требования жизни даст всем учреждениям вредное или гибельное направление»⁴⁹⁰.

Исходя из этого, В.В. Берви-Флеровский приходит к мысли, что одни и те же формы правления «в различные времена и при различных условиях могут действовать чрезвычайно различно»⁴⁹¹. В силу этого неограниченная монархия не может считаться злом, а установление разделения властей, равно как и введение представительных учреждений, не означает обязательного торжества справедливости. Так, В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что

⁴⁸⁸ Милевский О. А. Жизнь Л. А. Тихомирова. Барнаул, 2004. С. 120-121.

⁴⁸⁹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 378.

⁴⁹⁰ Там же. С. 354.

⁴⁹¹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 1. СПб., 1871. С. 9.

«неограниченная монархия не есть какое-нибудь уродливое произведение природы. При известном состоянии общества она есть плод естественного процесса. Если она способна естественно вырасти, то она способна также к дальнейшему правильному развитию с помощью свободы слова»⁴⁹². Для подобного рода правильного развития необходимо, чтобы в стране существовала свободная пресса, которая должна быть «страшна всем, которые склонны злоупотреблять своим положением». Монарх должен управлять страной в духе народа, основываясь на его взглядах на вещи, чувствах и интересах, вести себя так, чтобы никто не мог подозревать, что он симпатизирует преимущественно одному классу или сословию⁴⁹³. В этом случае неограниченное монархическое правление может оказаться вполне прогрессивным.

В свою очередь введение конституции, представительных учреждений, установление разделения властей также вряд ли могут считаться панацеей от всех бед. Именно излишняя вера в их могущество тормозила, с точки зрения, В.В. Берви-Флеровского развитие Европы в к. XVIII-первой трети XIX вв. «Создание представительных учреждений должно было уничтожить притеснение граждан общественной властью. Но если эти представители избирались меньшинством, то теоретически прямо следовало, что меньшинство должно было притеснять большинство; если же представители избирались большинством, то большинство должно было притеснять меньшинство»⁴⁹⁴. Теоретики придумывали различные способы дать возможность меньшинству иметь своих представителей, но сути это не меняло. Представители меньшинства все равно останутся в представительном собрании в меньшинстве и, следовательно, не могут отвратить притеснений большинства». Кроме того, выборные и представительные учреждения в условиях отсутствия свободной прессы зачастую почти полностью утрачивают свое значение, поскольку население государства в таких условиях не слишком интересуется своими по-

---

⁴⁹² Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 176.

⁴⁹³ Там же. С. 248.

⁴⁹⁴ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 354.

литическими правами и не понимает, что таким способом возможно принести себе и обществу пользу⁴⁹⁵. То же можно сказать и об ограничении одной ветви власти другою. «Независимый суд ограничивает администрацию, но отсюда вовсе не следует, что он будет ограждать граждан от притеснения; история показала, что судьи могут ограждать интересы рабочего народа, но, и наоборот, чаще всего они проникнуты воззрениями высших классов и тогда они способствуют притеснению»⁴⁹⁶. В целом, гласное и устное судопроизводство в Европе «приносит очень мало пользы и составляет суд весьма несовершенный везде, где деятельность судей не находится под контролем общественного мнения»⁴⁹⁷. Довольно характерным в этом плане В.В. Берви-Флеровский считает деятельность представительных учреждений в Англии и США.

По мнению исследователя, английский имущий класс «создал глубокомысленное учение, что к власти нужно стремиться для того, чтобы ее эксплуатировать, и что в свободных государствах люди делятся на партии с тем, чтобы каждая партия, забрав в руки власть, оставляла в стороне общественное благо и пользовалась ею для личных, узких и эгоистических целей. Такой образ действия был единственно достойным, по ее мнению, солидного и практического ума, а стремление к общественному благу было сентиментальностью, легкомыслием и фантазерством»⁴⁹⁸. Чтобы обеспечить удовлетворение своих «безмерных потребностей», имущему классу «оставалось одно: пользуясь своей политической властью, грабить общественный сундук на законном основании»⁴⁹⁹. В Англии ..., - пишет В.В. Берви-Флеровский,- народ может выразить свои потребности с расчетом на успех

⁴⁹⁵ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 93.

⁴⁹⁶ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 354.

⁴⁹⁷ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 93.

⁴⁹⁸ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 398.

⁴⁹⁹ Там же. С. 398.

только в тех пределах, в которых им может сочувствовать парламент, а парламент ограничивается интересами лордов и короля»⁵⁰⁰.

В Америке в первой трети XIX в. интеллигенция не сумела создать из народа одно целое, которое бы олицетворяло собой общественное мнение. В результате она утратила свое значение. «Зачаток великих мыслей быстро исчез с водворением господства плантаторов и буржуазии. Господа народа Соединенных Штатов разделились на две партии и грызлись между собою из-за власти, как деспоты грызутся повсеместно. ...Жажда обогащения овладела ими; они стали злоупотреблять своей властью и сделались взяточниками»⁵⁰¹.

В н. 70-х гг. XIX в. В.В. Берви-Флеровский полагал, что какие-либо изменения в формах правления никоим образом не зависят от социальных переворотов. Одна форма правления сменяет другую в результате распространения в пространстве политических идей и настроений, которые передаются от одного народа к другому сродни модным веяниям. В результате на определенной, иногда весьма значительной территории складывается своего рода «мода» на ту или иную политическую форму, существующая некоторый промежуток времени. История убеждает нас,- пишет ученый, - что политические чувства и идеи постоянно распространяются «по соседству» и «влекут за собой такое же распространение политических форм, и что при тех же формах сущность политических отношений определяется гением и характером народа»⁵⁰². Так, в Америке, с позиций В.В. Берви-Флеровского, «республиканская и демократическая форма – та форма, которая всего естественнее представляется мыслям народов», именно республика «привилась во всех освободившихся от Испании колониях». В Европе таким же образом «распространяется и прививается идея конституционной монархии». Освободившиеся революционным путем государства или отдельные области почти сразу же призывают к себе монарха. Американец, напротив, не может предста-

⁵⁰⁰ Там же. С. 406.

⁵⁰¹ Там же. С. 411.

⁵⁰² Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 47.

вить себя иначе, чем республиканцем. «Все это обусловлено привычкой к определенному образу мысли».

Следуя тому же закону привычки к определенному образу мысли, в Азии распространилась деспотическая форма. В средние века таким же образом распространялись олигархические формы в управлении городов и феодальные в управлении страной⁵⁰³. Привычные политические мысли мало зависят от наличия в стране свободы слова, политической агитации и т. п., смена их в большей степени связана с развитостью народа, уровнем его просвещенности.

Позднее взгляды В.В. Берви-Флеровского на развитие государственности претерпевают некоторые изменения. Так, в третьей части «Азбуки социальных наук», увидевшей свет в 1894 г., он приходит к выводу, что существуют некоторые закономерности, определяющие смену форм государства во времени.

С его точки зрения все политические организации могут быть подразделены на инстинктивные — основанные на инстинкте повиновения и беспрекословном подчинении, и сознательные — зиждущиеся на идее солидарности, равенстве и правильной нравственности. К первым относятся «неограниченные монархии или государства, сцементированные духовной или военной аристократией, вроде карфагенской или римской»⁵⁰⁴. Ко второй группе относятся демократии (республики). Инстинктивные организации всегда основаны на эксплуатации человека человеком, они развращают людей, понижают их нравственный и умственный уровень. Такие государства всегда крайне нестабильны. В них зачастую для укрепления государственности использовался «религиозный инстинкт... . Вера, передаваясь из поколения в поколение, вызывала неизменное повиновение теократической власти, господствовавшей над государством»⁵⁰⁵. Инстинктивные государства всегда не-

⁵⁰³ Там же. С. 47-48.

⁵⁰⁴ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 430.

⁵⁰⁵ Там же. С. 427.

справедливы, хотя на определенном этапе способствуют прогрессу. Тем не менее, они «порождают неизбежное и неустанное стремление людей перейти к формам, сцементированным солидарностью»⁵⁰⁶. Иначе говоря, вся «социально-политическая история человечества заключает в себе прогрессирующее от инстинктивных к сознательным организациям», которое связано «с умственным пробуждением народов» и начинается в политической сфере⁵⁰⁷. Проявляется этот прогресс преимущественно в ограничении власти монарха. При развитии политического самоуправления бюрократической и федеративной демократии предшествовали аристократические и буржуазные конституции. «Создавались целые ряды систем, которые не могли удержаться..., потому что они в том или другом виде вводили начало эксплуатации народа привилегированными классами»⁵⁰⁸. В конечном итоге, к середине XIX в. основная масса народов западной цивилизации совершила «переход к конституционному управлению», которое также не было лишено недостатков. «Европейские конституции, предоставив имущему классу общественное управление совместно с государями, создали такой порядок», при котором власть превращается в средство распределения собственности и в орудие эксплуатации. Когда капиталисты получили в руки политическую власть, они «воздвигали над обществом такой деспотизм, который мало уступал деспотизму неограниченных государей»⁵⁰⁹. Сталкиваясь с недостатками конституционного управления и постепенно устраняя их, народы «шли все далее, пока не достигли федеративного демократического»⁵¹⁰.

Федеративную демократию впервые создали в Соединенных Штатах. В этом плане они являются для западной цивилизации образцом политического прогресса. Западная Европа к XIX в. в области политической не могла сравниться с ними, несмотря на значительный исторический опыт (первые сознательные политические организации были созданы еще в Древней Греции).

---

⁵⁰⁶ Там же. С. 428.

⁵⁰⁷ Там же. С. 429-430.

⁵⁰⁸ Там же. С. 453.

⁵⁰⁹ Там же. С. 437.

⁵¹⁰ Там же. С. 431.

На ее территории возникли преимущественно бюрократические, а не федеративные республики. Бюрократическая республика, по мнению В. В. Берви-Флеровского, по своему уровню стоит много ниже федеративной, поскольку подразумевает не самоуправление народа, объединенного в территориальные общины, а управление страной из единого центра посредством разветвленного, иерархически организованного бюрократического аппарата⁵¹¹.

Таким образом, в целом, прогресс в политической сфере жизнедеятельности общества связан с превращением инстинктивных политических организаций в сознательные. Если в «государствах застоя» власть и эксплуатация «сосредотачивалась в руках одного лица – в лице государя, то прогресс опускал ее ниже и переводил ее в руки духовенства и аристократии; дальнейший прогресс в Риме и т.п. перевел ее в руки плебеев; современная наука перевела ее в руки третьего сословия – буржуазии». В конечном итоге власть должна перейти в руки самоуправляющегося народа, политическая организация должна дойти «от самых узких сфер деспотической монархии до сознательной организации федеративной демократии»⁵¹².

Подводя итоги, следует отметить, что в вопросе о происхождении государства В.В. Берви-Флеровский исходил из идеи создания государства самими людьми в ходе развития социума. Причины возникновения государства вытекают из его концепции развития человеческого общества и сводятся, в конечном итоге, к необходимости защиты «слабых» земледельцев от «сильных» кочевников. Государство, таким образом, является орудием, созданным самим человеком для удовлетворения своих потребностей. В.В. Берви-Флеровский особо подчеркивает, что государство, как и все прочие орудия, произведенные и используемые человеком, могут иметь «свое оправдание только в пользе, которую они приносят». Польза государства, по его мнению, заключается в первую очередь в том, чтобы «ограждать трудящегося и уве-

⁵¹¹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 480.

⁵¹² Там же. С. 477.

личивать его способность трудиться». Реализует свое предназначение государство с помощью права, которое должно быть основано на принципе справедливости. «Правом может быть только то, что справедливо», - отмечает исследователь. Целью права В.В. Берви-Флеровский считает человека. Посредством права государство должно защищать людей, в первую очередь трудящихся, от посягательств на результаты их труда. Предоставление больших прав высшим классам налагает на них серьезные обязанности по отношению к народу.

Вопрос о развитии государственности В.В. Берви-Флеровский рассматривает с идеалистических позиций, полагая, что изменения в форме государства и, прежде всего, в форме правления определяются изменением духа народа.

Систематизированного и подробного изложения взглядов исследователя на формы государства, их классификацию и т.п. в работах В.В. Берви-Флеровского не содержится, что, возможно, связано с его идеей, о второстепенной роли социально-экономических, политических и прочих форм общественного развития в жизнедеятельности социума. Тем не менее, В.В. Берви-Флеровский намечает общую линию развития государства (формы правления) от деспотии через теократию и абсолютную монархию к конституционным монархиям и республикам, высшей формой которых он считает федеративные республики, основанные на самоуправлении народа, объединенного в территориальные общины.

В начале 70-х гг. XIX в. ученый считал, что формы правления сменяют друг друга в результате распространения в пространстве политических идей и настроений. В 1890-х гг. политический прогресс связывался им с развитием сознания людей, их солидарности, обуславливающим превращение инстинктивных политических организаций в сознательные.

В целом, взгляды В.В. Берви-Флеровского на государственность развивались в традиционном для народничества русле сочетания идеи общинного социализма с идеями европейского утопизма. Проводимая В.В. Берви-

Флеровским мысль о вторичности политических институтов для общественного прогресса в сравнении с нравственным воспитанием также во многом типична для народничества, отмечавшего служебную роль государства в обществе⁵¹³. То же можно сказать и по поводу идеи В.В. Берви-Флеровского об особых обязанностях высших классов по отношению к народу.

Теория возникновения государства В.В. Берви-Флеровского, по мнению В. А. Малинина, представляет собой своеобразное истолкование договорной концепции происхождения государства, которая в 1870-е годы также была довольно популярна в народнических кругах (П.Л. Лавров и др.)⁵¹⁴.

Следует отметить также, что на представления В.В. Берви-Флеровского о происхождении и правах государства некоторое влияние оказали утилитаристские идеи И. Бентама. Хотя прямых ссылок на его труды, в рассматриваемых работах В.В. Берви-Флеровского не содержится, можно говорить об известном сходстве отдельных тезисов обоих авторов об общественной пользе⁵¹⁵.

***

Итак, представления В.В. Берви-Флеровского о развитии человеческого общества оформляются и находят свое отражение в работах конца 1860-начала 1870-х годов («Свобода, речи, терпимость и наши законы о печати»,

⁵¹³ Скакун О. Ф. Политические и правовые идеи революционного народничества // Советское государство и право. 1984. № 5. С. 94.

⁵¹⁴ Малинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972. С. 260-261.

⁵¹⁵ Для сравнения: И. Бентам: «Под полезностью понимается то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благоденствие, выгоду, удовольствие, добро или счастье..., предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если эта сторона есть целое общество, то счастье общества»;... «Известное действие может называться сообразным с принципом полезности (относительно целого общества), когда его стремление увеличить счастье общества больше, чем стремление уменьшить его» - Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 10-11. В.В. Берви-Флеровский: «Государство, как и ... все, что человек создает для удовлетворения своих потребностей и как средство для достижения своих целей, может иметь свое оправдание только в пользе, которую они приносят»; ... государство взимает налоги, чтобы «делать ту пользу, которую оно может сделать, и чтобы сделать как можно больше пользы»; «Государство имеет право на средства гражданина или любую другую его вещь только в том случае, если какая-либо вещь (средства) будет более полезна в руках общества, чем в руках частного лица».

«Азбука социальных наук»). Окончательно доработаны они были в начале 90-х годов XIX в. (третья часть «Азбуки социальных наук»).

В.В. Берви-Флеровский рассматривал историю человечества с широких философских позиций, стремясь увидеть за нагромождением отдельных фактов смысл человеческого существования на земле. Не анализируя детально конкретные исторические события в их взаимосвязи, он пытается рассмотреть за ними общее направление исторического процесса, который рассматривается им в духе позитивизма как поступательное, прогрессивное движение. Его общее направление связано с постепенной заменой инстинктивных религиозных, политических и социальных организаций сознательными, основанными не на инстинкте (религиозном, инстинкте подчинения или собственности), а на осознанном понимании человеком истинных ценностей. К их числу В.В. Берви-Флеровский относит в первую очередь чувство солидарности, осознание необходимости заботы сильных членов сообщества о слабых. Кроме того, сознательные организации характеризуются, во-первых, публичной собственностью на землю и прочие орудия труда, и, во-вторых, федеративной демократией – самоуправлением. Идеалом общественного устройства В.В. Берви-Флеровского является коммунистическое общество-организм, члены которого не эксплуатируют друг друга, а живут в полной гармонии.

Развитие человеческого общества, по мнению В.В. Берви-Флеровского, происходит благодаря формированию в народе чувств и идей, основанных на правильных представлениях о счастье. Обязанность воспитания народных масс связана с деятельностью образованных слоев общества, которые должны обеспечить интеллектуальное и нравственное развитие народа посредством его широкого просвещения и приобщения к общественной и политической жизни. Немалую роль в этом процессе призвано сыграть и государство, главная задача которого заключается в том, чтобы ограждать трудящегося от угнетения и увеличивать его способность трудиться. Реализует свое предназначение государство с помощью права, которое должно

быть основано на принципе справедливости. При этом форма государства не особо значима. Даже абсолютная монархия может оказаться вполне прогрессивной, если ее развитие будет сопровождаться постепенным введением института публичной собственности и свободы речи, способствующей правильному воспитанию народных масс. Проведение целого ряда реформ в экономической, социальной и политической областях жизни, по мнению В.В. Берви-Флеровского, вполне может подготовить быструю смену инстинктивных организаций сознательными, хотя при игнорировании государством народных нужд народ имеет право на революцию.

Таким образом, можно констатировать, что период оформления воззрений В.В. Берви-Флеровского на общество (1860-1870-е гг.) совпал со временем господства в отечественной философской и историографической традиции позитивистской доктрины. В это же время в интеллектуальное поле того времени начинается проникновение идей марксизма.

Красной нитью через работы В.В. Берви-Флеровского проходит идея соответствия между обществом и организмом, разработанная Г. Спенсером. Проблема взаимодействия общества со средой, а также биологические аналогии, проводимые В.В. Берви-Флеровским, также вполне укладываются в русло спенсеровского эволюционизма. Идеи Спенсера значительно повлияли и на представления В.В. Берви-Флеровского об обществе-организме.

Позитивизм в этот период времени являлся своеобразной интеллектуальной модой. Именно из него вытекает идея прогресса, и морального совершенствования человечества, которая отлично коррелирует с идеями эпохи Просвещения, унаследованными В.В. Берви-Флеровским от интеллигенции первой половины XIX века.

Проникающие в это время в науку идеи марксизма, похоже, не были восприняты В.В. Берви-Флеровским⁵¹⁶. Вообще вопрос о влиянии марксистских идей на его взгляды требует дальнейшего анализа: с одной стороны

---

⁵¹⁶ Мудров А. И. Философские и общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. М., 1958. С. 3; Ашмарина С. В. Берви-Флеровский В.В. // Общественная мысль России XVIII – начала XIX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 45.

В.В. Берви-Флеровский был знаком с некоторыми работами К. Маркса и Ф. Энгельса, доказательства чего приводит в своей работе М.М. Плакида⁵¹⁷, с другой стороны ни архитектоника его работ, ни используемый им понятийный аппарат, ни его философские позиции не позволяют утверждать, что идеи марксизма были им восприняты. Стоит отметить и критическую оценку теоретических воззрений В.В. Берви-Флеровского классиками марксизма. Так. К. Маркс, высоко оценивая фактологическую составляющую «Положения рабочего класса в России», отмечал, что книга «не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической», «содержит небольшую дозу благодушного пустословия»⁵¹⁸. Ф. Энгельс в письме к Г.В. Плеханову также сделал весьма нелестное замечание по поводу представлений В.В. Берви-Флеровского о мыслящей природе: «Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят, но не имеют памяти»⁵¹⁹.

Морально-этические представления В.В. Берви-Флеровского, пронизывавшие его воззрения на историю человечества, были восприняты широкими кругами российского общества. С одной стороны революционная молодежь широко использовала их в своих целях – для просвещения и интеллектуального развития будущих революционеров, воспитания в них высоких нравственных качеств, чувства сострадания и любви к трудящемуся народу, передавая его идеи уже привычными для себя способами. С другой стороны взгляды В.В. Берви-Флеровского нашли свое отражение в образах художественной литературы, распространяясь во времени и пространстве уже совершенно независимо от своего создания.

⁵¹⁷ Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960. С. 99-100.

⁵¹⁸ Цит. по: Рабинович М. Д. К. Маркс о В.В. Берви-Флеровском // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М., 1974. С. 46-48.

⁵¹⁹ Цит. по: Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С.52.

ГЛАВА 3. ОЦЕНКА В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИМ РЕФОРМ 1860-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В рамках данной главы предполагается рассмотреть взгляды В.В. Берви-Флеровского на результаты ряда реформ 1860-х годов – судебной, цензурной, земской и реформы образования. Взгляды В.В. Берви-Флеровского на военную реформу не рассматривались, поскольку материалов о ее проведении и результатах в работах В.В. Берви-Флеровского нами не обнаружено. Также, с нашей точки зрения, нет смысла подробно излагать оценку В.В. Берви-Флеровским результатов крестьянской реформы 1861 г., поскольку эта проблема детально проанализирована в отечественной литературе советского периода, причем каких-либо разногласий по этому поводу не отмечено. Однако, в целях соблюдения принципа системности, остановимся кратко на основных позициях, высказанных В.В. Берви-Флеровским по этому поводу.

В.В. Берви-Флеровский полагал, что освобождение крестьян не принесло ожидаемых результатов. Из реформы,- пишет автор, - «в конце концов все-таки вышла муть»⁵²⁰.

С одной стороны в результате реформы сохранилось помещичье землевладение, которое, по мнению В.В. Берви-Флеровского, является одной из главных причин экономической отсталости России. С другой стороны, несмотря на все ожидания образованного общества, ухудшилось материальное положение народа. Характеризуя положение трудящихся, В.В. Берви-Флеровский отмечал, что в результате проведения реформы 1861 г. обезземливание крестьян еще более возросло, а всевозможные сборы с крестьянства, напротив, увеличились. Александр II «двадцати миллионам крестьян дал земли под условием вознаграждения помещиков, а у тридцати миллионов отрезал громадные пространства без всякого вознаграждения. Земли, данные в надел бывшим крепостным, составляют только ничтожную долю того, что

---

⁵²⁰ Берви-Флеровский В. В. Наши великие экономические вопросы // Русская мысль, 1881. №. 1. С. 234.

было обрезано у государственных, удельных и других землевладельцев»⁵²¹. Усилилось обнищание крестьянства, выросло количество безземельных и малоземельных крестьян, значительно увеличилась смертность среди народа. В целом, реформа была проведена в интересах помещиков, передавших крестьянам наименее плодородные земли по наивысшей цене, и правительства, получившего и выкупные платежи, и погасительный процент⁵²².

Связывает это В.В. Берви-Флеровский с двумя факторами. Во-первых, разработка и проведение реформы находились в руках самих помещиков, которые защищали в первую очередь свои интересы. Во-вторых, разработчики реформы не смогли понять особенностей землевладения в России, в результате чего пошли по пути развития частной собственности на землю, а не в направлении сохранения и укрепления общинного владения⁵²³. Крестьянская же поземельная община без поддержки сверху начинает распадаться, о чем свидетельствует фиксируемое В.В. Берви-Флеровским малоземелье крестьян, неравномерность распределения земель между общинами и внутри них, отсутствие переделов земли, наличие у общинников права отчуждать свои наделы и т.п.⁵²⁴. Все это, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, крайне отрицательно влияет на развитие экономики России и положение народа в целом.

Именно в общинном землевладении В.В. Берви-Флеровский видел тот институт, который препятствовал разорению крестьянства, который, по его мнению, мог привести страну к процветанию и стать основой для создания нового социального строя. «Смело можно сказать, что экономическое наше положение было бы окончательно расстроено и крестьянство разорено, если бы в России не существовало общинного владения с переделами», - пишет он⁵²⁵.

⁵²¹ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. Ч. 3. // Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 463.

⁵²² Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 146.

⁵²³ Там же. С. 148-150.

⁵²⁴ Там же. С. 192.

⁵²⁵ Там же. М., 1952. С. 187.

В.В. Берви-Флеровский видел преимущества крестьянской поземельной общины в том, что в ней земля и все угодья являются собственностью всего «мира». В этом случае крестьянин получает землю бесплатно, она распределяется внутри общины крайне рационально, поскольку община «отдает землю почти исключительно во власть тех, кто ее обрабатывает» в необходимых размерах. Община позволяет «сочетать общие и частные интересы, переплетать общую работу с индивидуальной», она выступает в качестве защитника интересов крестьянина, поскольку «она община, а не один человек». В целом, с позиций В.В. Берви-Флеровского, общинное владение является «учреждением прогрессивным, с великой будущностью», «несравненно более гибким и способным удовлетворять основным требованиям хорошего экономического и социального порядка, чем неповоротливое учреждение собственности»⁵²⁶. Кроме того, именно крестьянская поземельная община русского образца является зародышем сознательной социальной организации, в силу чего именно ее развитие должно привести людей к построению нового идеального общества – общества-организма.

В.В. Берви-Флеровский был последовательным противником сохранения помещичьего землевладения. Именно в нем он видел основную причину отсталости земледелия и промышленности, нищеты русского народа. Помещики, получившие в результате реформы значительную часть наиболее плодородных земель, не смогли наладить в своих хозяйствах рациональное земледелие, так как «привыкли жить оброками и только бесплодно губят производительные силы земли и человеческого труда, которые достаются ему в руки»⁵²⁷. Именно в тех губерниях, где большая часть земель принадлежала помещикам, прирост населения был наименьшим, а смертность, напротив, наиболее высокой⁵²⁸.

---

⁵²⁶ Там же. С. 189-190.

⁵²⁷ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 595.

⁵²⁸ Там же. С. 270-288.

Помещичье землевладение, по мнению В.В. Берви-Флеровского, также мешало использованию природных и трудовых ресурсов, развитию промышленности и внутреннего рынка⁵²⁹. «Может быть, ни в одной полосе в России существование помещичьих земель не отзывается так неблагоприятно, как в полосе промышленной», - отмечал он в «Положении рабочего класса в России»⁵³⁰.

Здесь следует чуть подробнее остановиться на той оценке, которую В.В. Берви-Флеровский дает различным формам капиталистического производства, поскольку они по сути своей довольно противоречивы, что повлекло за собой расхождения во взглядах исследователей на отношение мыслителя к капитализму. С одной стороны В.В. Берви-Флеровский признавал, что крупное капиталистическое производство с использованием наемной рабочей силы позволяет увеличить производительность труда и способствует развитию личности работника. С другой стороны он полагал, что ценой за развитие капиталистических отношений становится крайне жестокая эксплуатация народных масс, их полное обнищание. Это позволило Т.С. Рязанцеву⁵³¹ и А.И. Мудрову⁵³² говорить о признании В.В. Берви-Флеровским прогрессивности капитализма. Г. М. Подоров, напротив, подчеркивал, что В.В. Берви-Флеровский был сторонником развития менее производительной мелкой промышленности⁵³³.

Он отмечал, что В.В. Берви-Флеровский жестко высказывался о крупном сельскохозяйственном производстве, так как хозяева, ориентируясь в первую очередь на получение прибыли, не желают обеспечить трудящимся нормальные условия труда и быта. Особенно резко критиковал В.В. Берви-Флеровский кулачество, которое он расценивал, как «язву для народа». Про-

⁵²⁹ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 169.

⁵³⁰ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 285.

⁵³¹ Рязанцев Т. С. В.В. Флеровский в русском революционном движении // Ученые записки Коми гос. пед. института. Сыктывкар, 1958. Вып. 6. С. 92.

⁵³² Мудров А. И. О философских взглядах В.В. Берви-Флеровского // Философские науки. 1959. № 3. С. 183.

⁵³³ Подоров Г. М. Жизнь и творчество В.В. Берви-Флеровского // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 20.

тестуя против капиталистических форм хозяйства, автор в первую очередь выступал против чрезмерной эксплуатации народных масс, которая с развитием новых отношений в деревне усиливалась⁵³⁴. Будучи сторонником мелкого крестьянского хозяйства на общинной земле, он всячески пытался доказать преимущество его перед крупным производством⁵³⁵.

Сходные взгляды, по мнению Г.М. Подорова, В.В. Берви-Флеровский высказывал и по поводу развития крупной капиталистической промышленности. Признавая, что только крупное производство, основанное на разделении труда и использовании машин, способно насытить рынок всем необходимым, он всячески подчеркивал, что «крупного производства, точно также как и крупного землевладения, нужно избегать везде, где это возможно, где они не порождаются неизбежной экономической необходимостью». Связывал он свое неприятие фабрик и заводов с усилением эксплуатации рабочего и, как следствие, с ростом обнищания народных масс⁵³⁶. С учетом взглядов В.В. Берви-Флеровского на роль крестьянской общины в построении новых общественных отношений верной представляется точка зрения, высказанная С.В. Ашмариной. Она полагает, что В.В. Берви-Флеровский, в целом признавая прогрессивность капиталистического пути развития и поддерживая перемены, происходившие в обществе, «считал слишком высокой цену прогресса для России (имея в виду разрыв с исконными русскими традициями, укорененными в крестьянской среде)»⁵³⁷.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что взгляды В.В. Берви-Флеровского на результаты реформы 1861 г. четко демонстрируют, во-первых, неприятие им крупного капиталистического производства, связанного с использованием наемной рабочей силы. Признавая некоторые его преимущества (рост производительности труда, интеллектуальное и умственное развитие рабочих), В.В. Берви-Флеровский полагал, что развитие

⁵³⁴ Подоров Г. М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 170-171.

⁵³⁵ Там же. С. 173.

⁵³⁶ Там же. С. 177-178.

⁵³⁷ Ашмарина С. В. Берви-Флеровский В.В. // Общественная мысль России XVIII – начала XIX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 45.

его влечет за собой полное порабощение и обнищание народных масс, что и обусловило защиту им мелких форм производства. Во-вторых, В.В. Берви-Флеровский, выступая за ликвидацию помещичьего землевладения, последовательно отстаивал существование крестьянской поземельной общины, видя в ней зачатки сознательной социальной организации. Стоит отметить, что оба этих тезиса, по мнению Н.А. Троицкого, лежали и в основе народнической идеологии⁵³⁸, что свидетельствует о близости представлений В.В. Берви-Флеровского в этом вопросе к народническому социализму.

3.1. В.В. Берви-Флеровский о возможных направлениях проведения судебной реформы и ее результатах

К проблемам судебной реформы В.В. Берви-Флеровский обращался на разных этапах своей деятельности.

Впервые это произошло в конце 50 - начале 60-х годов XIX в., в период его службы в министерстве юстиции, когда он связывал свое будущее с научной деятельностью и стоял на откровенно либеральных позициях. Именно тогда молодой юрист опубликовал в «Журнале министерства юстиции» свои первые статьи, благодаря которым приобрел определенную известность в юридических кругах Санкт-Петербурга. Одна из них – «Очерк судебного управления в Англии» - посвящена анализу английской системы судопроизводства, вторая – «Несколько слов о ходатаях по делам» – вопросам организации адвокатуры. К этому же времени относится разработка В.В. Берви-Флеровским по предложению тогдашнего министра юстиции В.Н. Панина проекта судебной реформы.

Позднее В.В. Берви-Флеровский, уже утвердившийся в демократических идеях и целиком посвятивший себя публицистической деятельности,

---

⁵³⁸ Троицкий Н. А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 69.

высказывается по поводу результатов и значения судебной реформы 1864 г., определяет возможные перспективы ее развития⁵³⁹.

По сути, в этом случае В.В. Берви-Флеровский выступает одновременно в нескольких ипостасях: и как разработчик проекта реформы (либеральный этап его деятельности), и как непосредственный наблюдатель, свидетель ее реализации, и как критик, имеющий возможность с высоты двадцатилетнего опыта оценить результаты деятельности новых судебных учреждений с новых позиций.

В 1859 г. во вновь созданном «Журнале министерства юстиции» появилась статья В.В. Берви-Флеровского «Очерк судебного управления в Англии», в которой он рассматривал английскую систему судопроизводства⁵⁴⁰. Молодой чиновник министерства юстиции в определенной степени был увлечен английской судебной системой⁵⁴¹, расценивая ее как одну из самых совершенных в Европе.

В.В. Берви-Флеровский справедливо полагал, что судебные органы нельзя рассматривать вне связи с законодательством и политической системой страны, ее историей. По его мнению, возможно в большей степени, чем для всех прочих государств, тезис о необходимости рассматривать судебные институты в историческом ключе справедлив для Англии, судебная система которой является одной из наиболее сложных. «В Англии, - пишет он, - все своеобразно: и нравы, и законодательство, и понятие о суде; не изучив одного, невозможно постигнуть другого, всякий, кто хочет познакомиться с учреждениями Англии, поставлен в необходимость изучить историю каждого из этих явлений». Связано это, с его точки зрения, с тем, что англичане «постоянно оставляли неприкосновенным все существующее», разрушая лишь то, что полностью изжило себя⁵⁴².

⁵³⁹ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 24-37.

⁵⁴⁰ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 63-120.

⁵⁴¹ Томсинов В. А. Василий Васильевич Берви: правовед и революционер (1829-1918) // Законодательство. 2001. № 2. С. 80.

⁵⁴² Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 63-64.

В полном соответствии с этим положением В.В. Берви-Флеровский сначала кратко характеризует современное ему английское законодательство и то место, которое отведено судебным учреждениям в политическом строе Англии. Лишь после этого он переходит к подробной характеристике общего судоустройства страны.

В.В. Берви-Флеровский считал, что английский суд (и уголовный, и гражданский) обладает крайне широкими полномочиями. Именно он решает, насколько граждане должны повиноваться установленным над ними властям и облагает штрафами и удаляет от должности чиновников по жалобам граждан, независимо от непосредственного их начальства. Он рассматривает вопросы, связанные с объемом и полнотой гражданских прав человека, которые «в других местах разрешаются властью административною»⁵⁴³.

Молодой юрист подчеркивал особую роль суда в жизни страны, его независимость. Он писал, что деятельность английского суда «точно также покрывает деятельность административную, как в других странах администрация овладевает властью судебною. В Англии ... страх суда есть главнейший стимул, который заставляет и простого гражданина, и чиновника, и администратора исполнять свои обязанности; единственное средство для гражданина заставлять чиновника или администратора исполнять в точности предписание закона, есть жалоба в суд; с другой стороны чиновник или администратор может одним способом вынудить себе повиновение, это жалобой в суд»⁵⁴⁴.

В своем «Очерке» В.В. Берви-Флеровский подробно рассмотрел организацию и судебную деятельность высших (Палата Лордов) и центральных (центральные суды) судебных органов, проанализировал институт странствующих судей, дал характеристику устройства и деятельности мировых и окружных судов.

---

⁵⁴³ Там же. С. 74.

⁵⁴⁴ Там же. С. 72.

Особенно высокую оценку В.В. Берви-Флеровский давал деятельности странствующих и мировых судей, которую он считал «одним из самых счастливых изобретений ума человеческого»⁵⁴⁵. Вслед за И. Бентамом он подчеркивал преимущества одиночного суда над коллегиальным, поскольку члены последнего «и небрежнее в рассмотрении дел, и легче склоняются к пристрастным и несправедливым решениям, потому что в случае скандала могут всегда надеяться в глазах общества свалить свою вину на других». Единственным условием, обеспечивающим успех его деятельности, В.В. Берви-Флеровский, как и И. Бентам⁵⁴⁶, считал публичность⁵⁴⁷. Сходятся их точки зрения и в оценке одиночного суда как более экономного и быстро действующего⁵⁴⁸.

В.В. Берви-Флеровский отмечал, что, в целом, английский суд далеко не идеален, он непомерно дорог, в нем сохранились остатки средневековых злоупотреблений, однако полагал, что английская судебная система «заключает в себе оригинальные черты здравости необыкновенной»⁵⁴⁹ и обладает рядом несомненных преимуществ. К числу таких преимуществ В.В. Берви-Флеровский относил характерные с его точки зрения черты английского судопроизводства - беспристрастность, финансовую независимость судей, их компетентность и, в первую очередь, доступность суда для всех слоев населения⁵⁵⁰. Больше всего В.В. Берви-Флеровского впечатляло именно «право граждан жаловаться на действия всех должностных лиц прямо суду, который рассматривал эти действия в публичном заседании»⁵⁵¹.

Статья была благожелательно воспринята коллегами В.В. Берви-Флеровского и повлекла за собой предложение министра юстиции

⁵⁴⁵ Там же. С. 90.

⁵⁴⁶ Бентам И. Тактика законодательных собраний. Челябинск, 2006. С. 11.

⁵⁴⁷ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 92.

⁵⁴⁸ Берви В. В. Там же. С. 93, Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Бентам И. Избранные сочинения. СПб, 1857. Т. 1. С. 658.

⁵⁴⁹ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 120.

⁵⁵⁰ Там же. С. 63-120.

⁵⁵¹ Берви В. В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 145-146.

В.Н. Панина изложить свои взгляды на возможное преобразование судебных учреждений в России⁵⁵².

Проект, предложенный В.В. Берви-Флеровским, был направлен на некоторые изменения в ходе сенатских ревизий. Он полагал, что одним из главных недостатков тогдашней системы русского судопроизводства, «рассадником административного произвола» была жалоба по начальству. В.В. Берви-Флеровский попытался найти способ связать правила столь впечатлившего его английского судопроизводства с установившейся в России практикой сенатских ревизий.

Время от времени император направлял сенаторов проводить ревизию в той или иной губернии. Когда сенатор приезжал на место, все граждане могли обращаться прямо к нему с жалобами на любых чиновников, начиная с губернатора. В.В. Берви-Флеровский, по аналогии с английскими странствующими судьями, предложил превратить случайные ревизии в регулярные объезды. Предполагалось, что сенаторы должны объезжать губернии таким же образом, как они делали во время ревизий, и обсуждать подаваемые им на чиновников жалобы в публичных заседаниях. При этом В.В. Берви-Флеровский допускал возможность предоставления Государственному совету права непосредственно сменять сенаторов, образ действия которых «оказался бы несогласным с безопасностью государства»⁵⁵³. Объяснялось это следующими причинами: хотя судебные следователи в качестве членов суда и должны были быть несменяемыми по закону, однако *de facto* министры юстиции могли сменять их в любое удобное время. Сходным образом обстояло дело и с сенаторами, и с членами судебных палат, которые не могли оказать администрации и тени противодействия. В этой ситуации, понимая, что изменить российскую действительность сразу вряд ли возможно, В.В. Берви-Флеровский более важным считал предоставление гражданам права жаловаться на чиновников прямо в суд. Он полагал, что «если бы такое учрежде-

---

⁵⁵² Берви В. В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 145.

⁵⁵³ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 146.

ние вошло в нравы русского народа, то с ним гораздо труднее было бы совладать, чем с независимостью судей, мало этого – независимость судей много бы от этого выиграла»⁵⁵⁴. Он находил, что публичное обсуждение вызвавших недовольство граждан чиновников на местах их непосредственной деятельности послужило бы своеобразной школой ответственности, как для граждан, так и для самих чиновников. По сути, В.В. Берви-Флеровский сознательно жертвовал принципом несменяемости судей, поскольку полагал, что при «тогдашнем неограниченном управлении» он будет существовать лишь на бумаге, а никак не в реальности⁵⁵⁵. Возможно, на точку зрения В.В. Берви-Флеровского по этому вопросу повлияло и то обстоятельство, что, по его мнению, в Англии после ликвидации королевской привилегии на увольнение судей, последние «стали менее внимательными к отправлению своих обязанностей»⁵⁵⁶.

Проект разработанной В.В. Берви-Флеровским реформы сенаторских ревизий подвергся критике и слева, и справа. Д.Н. Замятин, считавшийся либералом, нашел его чрезмерно радикальным, а будущий реакционер К.П. Победоносцев, напротив, – слишком консервативным⁵⁵⁷.

В 1860 г. вышло в свет еще несколько работ В.В. Берви-Флеровского. Наибольший интерес для нас представляет статья «Несколько слов о ходатаях по делам», также появившаяся в журнале «Юридический вестник»⁵⁵⁸.

В этой небольшой по объему публикации изложены взгляды молодого юриста на проблемы адвокатуры. Вопрос этот, начиная с 1858 г., широко обсуждался в периодической печати и являлся предметом ожесточенных споров между юристами. Работа В.В. Берви носит выраженный дискуссионный характер. Написана она в противовес статье Гр. Репинского «Поверенные по делам», в которой проводилась мысль о недопустимости предоставления клиенту права аттестовать адвоката, а также порицалось правило о назначе-

⁵⁵⁴ Там же. С. 147.

⁵⁵⁵ Берви В. В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 146-147.

⁵⁵⁶ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 93.

⁵⁵⁷ Берви В. В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 147.

⁵⁵⁸ Берви В. В. Несколько слов о ходатаях по делам // Юридический вестник. 1860-1861. Вып. 6. С. 1-9.

нии адвокатов судом. В.В. Берви-Флеровский, напротив, утверждал, что и то, и другое необходимо. Он полагал, что институт адвокатуры становится необходимым с развитием законодательства, которое в конечном итоге усложняется настолько, что «для правильного его понимания и применения ... является необходимость защиты в судах интересов тяжущихся лицами, специально к тому подготовленными»⁵⁵⁹. В.В. Берви-Флеровский считал, что являясь публичным лицом, адвокат должен, во-первых, браться только за «правые дела», а во-вторых, «он должен быть естественным и безвозмездным защитником бедных». Более того, автор подчеркивал, что упомянутая выше «безвозмездная защита бедных» есть самое важное назначение адвокатуры. Добиться этого, как считал В.В. Берви-Флеровский, можно двумя способами: назначением адвокатам жалованья или же созданием адвокатской корпорации таким образом, чтобы никто кроме них не имел права осуществлять в суде защиту. Каждый адвокат за право пребывания в корпорации должен быть обязан «безвозмездно и усердно защищать бедных». Первый способ в России, по мнению В.В. Берви-Флеровского, неприемлем, так как либо потребует слишком больших затрат, либо приведет к тому, что беднейшие слои населения получат «самых жалких защитников»⁵⁶⁰. Второй возможен, но только в том случае, если адвокаты будут, как в Англии, контролироваться верховным судом. Последнее необходимо в силу того, что «у нас нет никакой возможности надеяться, что должности адвокатов будут заняты всюду достойными людьми; напротив, есть достаточное основание думать, что значительная часть из них, в особенности в отдаленных местах, будут не всегда способны отправлять свои обязанности с полной добросовестностью»⁵⁶¹. Однако В.В. Берви-Флеровский полагал, что зависимость адвокатов от суда также не может гарантировать отсутствие «нерадивого и небрежного» отношения поверенных по делам к защите интересов дел малоимущих слоев населения. Поэтому он считал возможным установить своеобразный общественный кон-

---

⁵⁵⁹ Там же. С. 1.

⁵⁶⁰ Там же. С. 2-3.

⁵⁶¹ Там же. С. 3-4.

троль над деятельностью адвокатов посредством широкого привлечения прессы. «Высший суд может иметь контроль над адвокатурой только через жалобы обиженных и через посредство надзора министерства юстиции, состоящего из незначительного количества лиц. Необходимо усилить этот надзор, предоставив каждому полную свободу печатно, в периодических изданиях, излагать свои замечания, когда ходатай окажется нерадивым и небрежным в делах бедного класса». Доказанное обвинение в проступке подобного рода, по мнению В.В. Берви-Флеровского, должно означать лишение права заниматься адвокатской деятельностью⁵⁶². Кроме того, В.В. Берви-Флеровский предлагал, чтобы каждый адвокат, независимо от того, платно или бесплатно он ведет дело, обязательно требовал от своего клиента своего рода отзыв – аттестацию. «Каждый год, в публичных ведомостях того места, где адвокат занимается практикою, в одном и том же номере, отпечатывается число аттестаций, неблагоприятных и благоприятных, которые он получил в течение года, причем отделяются аттестации, полученные им от плативших ему, от аттестаций бедных клиентов. ... Подобные аттестации будут возбуждать в публике доверие к адвокатам, ... сделают самих адвокатов более усердными к пользе своих клиентов»⁵⁶³.

В заключение В.В. Берви-Флеровский отметил, что хотя, по его мнению, адвокатура должна быть учреждена с зависимостью от высшей судебной власти, однако, он не отклоняет и возможности «постановления адвокатов в положение совершенно независимое и образование из них изъятых от всякого постороннего влияния корпораций». Такие корпорации, состоящие из самых способных и известных адвокатов, должны были бы «пользоваться правом управлять сами собою, без всякого постороннего вмешательства» и самостоятельно решать вопросы с жалобами на их членов. В. В. Берви-Флеровский полагал, что «самые почетнейшие из их членов» должны, как и в Англии, избираться в высшие судьи, что, по его мнению, позволило бы из-

---

⁵⁶² Там же. С. 5.

⁵⁶³ Там же. С. 7.

бегнуть противоречий между адвокатурой с одной стороны и судом и администрацией – с другой⁵⁶⁴.

Анализируя ранние взгляды В.В. Берви-Флеровского на подготовку судебной реформы, следует отметить, что бытующая в литературе точка зрения о негативной оценке В.В. Берви-Флеровским английской судебной системы и ее непригодности для российской действительности⁵⁶⁵ должна быть пересмотрена. Для того чтобы ее скорректировать, достаточно привести несколько характеристик, использованных им при рассмотрении английского судоустройства: «судебные учреждения Англии во многих отношениях превосходят все, что существовало и существует в этом роде на земле»; «одно из самых счастливых изобретений ума человеческого» (об институте странствующих судей – З. С.); «при разрешении мудреной задачи удовлетворительного устройства суда для подобных (мелких гражданских – З. С.) дел, мудрость английского правительства в некоторых случаях дошла до гениальности»; «на английской почве разрослось ... учреждение мировых судей..., которым по справедливости гордятся англичане, потому что оно есть одно из самых блистательных проявлений их знания сердца и природы человеческой». Не слишком разнится с ними и вывод, которым молодой юрист завершает свой «Очерк»: «Суд английский не идеал суда, в нем есть много недостатков, от которых избавился суд в Германии и Франции: он непомерно дорог, вы встречаетесь в нем с остатками средневековых злоупотреблений, например, с правом некоторых посторонних лиц назначать его служителей, но зато он заключает в себе черты здравости необыкновенной и показывает великое умение английского правительства удовлетворять потребностям своего народа»⁵⁶⁶.

Похоже, что именно английское судоустройство оказало серьезное влияние и на представления В.В. Берви-Флеровского о необходимости пре-

⁵⁶⁴ Берви В. В. Несколько слов о ходатаях по делам // Юридический вестник. 1860-1861. Вып. 6. С. 8-9.

⁵⁶⁵ Ашмарина С. В. Берви-Флеровский В.В. // Общественная мысль России XVIII – начала XIX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 44.

⁵⁶⁶ Берви В. В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал министерства юстиции. 1859. № 9. С. 72, 90, 96, 101, 120.

образований судебных учреждений в России. Несмотря на осознание того, что английская судебная система не лишена ряда недостатков, пережитков средневековья, он пытался перенести некоторые ее черты на российскую действительность. Черты сходства с английскими судами прослеживаются, в частности, в проекте В.В. Берви-Флеровского о превращении сенаторских ревизий в регулярные объезды, организованные по примеру английских странствующих судей; в возможности обсуждения жалоб на чиновников в публичных судебных заседаниях; в отказе от принципа несменяемости судей; а также в необходимости контроля высшего суда за адвокатами. Влияние И. Бентама прослеживается и в воспринятой В.В. Берви-Флеровским идее общего превосходства одиночного суда над коллегиальным.

В целом, В.В. Берви-Флеровский выступал за гласность и беспристрастность суда, его доступность всем слоям населения, за введение адвокатуры, защищающей с одинаковым усердием имущих и неимущих. При этом он, проявляя определенную непоследовательность, отрицал принцип несменяемости судей, заявлял о необходимости контроля за адвокатами со стороны высших судебных органов и т.п.

Сегодня представления В.В. Берви-Флеровского о готовящейся судебной реформе могут быть расценены как весьма умеренные и укладывающиеся в рамки либеральной концепции преобразований, разделяемой частью правительства. Не считая возможным устранить некоторые реалии российской действительности, он просто «подстраивает» положения реформы под них. Кроме того, значительную роль в грядущих преобразованиях В.В. Берви-Флеровский отводит общественному мнению и прессе, как его выразителю, что вообще характерно для его воззрений.

Вновь к проблемам судебной реформы В.В. Берви-Флеровский обращается в первой половине 80-х гг. XIX в. В 1884 г. в журнале «Наблюдатель» под псевдонимом Н. Флеровский была опубликована его статья «Двадцатилетие реформ 1864-го года», в которой автор, кроме всего прочего, размыш-

ляет и о результатах судебной реформы 1864 г., а также о возможных направлениях ее развития⁵⁶⁷.

В целом, В.В. Берви-Флеровский довольно высоко оценивает судебную реформу, невзирая на то, что, по его мнению, она была навеяна идеями, пришедшими из Западной Европы.

Хотя новые суды и были, по выражению В.В. Берви-Флеровского, «экзотическим растением» на российской почве, но, несмотря на это, они стали настоящей школой юристов, «стали создавать у нас науку права»⁵⁶⁸. Главная же их заслуга, с точки зрения автора, заключается в том, что они стали основой для создания правового государства.

До проведения судебной реформы, - пишет В.В. Берви-Флеровский, - в России «существовали «крапивное семя», «приказная строка», председатели палат по выборам от дворянства, саранча взяточников и сутяг, которая отличалась беспробудным пьянством, тем, что пожирала имущество, здоровье и жизнь людей, которые попадали ей в лапы». Старая система судоустройства, по мнению исследователя, не давала возможности возникнуть в обществе даже самому примитивному зачаточному представлению о правовом государстве (у В.В. Берви-Флеровского – правомерном порядке - З. С.) и о тех благах, которые оно приносит с собой⁵⁶⁹.

И если современники консервативного толка зачастую оценивают деятельность новой юридической школы как «потрясение основ», то в прошлом, по мнению В.В. Берви-Флеровского, в области права о потрясении основ не могло быть и речи. Связано это в первую очередь с тем, что «и основ-то никаких не существовало, а безраздельно царили случайность и взятка». С его точки зрения старая система судопроизводства самим фактом своего существования способствовала распространению в народе «идеи безверия и безнравственности, непоколебимой веры во взятку и только в нее». Даже с учетом того, что далеко не все судьи дореформенной эпохи покупались и были

---

⁵⁶⁷ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 24-37.

⁵⁶⁸ Там же. С. 26.

⁵⁶⁹ Там же. С. 27.

закоренелыми взяточниками, ситуация не менялась, поскольку в общественном мнении царило убеждение в безусловной возможности их подкупа, «это так несомненно, что и спору не подлежит»⁵⁷⁰.

В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что одной из наиболее важных задач, стоящих перед обществом, является формирование правовых основ государства. Нужно,- пишет он, - «чтобы в народе развилось понятие о праве, о правомочном порядке, т.е. о порядке, основанном на соблюдении права отдельной личности. Нужно, чтобы народ почувствовал, что он имеет права и полюбил, оценил эти права»⁵⁷¹. Права же, с его точки зрения, нужны в первую очередь не для имущих слоев общества, которые могут нормально существовать и в условиях произвола, а народным массам, которые «среди произвола погибают»⁵⁷². Люди, по-настоящему заботящиеся о сохранении и развитии государственности, должны четко это понимать. Консерваторы же, критикующие судебную реформу и ратующие за сохранение основ, на деле выступают не за порядок, основанный на праве, а за отсутствие порядка, создающее возможности для злоупотреблений.

В.В. Берви-Флеровский указывает, что «прежде всего, необходимо на данный момент создать корпорацию таких юристов, для которых идея права составляла бы святыню, для которых справедливый суд, защищающий слабого, его труд, его заработок, был бы делом чести». Эти юристы должны очень ясно понимать стоящие перед ними задачи и свою роль в развитии общества. Юристы-законодатели должны уметь разработать систему законодательства таким образом, чтобы «плуты и мошенники не могли ловкими маневрами и софистикой письменных условий вырывать у народа из рук его и без того жалкие доходы». Юристы-судьи должны исполнять эти законы так, чтобы «они сделались истиной, а не фиктивной охраной прав» гражданина. «Воззрения мелких доктринеров, у которых все сводится к формальной истине, к господству формалистики, - подчеркивает исследователь, - должны

---

⁵⁷⁰ Там же. С. 27.

⁵⁷¹ Там же. С. 27.

⁵⁷² Там же. С. 27.

быть заменены истинной юриспруденцией, стремящейся схватить волю действующих лиц в ее существе. Если и должна быть фикция, то она должна быть в пользу наиболее вероятной сути дела, а не явного обмана, противное должно быть доказано убедительным, а не явно лживым образом»⁵⁷³. Исходя из вышесказанного, В.В. Берви-Флеровский оценивает издание судебных уставов как акт, направленный на сохранение и развитие российской государственности. Оно было направлено «на создание основ правопорядка», было призвано убедить граждан в том, что они имеют права, что «наше государство – не какая-нибудь восточная деспотия, а цивилизованное правомерное государство, в котором законы охраняются всею силой самодержавной власти»⁵⁷⁴.

С появлением судебных уставов Россия, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, получила «не одну мертвую букву закона», в результате реформы «сформировалось сообщество профессиональных юристов, способных ввести законы в жизнь». В.В. Берви-Флеровский отмечает, что еще в дореформенный период в России были профессора типа К.Д. Кавелина, Д.И. Мейера, В.Д. Спасовича, способные воспитать поколение правоведов, достойных своего призвания. Поэтому практически сразу после ее проведения в стране появились порядочные адвокаты и хорошие судьи, вполне проникнутые духом истинного права. Постепенно сформировался новый контингент судебного персонала, способный своим поведением внушить обществу искреннее уважение. Благодаря этому судебная реформа может считаться достаточно успешной, однако ее главная цель еще не достигнута⁵⁷⁵.

Эта цель, с позиций В.В. Берви-Флеровского, заключается в воспитании народного сознания, в том, чтобы в обществе (и в народных массах, и в среде образованных классов) пробудилось осознание необходимости власти, действующей на законных основаниях. На данный же момент, по мнению В.В. Берви-Флеровского, осознание необходимости создания правового го-

---

⁵⁷³ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 27-28.

⁵⁷⁴ Там же. С. 28.

⁵⁷⁵ Там же. С. 28.

сударства в народе еще не сформировалось. С одной стороны, вновь созданные судебные органы честно выполняли возложенные на них обязанности. Они судили и не запятнали себя несправедливым судом. Ими было вынесено несколько приговоров, значительно повысивших его репутацию. Дела Митрофани, Струсберга произвели на общество прекрасное впечатление⁵⁷⁶. С другой стороны, судебные органы не смогли ничего противопоставить консервативной прессе, которая продолжала воспитывать общество в идеях неприятия правового государства. В этом и заключается главный недостаток работы суда. «Об осуществлении истинного, т.е. правомерного порядка никто не заботился, - отмечает В.В. Берви-Флеровский, - никто не выяснял разницу между истинным порядком и положением дел, при котором этот порядок отсутствует»⁵⁷⁷. Чтобы подобного рода разведение понятий имело место, чтобы независимый суд исполнил свое назначение и дал обществу почувствовать, что он его охраняет, и что граждане имеют права, которые приносят им существенную пользу, необходимо, - считает автор, - чтобы этот суд находился под полным и существенным контролем общественного мнения. «Необходимо, чтобы его действия горячо и свободно обсуждались, чтобы плоды его деятельности, его достоинства и недостатки были известны и очевидны для каждого»⁵⁷⁸.

При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что не стоит осуждать закон, который «оградил суд от злоупотреблений прессы». Судьи не избирались, а имели совершенно независимое от общества положение с той целью, чтобы систематическое преследование суда в печати стало невозможным. На момент проведения реформы нельзя было допустить, чтобы «суд был дискредитирован в общественном мнении без всякой вины с его стороны. В этом случае он мог бы лишиться общественного уважения и опустить руки»⁵⁷⁹. Закон имел под собой разумные основания, но применение его на деле должно

---

⁵⁷⁶ Там же. С. 28.

⁵⁷⁷ Там же. С. 28.

⁵⁷⁸ Там же. С. 29.

⁵⁷⁹ Там же. С. 29.

было открыть суду возможность выполнения его высшего предназначения, т.е. формирования общественного мнения. Деятельность суда, самая суть той пользы, которую он приносит, по мнению В.В. Берви-Флеровского, все-таки должна была бы совершенно свободно обсуждаться в прессе, причем в «серьезно-популярном» тоне. Посредством прессы общественное мнение должно было бы направлять деятельность суда так, чтобы охрана судом права была известна обществу. Вместо того, «чтобы, закутавшись в мантию средневековой казуистики, стоять на высоте, недостижимой для общественного мнения и для прессы», суд должен был состоять с ними в самом тесном контакте, постоянно обмениваться с ними мыслями. В этом случае консерваторы могли бы как угодно долго пропагандировать свою идею о том, что законность губит Россию, в общественном сознании укоренилась бы мысль о том, что именно суд охраняет правомерный порядок и законность. Любому человеку не сложно понять, что гораздо выгоднее подчиняться ограничениям, которые налагает на него закон, но зато быть уверенным в соблюдении собственных прав, чем бороться за выживание в условиях беззакония и произвола. Еще важнее и для суда, и для государства было бы распространение в народных массах осознания той пользы, которую приносит порядок, основанный на соблюдении законности. Однако к выполнению этой важнейшей задачи ни суд, ни юристы «не решились даже прикоснуться»⁵⁸⁰.

Главным недостатком результатов судебной реформы В.В. Берви-Флеровский считает некоторую изолированность, оторванность судебных учреждений от народных масс. Наибольшее впечатление на народ произвели мировые суды – учреждения, с которыми массы наиболее часто сталкивались. Но причина этого заключалась, по мнению автора, лишь «в том искусстве, с которым был написан закон. У народа прежде не было суда; благодаря новому закону суд у него появился»⁵⁸¹.

---

⁵⁸⁰ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 29.

⁵⁸¹ Там же. С. 29-30.

В то же время «отчужденное и уединенное положение, принятое высшим судом по отношению к обществу, было так велико, а его влияние на общественное мнение так ничтожно», что в обществе не возникло даже убеждение в необходимости того, чтобы мировые судьи были юристами, т.е. людьми, стремящимися осуществлять в обществе идею права. Избиратели смотрели на выборы мировых судей довольно патриархально: они даже не помышляли о том, что их действия направлены на решение крайне значимой проблемы – установления законности. Они попросту выбирали нуждающегося в службе человека из «своих», такого, который был им близок. Этот человек зачастую также заботился только о том, чтобы на него поступало как можно меньше жалоб. Вместо того, чтобы судить, вместо того, чтобы стремиться вызвать в народе то глубокое чувство истинного достоинства, которое порождается в нем, когда он начинает замечать, что, благодаря суду, в его среде действительно царит правда, мировые судьи нередко политиканствовали и ловчили. В таких условиях никакого пробуждения правового сознания в народе, никакого понимания роли законности не могло произойти. По мнению В.В. Берви-Флеровского, травля суда началась во многом именно благодаря отсутствию правового сознания не только в народных массах, но и в среде образованного общества⁵⁸².

В.В. Берви-Флеровский полагал, что продемонстрировать российскому обществу, «каким образом суд может воспитывать в народе осознание преимуществ законности, как он может укрепить убеждение о высокой миссии беспристрастных и справедливых судей» мог бы опыт западной цивилизации. По его мнению, это «было бы полезно для нашего общества, поскольку оно еще и не вникало в эту премудрость»⁵⁸³.

В целом, судебную реформу 1864 г. В.В. Берви-Флеровский оценивает с позиций ее конечной цели. Истинное предназначение реорганизации судебной системы, по его мнению, должно было заключаться в формировании

---

⁵⁸² Там же. С. 30.

⁵⁸³ Там же. С. 31.

правового государства (правового порядка), т.е. порядка, основанного на соблюдении права отдельной личности. Этот процесс невозможен без широкого взаимодействия судебных органов с обществом, без обсуждения отдельных судебных решений и самого значения деятельности судов нового типа в прессе. Исходя из этого, В.В. Берви-Флеровский в качестве положительных сторон преобразований отмечает формирование юридического сообщества, честно выполняющего свои профессиональные обязанности и вполне способного влиять на общественное мнение. Новые судебные учреждения сумели привлечь на свою сторону общественное мнение и тем самым заложили основы нового правового порядка. Однако процесс этот не доведен до своего логического завершения. В первую очередь он тормозится некоторой оторванностью высших судебных органов от общества, недостаточно организованной пропагандой правовых идей. Решить эту проблему, полагает исследователь, возможно посредством более широкого привлечения прессы к обсуждению как отдельных судебных решений, так и всей судебной системы в целом.

3.2. В.В. Берви-Флеровский о цензурной реформе

В.В. Берви-Флеровский на протяжении всей своей жизни в той или иной степени был связан с литературной деятельностью. Некоторое время она была для него основным средством существования. Взгляды ученого зачастую шли в разрез с официальной идеологией России того времени. В силу этого проблема свободы речи играла в творчестве мыслителя весьма важную роль. Мысль о том громадном значении, которое занимает свободная пресса в жизни общества, в обеспечении жизнедеятельности его основных институтов, проходит красной нитью через все произведения В.В. Берви-Флеровского, начиная с его ранних работ и заканчивая последними его трудами. Однако наиболее полное свое отражение она нашла в вышедшей в свет в 1869 г. книге «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», вклю-

чающей в себя две части. В первой на основе анализа значительного количества исторических фактов автор доказывает важность установления в обществе свободы слова и терпимости в широком смысле слова, необходимых для его нормального социально-политического развития, во второй – рассматривает современное ему российское законодательство о печати, фиксируя его недостатки.

Прежде чем перейти к изложению взглядов В.В. Берви-Флеровского на указанную выше тему следует отметить, что сам понятие «свобода речи» трактуется мыслителем широко. Под свободой слова он подразумевает не просто отмену отдельных цензурных ограничений, а господствующую в обществе терпимость к чужим социально-политическим взглядам, мнениям, образу жизни, и как следствие этого, отсутствие каких-либо политических и религиозных запретов на печатное слово и высказывания.

В.В. Берви-Флеровский утверждал, что свобода слова – это «одно из тех явлений, значение которых очень трудно понять, против которого вооружаются инстинкты поверхностных людей»⁵⁸⁴.

Основную причину, мешающую утверждению свободы слова, он усматривал в воззрениях и ценностных предпочтениях государственных деятелей. Они не понимали, что, во-первых, свобода слова, ограничивая деспотизм главы государства, не только не лишает его авторитета и личного счастья, а напротив, преумножает их. Ведь «счастливый человек – тот, который живет в среде самых просвещенных и всесторонне развитых людей»⁵⁸⁵, расширению круга которых как раз и способствует свобода слова, а не человек, не терпящий возражений и желающий слышать лишь раболепное подтверждение своих слов. Во-вторых, свобода слова не только не способствует распространению в общественном сознании «вредных идей социализма и коммунизма», а во многом сглаживает, нивелирует их влияние, снимая социальные и политические конфликты в обществе. Более того, свобода слова,

---

⁵⁸⁴ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 95-96.

⁵⁸⁵ Там же. С. 8.

вопреки устоявшемуся мнению, вообще не способствует возникновению тех или иных социально-политических учений: «Она лишь мешает политическим идеям и чувствам оставаться в народе в неестественном для них зародышевом состоянии и прорасти в политическую и социальную мечтательность; она дает им практическую гордость и применимость к народным потребностям»⁵⁸⁶.

В.В. Берви-Флеровский подчеркивал, что революционные идеи в принципе «могут распространяться в народе и служить средством для его возбуждения только там, где ум народный не может приобретать солидного закала по причине цензурных стеснений и литературной мартирологии. При свободе речи политическая и социальная форма всегда гармонируют с нравственным настроением и умственным развитием народа – им гораздо труднее выходить из этой рамки, ... и принимать угловатые и болезненно раздражающие формы...»⁵⁸⁷. Он считал, что свобода речи не только не способна породить внезапные государственные и социальные перевороты, но напротив, делает их невозможными⁵⁸⁸.

В.В. Берви-Флеровский полагал, что хотя свобода речи «не в состоянии создать идеального счастья и разом перенести страну в среду совершенных политических и социальных учреждений, она увеличивает ее внешнюю безопасность, дает ей спокойное и правильное внутреннее развитие, смягчает и уничтожает национальную и религиозную вражду»⁵⁸⁹.

Также, с его точки зрения, свобода слова весьма полезна, а иногда и необходима для нормального функционирования различных учреждений. В особенности это касается судебных институтов и всевозможных представительных органов. По его мнению, суд не может быть совершенным «везде, где деятельности судей не находится под контролем общественного мнения или потому, что печать стеснена, или потому, что не везде, где производится

---

⁵⁸⁶ Там же. С. 23.

⁵⁸⁷ Там же. С. 22.

⁵⁸⁸ Там же. С. 57-58.

⁵⁸⁹ Там же. С. 92.

суд, имеются местные органы печати, защищающие интересы различных партий»⁵⁹⁰. Точно также при отсутствии свободной прессы выборы и представительные органы почти утрачивают свое значение. «Только стимулируемые печатью жители начинают интересоваться своими правами в этом отношении и понимать, что таким образом можно истреблять злоупотребления и приносить себе и обществу пользу»⁵⁹¹. Иначе говоря, свобода слова, с одной стороны, «заставляет народ серьезно смотреть на свою жизнь, располагает его к умственным и нравственным напряжениям, порождает в нем мужество и патриотизм»⁵⁹² и, в целом, способствует просвещению народа, воспитанию в нем самоуважения, общественной и политической активности. С другой стороны, рост гражданской активности граждан в свою очередь повышает востребованность представительных органов и улучшает качество их работы.

По В.В. Берви-Флеровскому свобода слова служит своеобразным показателем, позволяющим оценить состояние социума, критерием его здоровья. Она «сама по себе, никогда не может произвести ни волнения, ни беспорядка, она всегда есть только проявление более глубоко лежащей причины и не только не увеличивает раздражения и страдания, но облегчает его и не дает ему пускаться глубоких корней»⁵⁹³. Тем самым свобода речи дает возможность государственному деятелю лучше видеть существующие в обществе противоречия, потребности и нужды народа. Оценивая по публикациям в прессе реакцию общества на проводимую им политику, он может судить о степени ее популярности и при необходимости корректировать свои действия. Поэтому человек, обремененный властью, «никогда не должен стеснять свободу речи, а должен лечить источник, из которого происходит в стране волнение, свободу же речи рассматривать как барометр, по которому он может судить о действии своего лекарства». Иллюстрируя свою мысль, В.В. Берви-Флеровский сравнивает политика, мешающего развитию свободы слова, с

⁵⁹⁰ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869С. 93.

⁵⁹¹ Там же. С. 93.

⁵⁹² Там же. С. 23.

⁵⁹³ Там же. С. 96.

медиком, «который загнал выступившую с жаром сыпь внутрь и объявил пациента здоровым»⁵⁹⁴.

Напротив, отсутствие свободы речи ведет к ухудшению положения народных масс, обострению социальных противоречий между низами и правящими классами, к социальной и политической нестабильности. Даже если глава государства заботится о материальном благосостоянии страны, но при этом удерживает народ в политическом невежестве, его деятельность обречена на провал. Ведь, по мнению В.В. Берви-Флеровского, «первое последствие политического невежества общества – «презрение высших классов по отношению к народу», «заносчивость и непомерная требовательность» с их стороны. Представители социальной верхушки в этом случае всячески стараются получать большие доходы без всяких усилий, в результате чего растет и социальная напряженность. Любые реформы, проводимые правительством, в этом случае оказываются безрезультатными. «Возможно ли ожидать что-нибудь другое там, - пишет В.В. Берви-Флеровский, - где высшие сословия не получили никакого нравственного приготовления к политической жизни и где правительство постоянно употребляло все свои средства, чтобы постоянно поддерживать в них эгоистические и узкие воззрения, ... где оно старалось делать народ легкомысленным и развращенным»⁵⁹⁵. Сходны последствия отсутствия свободы речи и для внешней политики государства. В конечном итоге «отсутствие свободы речи ведет государство к самой заносчивой политике, а потом к банкротству, повторяющемуся раз за разом, и к совершенному разорению народа»⁵⁹⁶.

Еще одним результатом отсутствия свободы слова в обществе является, по мнению автора, рост религиозной и национальной розни как следствие отсутствия терпимости. В.В. Берви-Флеровский полагал, что «с тех пор, как существует достоверная история» именно противоречия, возникающие на национальной и религиозной почве, являются «двумя причинами вражды

---

⁵⁹⁴ Там же. С. 96.

⁵⁹⁵ Там же. С. 57.

⁵⁹⁶ Там же. С. 51.

между народами». Воздействие национальных и религиозных разногласий на общество в целом носит крайне негативный характер. Оно, «высасывая в течение веков все материальные средства народа, одинаково деморализует и победителей и побежденных, развивает в них страсть к насилию»⁵⁹⁷. В.В. Берви-Флеровский считал, что единственным «средством от этой болезни» является свобода речи. «Везде, где она водворяется, где есть возможность показать народам их интересы в настоящем свете, религиозная и национальная вражда блекнет и исчезает»⁵⁹⁸, примеры чего, по его мнению, демонстрирует историческое развитие Англии и Америки, Бельгии и Швейцарии. Вообще с его точки зрения «степень нетерпимости, натянутых отношений внутри государства и неизбежного последствия всего этого – внешней слабости, прямо соответствует стеснению свободы речи». Ведь в стране, пользующейся свободой слова, в случае возникновения национального или религиозного конфликта «свободная печать разъяснит вред, нелепость и самоубийственный характер их (конфликтующих сторон – З. С.) деятельности и дальнейших бедствий не последует»⁵⁹⁹.

В конечном итоге отсутствие свободы слова в обществе, терпимости и умения воспринимать чужую точку зрения ведет к ослаблению и упадку государства, отставанию его от соседних стран, кризису, а иногда и гибели.

Итак, у В.В. Берви-Флеровского свобода слова – это сама коммуникация. В случае ее введения возникает возможность установить диалог между правящими слоями и обществом, который в свою очередь позволяет договориться представителям различных страт населения и власти в целом. Эта концепция окрашена просветительскими идеалами в духе XVIII столетия. В целом, можно говорить о характерном для нее «наивном либерализме». В то же время В.В. Берви-Флеровский пытается исторически обосновать неукорененность этой идеи в русском обществе, что хорошо просматривается во второй части книги.

---

⁵⁹⁷ Там же. С. 79.

⁵⁹⁸ Там же. С. 81.

⁵⁹⁹ Там же. С. 89.

В ней В.В. Берви-Флеровский основное внимание уделяет анализу отечественных законов о печати второй половины XIX в.

В.В. Берви-Флеровский полагал, что возникновение в России цензуры обусловлено некоторыми особенностями ее исторического развития. Во-первых, российские самодержцы, преобразуя отечественные учреждения по европейским образцам, заимствовали там идею о том, что «для неограниченной монархии цензура необходима и что без цензуры она неизбежно должна пасть»⁶⁰⁰. Во-вторых, российское общество было недостаточно просвещенным, в силу чего «парализующее действие цензуры на мысль не могло быть замечено всеми и в массе общества не могло явиться убеждение в необходимости свободного слова»; «политически неразвитое общество не могло понять, в чем заключается дух терпимости»⁶⁰¹.

Однако, с точки зрения исследователя, неограниченная монархия вполне «способна также к дальнейшему правильному развитию с помощью свободного слова»⁶⁰². Правда, для этого пресса «должна быть страшна всем, которые склонны злоупотреблять своими правами и своим положением». А это в свою очередь возможно лишь в том случае, если она будет самостоятельна, если ее существование не будет «зависеть от неудовольствия, которое она возбуждает в том или другом лице»⁶⁰³.

В.В. Берви-Флеровский полагал, что для России введение свободы речи особенно актуально. Он обосновывает его необходимость как международным положением России, отставанием ее от наиболее развитых государств Европы и Америки⁶⁰⁴, так и внутренними особенностями развития страны (медленное продвижение реформ, нравственное настроение общества, многонациональность населения, наличие в ней целого ряда конфессий и т.п.)⁶⁰⁵. При этом особое значение он придавал именно последнему фактору. По мне-

⁶⁰⁰ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 174.

⁶⁰¹ Там же. С. 174.

⁶⁰² Там же. С. 176.

⁶⁰³ Там же. С. 177.

⁶⁰⁴ Там же. С. 177-182.

⁶⁰⁵ Там же. С. 187-188.

нию В.В. Берви-Флеровского для многонационального государства, население которого принадлежит к различным конфессиям, «необходима терпимость и хорошее впечатление, производимое на соседей»⁶⁰⁶, что может быть достигнуто только посредством введения свободы речи. Ведь «стремление национальностей отделиться от государств коснеющих и отстающих не только не будет уменьшаться, но будет развиваться», в силу чего «мы должны непременно производить на живущие в нашей среде национальности значительное впечатление нашим развитием, нашей гуманностью и энергией, а без свободы слова мы этого никогда не достигнем»⁶⁰⁷. Проводимая правительством политика русификации лишь увеличивает в обществе нетерпимость и в конечном итоге «может привести к результатам, противоположным ожидаемым». В этом случае России «придется растрачивать свои силы в борьбе на западных границах»⁶⁰⁸.

Необходимо для России установление свободы слова еще и потому, что она является абсолютной монархией. Согласно воззрениям В.В. Берви-Флеровского, любой монарх должен, прежде всего, управлять страной в соответствии с потребностями и интересами народа в целом, а не в угоду своим политическим пристрастиям. Иначе говоря, он должен вести себя так, чтобы никто не мог заподозрить в нем поддержку преимущественно одного класса или сословия, он не должен являться сторонником какой-либо партии или направления общественной мысли. В этом случае исключительная роль принадлежит «обличительной литературе»⁶⁰⁹. Она, по сути, является единственным средством, позволяющим узнать, популярны ли назначаемые государем чиновники. Поэтому любые запреты на критические высказывания в прессе по поводу российской действительности отрицательно влияют на систему взаимоотношений между властью и обществом.

---

⁶⁰⁶ Там же. С. 189.

⁶⁰⁷ Там же. С. 188-189.

⁶⁰⁸ Там же. С. 192.

⁶⁰⁹ Там же. С. 248.

При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что Россия нуждается не просто в принятии нового или коррекции действующего цензурного законодательства, а в целенаправленном воспитании во всех слоях общества чувства уважения к чужому мнению. «Свобода речи,- пишет он, - может быть только плодом народного убеждения. Без него самые свободные законы о печати останутся бесполезно исписанной бумагой»⁶¹⁰. Поэтому в первую очередь «надо не разбирать законы о печати, а пытаться укоренить в народе мнение о необходимости свободы слова»⁶¹¹. Для этого необходимо не только не допускать никаких наказаний за свободное выражение своих чувств и мыслей, но и сделать любые государственные должности доступными для любого способного человека, вне зависимости от его религиозных, политических, социальных и др. взглядов.

С этих позиций В.В. Берви-Флеровский подвергает критике ряд российских законов, регулирующих взаимоотношения литературы с властью и обществом (статья 1037 «Уложения о наказаниях» 1866 г., законы о цензуре, об оскорблениях и клевете). В этом случае он выступает одновременно как юрист, анализирующий и критикующий конкретные законы и их формулировки, и как общественный деятель – современник модернизации русского общества 60-70-х годов XIX века.

Согласно ст. 1037 Уложения о наказаниях 1866 г. «за прямое оспаривание или порицание в печатных изданиях начал собственности и семейного союза, с намерением разрушить или ослабить их основы, хотя бы при том не было возбуждения к совершению преступления, виновный подвергается: денежному взысканию не свыше 300 рублей и денежному аресту не свыше 6 недель». По мнению В.В. Берви-Флеровского, содержание данной статьи некорректно. В нем отсутствуют четко определенные понятия. Человек, пытающийся уяснить себе, что значит «начала и основы собственности», - отмечает автор, - столкнется с тем, что такого «точного юридического понятия

---

⁶¹⁰ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 194.

⁶¹¹ Там же. С. 194.

не только нет, но и быть не может»⁶¹². Их можно понимать только в одном смысле, в смысле источника. В этом смысле речь может идти только о нашем современном законодательстве. Следовательно, эта статья запрещает любое «порицание нашего гражданского права. Всякое юридическое, политико-экономическое и другое научное сочинение, которое не ограничивается подтверждением и похвалою правил и мыслей, выраженных в наших гражданских законах, запрещено, и автор его может быть подвергнут наказанию»⁶¹³.

Далее В.В. Берви-Флеровский анализирует закон о цензуре. «Цензура не допускает к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии». Однако юридического термина «вредный», не существует. Тогда закон должен читаться следующим образом: «не допускается учение коммунизма», при этом подразумевается «не допускается учение об отрицании собственности»⁶¹⁴. Но коммунизм, согласно представлениям В.В. Берви-Флеровского, «есть ничто иное, как род собственности», для которого характерно общественное владение этой собственностью всех «с равным правом каждого», т.е. общая собственность. Тогда при сопоставлении цензурной инструкции и статьи 1037 Уложения оказывается, что на основании цензурной инструкции коммунизм запрещен, а на основании ст. 1037 – и да, и нет. При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает тот факт, что общая собственность не запрещена российскими законами, ей посвящена вся третья глава 2-го раздела второй книги гражданских законов. «Наше законодательство, - пишет В.В. Берви-Флеровский, - знает не только общую собственность, но даже нераздельную общую собственность»⁶¹⁵ (защищаемые министерством государственных имуществ и военным министерством лов сельдей в беломорских общинах, принципы, на

---

⁶¹² Там же. С. 201.

⁶¹³ Там же. С. 202.

⁶¹⁴ Там же. С. 202-203.

⁶¹⁵ Там же. С. 203-204.

которых основано общинное рыболовство на южном Урале и т.п.) По сути, указанные законы противоречат друг другу.

Столь же противоречив, по мнению В.В. Берви-Флеровского, содержащийся в уже упомянутой выше статье. 1037 запрет на оспаривание или порицание начал семейного союза. «Можно ли нападать на многоженство?» – спрашивает он. Нет, это отрицательно повлияет на отношения с верующими мусульманами. Однако защищать его тоже нельзя, поскольку это противоречит христианской традиции. Следовательно, автор, пытающийся описать любую полигамную форму семьи и дать ей оценку, будет, так или иначе, нарушать закон. Отсюда вытекает весьма сложная для пишущего человека ситуация⁶¹⁶. «Печать нужна для распространения истины, а не для распространения лжи. ...Истину же ...нельзя распространять какими-нибудь намеками и аллегориями, а нужно ее передать со всеми подробностями исследования. Но для этого законы о печати становятся непреодолимым препятствием», поскольку «всякий благоразумно постарается не попасть под ст.1037». В результате литература в стране, где нет свободы речи, принимает «легкий и желчный характер», а развитие социальных наук ставится под угрозу⁶¹⁷.

Подобного рода противоречивость, по мнению мыслителя, характерна не только для российских законов. «Любой закон о направлении⁶¹⁸, - пишет Берви, - порождает или неподвижность, или произвол». Только благодаря свободе слова «общество приучается справедливо смотреть на интересы каждого, это самая твердая гарантия, которую можно себе представить»⁶¹⁹.

Еще одна проблема, представляющаяся В.В. Берви-Флеровскому весьма важной, – это неразвитость провинциальной печати, связанная в первую очередь с характером законодательства, регулирующего ее развитие.

⁶¹⁶ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 226-228.

⁶¹⁷ Там же. С.211-212.

⁶¹⁸ Речь в данном случае идет о политическом направлении периодического издания (См, например, п. VI Временных правил по цензуре от 12.05. 1862 г.: Министрам внутренних дел и народного просвещения предоставляется по взаимному их соглашению в случае вредного направления какого-либо периодического издания причислять оное к разряду тех, коим не дозволяется печатать рассуждения, показанные в п. III и IV, и прекращать каждое периодическое издание на срок не более восьми месяцев) – Временные правила по цензуре высочайше утвержденные 12 мая 1862 года // Реформы Александра II. М., 1998. С. 436.

⁶¹⁹ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 225.

В.В. Берви-Флеровский резко критикует введение залога, необходимого для освобождения периодики от предварительной цензуры. Отмечая более высокую сумму залога в России в сравнении с европейскими государствами, он пишет: «Чтобы издание выходило, нужен залог в 2 500 тыс. руб. А положение местного издателя таково, что у них не только нет 2 500 тыс. руб., но едва есть средства к существованию. Сотрудникам платить редакция вовсе не в состоянии, мало этого газета ... должна помещать статьи всех направлений и служить, так сказать, складочным местом всей интеллектуальной деятельности губернии. Поэтому местные газеты могут издаваться только с предварительной цензурой. Но опыт показал, что при этом условии они вовсе не могут существовать, потому что лишаются всякого местного интереса»⁶²⁰. Кроме того, В.В. Берви-Флеровский отмечает, что зачастую из местных изданий изымаются статьи, в которых затрагиваются интересы местного населения, поскольку чиновники опасаются обвинений в каком-либо упущении. А в случае, «если статья затрагивает какую-нибудь личность, то тут нечего и думать, чтобы она увидела печать»⁶²¹.

При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает тот факт, что в российских законах уже есть «постановление о том, как наказывать виновного в случае, если он не может уплатить денежного штрафа: штраф этот заменяется заключением и заключением тяжким». Это постановление, по его мнению, делает залог ненужным, сдерживающим развитие местной печати⁶²².

Среди прочих условий, мешающих местной прессе, В.В. Берви-Флеровский особо выделяет систему предостережений и массу прочих ограничений, касающихся книжной торговли, типографского дела и т.п., более жестких, чем, например, в Пруссии, Франции и Америке. «Не только на открытие типографии требуется у нас дозволение, - пишет он, - но на всякую перемену места, на продажу, передачу и получение по наследству. Дозволение имеет силу только в течение двух лет. Работников можно принимать

---

⁶²⁰ Там же. С. 231.

⁶²¹ Там же. С. 231.

⁶²² Там же. С. 233.

только с дозволения, выданного каждому отдельному работнику. Публичное производство и продажа принадлежностей тиснения вовсе запрещается. Для производства и продажи нужно особое разрешение»⁶²³.

Мешает развитию местной печати и ряд других законов. Так, В.В. Берви-Флеровский указывает, что «в ст. 1036 говорится: учинивший в печати воззвание, возбуждающее вражду в одной части населения против другой или в одном сословии против другого, подвергается и т.д. По прямому смыслу этого закона можно было бы заключить, что тут речь идет об одних только враждебных прокламациях. Но ведь уже есть законы, запрещающие возбуждения к насильственным действиям и разрушению установленных ими отношений». При этом, по его мнению, «с юридической точки зрения слова «возбуждать презрение и ненависть» не могут употребляться «в праве, особенно в уголовном. ... Чтобы какой-нибудь поступок был преступлением, необходимо требуется основными понятиями юриспруденции, чтобы преступная цель поступка была вполне достигнута, а чтобы наказать за покушение на преступление – необходимо, чтобы преступником было совершено такое действие, которое без всяких натяжек и догадок неизбежно привело бы к преступной цели. Чтобы осудить за это обвинитель должен представить в суд лиц, в которых чтение сочинения породило к кому-нибудь ненависть и презрение, и доказать, что порождение этих чувств было действительно целью автора». Этот закон, считает В.В. Берви-Флеровский, «гораздо выгоднее отменить, руководствуясь тем правилом, что уголовное законодательство надо постоянно очищать от неопределенных законов»⁶²⁴.

Замедляют развитие местной печати и законы об оскорблениях и клевете. Они «не мешают распространению ложных слухов, но заглушают голос истины». С позиций В.В. Берви-Флеровский наказывать можно лишь за «доказано-умышленную» клевету, а не в том случае, если она - «плод легковерия или опасения за нравственное состояние общества». Употребляющиеся

---

⁶²³ Там же. С. 234-235.

⁶²⁴ Там же. С.236-239.

же в законах формулировки «клевета – это ложное обвинение в деяниях, противных правилам чести, это – оглашение обстоятельства, которое может повредить чести, достоинству и доброму имени», согласно представлениям публициста, слишком неопределенны, чтобы быть юридическими терминами⁶²⁵. Такой же нечеткостью отличается формулировка закона об оскорблении словом. В.В. Берви-Флеровский пишет, что «оскорбление словом невозможно точно определить, поэтому оно не может быть юридическим термином, это не оскорбление действием, где все понятно и точно»⁶²⁶.

В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что под действие этих законов, ни в коем случае нельзя подводить тех людей, которые обвиняют чиновников в несоблюдении каких-либо должностных обязанностей. Обвинения подобного рода не имеют никакого отношения к чести и достоинству человека, а лишь показывают степень его соответствия должности, которая может и должна свободно обсуждаться в прессе. В.В. Берви-Флеровский отмечает, что «везде, где деятельность чиновников подвергалась свободному обсуждению, оказывалось, что чиновники в скором времени начинали действовать так законно и правильно, что печати трудно было к ним придраться и оставалось только обсуждение их знания дела и ловкости»⁶²⁷.

Не обошел вниманием В.В. Берви-Флеровский и вопрос о цензурных учреждениях. Он, как уже указывалось выше, полагал, что борьба с «обличительной литературой» не способствует упрочению государственности, а лишь подрывает ее основы. Любые критические высказывания, содержащиеся в прессе, должны учитываться властью для оценки своей политики. В этом случае «не только подавление обличительной литературы, но и отнесение к ведомству министерства внутренних дел учреждений, наблюдающих за действием прессы, составляет серьезную политическую ошибку». По мнению В. В. Берви-Флеровского, сама цель существования этих учреждений «не в том, чтобы поддерживать министерство, а в том, чтобы указывать момент, когда

---

⁶²⁵ Берви-Флеровский В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 240-241.

⁶²⁶ Там же. С. 240-241.

⁶²⁷ Там же. С. 242-243.

оно делается непопулярным, и когда его следует сменить»⁶²⁸. Человек, наблюдающий за печатью, в идеале должен быть настоящим патриотом. Но в любом случае «этот человек должен быть независим от министерства и не должен быть связан с его системой управления»⁶²⁹. Общественное благо требует, чтобы цензурные учреждения контролировались человеком, который «более других способен отдавать справедливость всяким направлениям» политической мысли⁶³⁰.

Подводя итог анализу российского цензурного законодательства, В.В. Берви-Флеровский писал, что в нем «как в фокусе, сосредоточены все предосторожности, которые в разные времена и в разных странах принимались против печати, после отмены цензуры. Кажется, не было ни одной страны, где бы после отмены цензуры одновременно существовало столько ограничений»⁶³¹.

Следует отметить, что на формирование взглядов В.В. Берви-Флеровского о свободе слова определенное влияние оказали воззрения И. Бентама⁶³². Так, общими для обоих мыслителей представляются идеи о возможности воспитания посредством введения свободы слова здоровых представлений и терпимости в народе, о необходимости ознакомления правительства через прессу с действительной волей народа, об увеличении с установлением гласности степени сознательности во время участия народа в выборах и т. п. Кроме того, обнаруживается некоторое сходство в архитектонике книги В.В. Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» и раздела «О гласности» работы И. Бентама «Тактика законодательных собраний».

Мысли, высказанные В.В. Берви-Флеровским, получили довольно высокую оценку в либеральной печати того времени. Так, рецензия на его книгу, опубликованная в «Вестнике Европы» отдавала должное аргументации

---

⁶²⁸ Там же. С. 250.

⁶²⁹ Там же. С. 250-251.

⁶³⁰ Там же. С. 250-251.

⁶³¹ Там же. С. 254.

⁶³² Бентам И. Тактика законодательных собраний. Челябинск, 2006. С. 10-27.

автора, «спокойному тону изложения» основных положений и его патриотическим чувствам⁶³³. Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, она не получила ожидаемого отклика в народнической среде. Молодые революционеры, понимая необходимость введения свободы слова, оказались не готовы к восприятию абстрактной, с их точки зрения, идеи толерантности⁶³⁴. Точно также не воспринятыми остались призывы В.В. Берви-Флеровского к правительству об отмене цензуры, системы залогов и административных предупреждений органам печати. Правительственная политика в области цензуры становилась все более жесткой.

В целом, мысли В.В. Берви-Флеровского о свободе слова вполне созвучны идеям, высказывавшимся в печати другими либерально настроенными авторами – его современниками (К.К. Арсеньев⁶³⁵, А.Д. Градовский⁶³⁶ и др.). Они способствовали формированию в общественном российском сознании тех принципов, на которых, по его мнению, должна строиться новая система российских законов о печати⁶³⁷. Кратко они могут быть сведены следующему.

Пресса должна принимать широкое участие в просвещении и воспитании народа, развитии в нем нравственного настроения и общественной активности, т. е., по сути, в формировании гражданского общества. Для этого она должна чутко откликаться на его нужды и потребности, что возможно только при широком развитии не только столичной журналистики, но и местных изданий.

Пресса должна быть «плодом народного убеждения», т.е. отражать интересы и запросы не только высших слоев общества, а народа в целом.

⁶³³ Рецензия на «Свободу речи, терпимость и наши законы о печати» // Вестник Европы. 1869. № 10. С. 937-948.

⁶³⁴ Макушин Л. М. Берви-Флеровский и его книга «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002. С. 167.

⁶³⁵ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903.

⁶³⁶ Градовский А. Д. О свободе русской печати (посмертное издание). СПб., 1905.

⁶³⁷ Прохоров Е. П. Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. М., 2003. № 4. С. 91.

В публицистических статьях должны быть представлены точки зрения журналистов различных политических направлений, что подразумевает отмену репрессивной системы их преследования. При этом публицисты не должны подвергаться наказанию за критику лиц, занимающих высокие чиновничьи, судебные и пр. должности (отмена законов о клевете в их нынешнем состоянии).

Цензурные органы должны превратиться в особые учреждения, не зависящие от министерств и государственных лиц.

Таким образом, работа В.В. Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», по сути, представляет собой своего рода проектирование, вполне соответствующее духу своего времени, т.е. либерализму. Усвоение идей, изложенных в ней, способствовало бы ликвидации всех негативных последствий стеснения свободы слова, формированию новой системы законодательства о печати, которое бы отвечало модернизирующемуся обществу.

3.3. В.В. Берви-Флеровский о результатах земской реформы

Довольно большое внимание в трудах В.В. Берви-Флеровского уделяется проблемам деятельности земских учреждений. Результаты земской реформы в целом, проблемы взаимодействия земских собраний и управ с обществом и некоторые другие аспекты работы органов местного самоуправления в той или иной степени затрагиваются В.В. Берви-Флеровским в целом ряде работ⁶³⁸. Этой же тематике посвящена его довольно объемная публикация «Записки земца о земских изданиях и земских приемах», напечатанная в 1881 г. в журнале «Дело»⁶³⁹. В ней содержится подробный анализ отдельных

⁶³⁸ Берви-Флеровский В. В. Оглянемся назад // Отечественные записки. 1876. № 5. С. 115-148; Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 24-37; Навалихин Н. Современное обозрение // Дело. 1871. № 6. С. 1-36.

⁶³⁹ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 228-332.

направлений работы земств, высказываются мысли о возможных перспективах их деятельности.

Подобное внимание исследователя к проблеме местного самоуправления закономерно, поскольку степень включенности общества в государственное управление, интерес его членов к политической жизни и возможность реализации посредством участия в самоуправлении интересов и потребностей самых широких слоев населения выступают с его точки зрения одним из важнейших критериев развитости народа и в конечном итоге его жизнеспособности⁶⁴⁰.

По мнению В.В. Берви-Флеровского любое самоуправление, независимо от того, местное оно или центральное, создается с одной целью – для достижения гармонии между интересами отдельной личности, общества и государственного управления. В результате его введения обеспечивается достижение того единства, которое в конце концов «приводит к тому, что личность все более проникается целями государства, а государство все с большим вниманием относится к интересам личности»⁶⁴¹. Именно с этих позиций он и подходит к оценке деятельности земских учреждений и результатов земской реформы в целом.

В.В. Берви-Флеровский полагал, что земство по отношению к народу во многом «явилось новатором». Оно первым взялось за создание народных школ развитие народного образования, лечения, ветеринарии, страхования. Несмотря на то, что результаты его деятельности за исключением страхования принесли пользу лишь небольшой части народа, «народ все же стал понимать те блага, которые они ему приносят, по крайней мере там, где они его коснулись»⁶⁴².

При этом В.В. Берви-Флеровский считал, что значение деятельности земств не может быть сведено только к практическому результату. Главное

⁶⁴⁰ Берви-Флеровский В. В. Оглянемся назад // Отечественные записки. 1876. № 5. С. 144-147.

⁶⁴¹ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т 2. С. 293.

⁶⁴² Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 35-36.

их достижение заключается в том, что общество, по крайней мере образованная его часть, стало воспринимать земства как средство взаимодействия с правительством. Связано это с тем, что они с первого момента своего существования непрерывно сотрудничали с прессой. Чем лучше было земство, тем регулярнее оно публиковало материалы о своей работе, распространяя их либо по самой низкой цене, либо бесплатно. Чем более полезной и передовой была деятельность земства, тем более старалось оно сделать эту деятельность общеизвестной и общедоступной. В результате посредством налаженного через прессу обмена мыслями с обществом земства приобрели всероссийскую известность.

И, поскольку земства в отличие от бюрократии повернулись лицом к обществу, общество также стало возлагать на земство определенные надежды, стало пытаться через него донести свои нужды до правительства. К чиновничеству оно подобным образом не относилось никогда⁶⁴³.

Однако, говоря о практической стороне работы земств, В.В. Берви-Флеровский отмечает целый ряд недостатков.

Так, анализируя деятельность земств в области народного образования и медицины, исследователь отмечает, что понять их основания для распределения бюджета расходов по этим статьям, по сути, невозможно. Неясно, почему, например, Тверское земство тратит на народную школу в одном уезде 3800 рублей, а в другом – 14350 рублей. Непонятно, почему на развитие народного образования рядом земств (Вятское, Нижегородское, Херсонское и пр.) тратятся меньшие суммы, чем на врачебную часть, тогда как сами сельские общества жертвуют больше средств на народные школы, чем на медицину. В.В. Берви-Флеровский приходит к выводу, что в основе распределения земствами средств лежит, по сути, случайность, «чистая инстинктивность». Распределение средств проводится ими «без малейшей тени разумного основания», гласные «слепо и без мысли» подчиняются авторитету, не пы-

---

⁶⁴³ Там же. С. 31-32.

таясь учитывать народные потребности или объяснить хотя бы самим себе, на основании чего определяется та или иная сумма⁶⁴⁴.

В ряде случаев, по его мнению, деятельность земств вообще идет в разрез с нуждами народа. Так, например, народ стремится увеличивать количество школ по всей территории уезда, земства, напротив, пытаются их концентрировать в немногих центрах; школьный бюджет не соотносится с количеством населения в уезде, размер оплаты учительского труда не зависит ни от качества работы, ни от количества обучаемых и т.п. Те же самые черты характеризуют деятельность земств в области здравоохранения (Симбирское, Херсонское, Вологодское земство и т.д.).

Тем не менее, В.В. Берви-Флеровский полагал, что будущее народных школ может быть связано только с деятельностью земств. Однако для нормального развития образования и медицины на местах необходимо, чтобы земские гласные четко понимали свою ответственность перед народом, подавали идеи, имеющие практическое воплощение. Для этого они должны хотя бы в самых общих чертах выяснить потребности народа и учитывать их в своей деятельности, поскольку именно эта обязанность была возложена на них при их создании⁶⁴⁵.

Сходная ситуация наблюдается и в сфере деятельности земств, направленной на защиту крестьянских хозяйств от разорения. Она ограничивается обычно так называемым народным продовольствием и страхованием. Эта область деятельности земств крайне важна, поскольку бедность большинства населения может привести к снижению покупательной способности и снижению производства в стране в целом⁶⁴⁶. Однако земства, не обладая нужной широтой мышления, похоже, не осознают этой опасности. Они действуют в этом направлении так же инстинктивно и неосознанно, как и в случае с народным образованием. Зачастую помощь разоренным крестьянским

---

⁶⁴⁴ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т 2. С. 241-242.

⁶⁴⁵ Там же. С. 261-262.

⁶⁴⁶ Там же. С. 270-271.

хозяйствам оказывается за счет других крестьянских хозяйств, в то время как, по мнению В.В. Берви-Флеровского, крестьяне могут и должны принимать в этой помощи посильное участие только тогда, если помощь оказывают все население губернии или уезда.

При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что решение этого вопроса на общероссийском уровне должно связываться только с деятельностью земств, поскольку государственные чиновники могут управлять ситуацией лишь посредством самых общих мер, исходящих из центра и выполняемой массой подчиненных. Бюрократия, по мнению мыслителя, не способна решить эту проблему в масштабах всей страны, поэтому она и переложила ее на земство. Земства же решают ее старым бюрократическим способом – посредством выдачи ссуд. Но за ссуду малоимущему крестьянину приходится выплачивать не только занятую сумму, но и процент с нее. При этом процентная ставка нередко искусственно завышается земствами. Кроме того, она точно не определена и варьируется в различных губерниях от 3 до 24% (Псковское и Смоленское губернские земства соответственно). Одна из задач земств как раз и заключается в том, чтобы «создать переход от прежней системы ссуд к безвозмездной помощи и создать для крайне нуждающихся обстановку, при которой они могли бы обходиться без кредита»⁶⁴⁷. Однако, - указывает В.В. Берви-Флеровский, - для этого необходимо определить круг по-настоящему нуждающихся и степень их нужды.

Для ее определения губернские земства обычно запрашивают у уездных сведения об урожае. Последние же нередко предоставляют совершенно нереальные цифры. (В качестве примера автор приводит урожайность сам-2,5, сам-1,5 и сам-0,5, нередко указывающуюся в земских изданиях, отмечая, что такая урожайность повлекла бы за собой страшный голод, который, однако, нигде не зафиксирован). В конечном итоге вопрос о размере выделяемой помощи решается даже не на основе этих данных, а в результате торга между уездными земствами и губернским, между губернским земством и ад-

---

⁶⁴⁷ Там же. С. 273-274.

министрацией. При этом большую сумму получают более энергично торгующиеся земства, а вовсе не те, где крестьяне находятся в худшем положении. Деньги, полученные ими для помощи крестьянам, также нередко тратятся не по назначению. Кроме того, земства не соотносят четко потраченные на помощь крестьянам деньги и число лиц, получивших помощь (Орловское, Вятское, Херсонское земства). Нередко в списки нуждающихся вносятся целые сельские общества, независимо от реального имущественного положения их членов (Глазовское уездное земство). По мнению В.В. Берви-Флеровского, земства в этом вопросе руководствуются даже не приговорами сельских обществ, а своей фантазией, обычно ничем не обоснованной.

Все эти факты, - подчеркивает В.В. Берви-Флеровский, - ясно демонстрируют отношение земства к весьма важной проблеме – народному голоду и разорению. С его точки зрения, чтобы изменить ситуацию, земствам необходимо, обратиться к опыту запада, где выделяют отдельные категории малоимущих лиц, нуждающихся в финансовой поддержке. Земствам нужно статистически выделить такие же категории. К ним должны быть отнесены родители-одиночки, погорельцы, семьи, пострадавшие от падежа скота и т.п. Нужно составить поименные списки таких семей, согласно которым они должны получать не ссуду, а безвозмездную помощь. Затем надо выделить следующую категорию нуждающихся (безлошадные семейства, крайне мало-земельные, излишне обремененные платежами и др.), которая должна получать смешанную помощь и т. д. Имея эти данные, земству следует определять не размер собранного хлеба, а относительную степень неурожая. В этом случае земства, знающие положение дел изнутри, в отличие от администрации, способной получить только официальные сведения, смогут оперировать реальными цифрами, если, конечно, они отнесутся к проблеме внимательно и добросовестно⁶⁴⁸.

---

⁶⁴⁸ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т 2. С. 283-284.

Тем не менее, на данный момент земства не только не могут определить круг истинно нуждающихся, но и нередко еще более ухудшают их положение, «вымогая у них деспотическими мерами средства для помощи другим...воображаемым... беднякам». В.В. Берви-Флеровский приводит множество примеров, почерпнутых из земских публикаций, которые свидетельствуют о том, что земство сумело «сделать из народного продовольствия меру в высокой степени непопулярную среди населения»⁶⁴⁹. Так, известны прецеденты, когда земства начинали требовать проведения чрезвычайных мер для взыскания с крестьян продовольственного долга и процентов с него (Смоленск). В Курской губернии Старооскольское земство умудрилось сгноить в магазинах основную массу хлебных запасов, отказавшись их расходовать. В ряде случаев министр внутренних дел вынужден был вмешиваться в земские дела, чтобы защитить права сельских обществ от введения излишних налогов (Калужское и Воронежское земства, Калязинское уездное земство Тверской губернии и т.д.). В целом, В.В. Берви-Флеровский приходит к выводу, что «продовольственная часть находится у нас в жалком положении»⁶⁵⁰.

Еще одна сфера деятельности земства, направленная на помощь бедным, это страхование. В форме обязательного страхования земство, по сути, налагает на крестьян отдельную подать, распоряжаются же собранными средствами губернские гласные, среди которых крестьяне почти не представлены. В результате обязательное земское страхование превращается в помощь погорельцам за счет крестьянства, о чем свидетельствует отсутствие какой-либо взаимосвязи между стоимостью сгоревших помещений и размером выплат. При этом, по мнению В.В. Берви-Флеровского, логичнее было бы оказывать помощь погорельцам за счет общества в целом, включая обеспеченные слои населения, но земство об этом не задумывается.

Это страхование обходится крестьянам слишком дорого, в первую очередь за счет содержания агентов-оценщиков, на которое тратится около 20%

---

⁶⁴⁹ Там же. С. 285-286.

⁶⁵⁰ Там же. С. 289.

собранных сумм. Вообще, по мысли В.В. Берви-Флеровского, земствам следовало бы ограничиться восстановлением разоренных пожарами бедняцких хозяйств. Страхование, по его мнению, – дело коммерческое, и его следовало бы передать в руки коммерсантов. Во всяком случае, с позиций В. В. Берви-Флеровского, помощь беднейшим погорельцам должна быть от страхования отделена⁶⁵¹.

Проанализировав все наиболее значимые направления хозяйственной деятельности земств (строительство и ремонт дорог, мостов, зданий и т.д.) В.В. Берви-Флеровский приходит к выводу, что и в этом случае земства распоряжаются финансовой частью нерационально. Нередко они тратят деньги весьма произвольно, нередко допускают «безмерные и безобразные расходы по хозяйственной части»⁶⁵², за счет привлечения к делу недобросовестных дельцов. Однако В.В. Берви-Флеровский полагает, что это не вина, а скорее беда земств, они просто не умеют избегать этих расходов, поскольку просто не могут вникать в подробности сложных смет и их исполнения. Поэтому нередко решение финансовых вопросов зависит от умения докладчика представить информацию нужным ему образом, чем активно пользуются всякого рода мошенники.

Чтобы изменить положение дел к лучшему, гласные должны учиться решать только те вопросы и в тех пределах, в которых они могут четко разобраться в сути вопроса. Они не должны делаться слепыми орудиями в руках нечистоплотных дельцов, не должны утверждать те расходы, о необходимости которых не составили для себя ясного мнения. Земцы же в большинстве своем не понимают своей ответственности перед избирателями, не имеют представления о серьезном отношении к порученному им делу, вследствие чего нередко поручают исполнение хозяйственных вопросов непорядочным людям. Возможно, определенную роль в решении проблемы могла бы сыграть свободная местная пресса, которая будила бы в земцах чувство ответст-

---

⁶⁵¹ Там же. С. 298.

⁶⁵² Там же. С. 302.

венности. Однако этого можно достигнуть только постепенно, с течением времени⁶⁵³.

Более того, земство будет находиться в таком положении и далее, если оно будет рассматривать сметы прежним способом. Оно может и должно решать хозяйственные вопросы только тогда, если необходимые данные изложены в понятной для неспециалиста форме. Для этого В.В. Берви-Флеровский пытается выработать рациональный научный подход, который нужно использовать для решения земских проблем. Так, он предлагает на основе статистики выработать примерные нормы стоимости одной сажени шоссе, одной квадратной сажени мостовой, одной кубической сажени каменного здания и т.п. для каждой местности. Впрочем, по его мнению, и их установление не поможет, если не будет свободной прессы и земства не изменят своего отношения к делу⁶⁵⁴. В настоящее же время, - отмечает ученый, - возможности земства в вопросах разоблачения недобросовестных хозяйственников очень ограничены. Гласным крайне сложно разобраться в опубликованной земской статистике, так как в ней обычно приводятся только ничем не обоснованные суммы расходов.

Так обстоят дела с назначением расходов на хозяйственные нужды, организация контроля затрат поставлена еще хуже. Чтобы контролировать выполнение работы, земцам необходимо как минимум лично знать исполнителей и лиц, контролирующих исполнение. В.В. Берви-Флеровский, подробно описывая те приемы, с помощью которых нечестные исполнители маскируют растраты крупных сумм общественных денег, приходит к выводу, что земство зачастую просто «не имеет силы воли ... отстранять от хозяйственной части людей, заведомо нечестных»⁶⁵⁵.

Одной из центральных проблем деятельности земств В.В. Берви-Флеровский считал вопрос об организации и размере налогообложения, с ко-

---

⁶⁵³ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В.В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 302-303.

⁶⁵⁴ Там же. С. 306.

⁶⁵⁵ Там же. С. 312.

того, по его мнению, начинается любое самоуправление. Центральная администрация с его точки зрения бессильна в этой сфере, поскольку «человеку тем проще скрывать свой настоящий доход, чем более он богат»⁶⁵⁶. В результате всякий государственный сбор, направленный на источники дохода или на предметы потребления, неизбежно превращается в обратный прогрессивный налог. Именно поэтому государство постепенно перекладывает решение вопроса о раскладке налога сначала на общины, а теперь на земство. Сначала земству была предоставлена раскладка налога на городские недвижимые имущества, а теперь эта мера распространяется на государственный поземельный налог. Некоторые земства много работают в этом направлении, проводят с этой целью статистические исследования (Московское, Черниговское земства), но, несмотря на значимость результатов земской статистики в целом, для справедливой раскладки налогов она практически ничего не сделала. Если в США, например, раскладка центральных и местных сборов дополняет и облегчает друг друга, то в России эти налоги «мешают друг другу, оставляют друг друга без денег, а народ разоренным»⁶⁵⁷.

Цель всякой налоговой раскладки – увеличить по возможности равномерность налогообложения. В России же, по мнению В.В. Берви-Флеровского, те, кто занимается налогообложением, не обращают внимания друг на друга. Отсюда и вытекают все проблемы, с которыми сталкивается в этой сфере земство⁶⁵⁸. Земцы одновременно инстинктивно чувствуют и несправедливость такой раскладки, и сталкиваются с трудностями в финансировании своих мероприятий. Обычно земства решают этот вопрос в свою пользу.

Какие-либо изменения существующей системы налогообложения в ближайшее время вряд ли возможны, поскольку в земствах преобладают крупные землевладельцы. Для них, напротив, будет естественным подобный

---

⁶⁵⁶ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В.В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 316.

⁶⁵⁷ Там же. С. 317.

⁶⁵⁸ Там же. С. 318.

порядок дел. Улучшить систему налогообложения реально только в случае изменения системы избрания гласных, что вряд ли произойдет в ближайшее время. Несмотря на это, - отмечает В.В. Берви-Флеровский, - наперекор узким личным интересам влиятельнейших избирателей находятся постоянно такие земства, которые стремятся облегчить положение наиболее обремененных податями слоев населения (Новгородское земство, некоторые уездные земства Тверской губернии)⁶⁵⁹.

В.В. Берви-Флеровский отмечает, что либеральным земцам действительно сложно ориентироваться в разнообразии современных финансовых теоретических понятий и практических приемов. К этому многообразию добавляется путаница, внесенная в понимание законов противоречивыми действиями и решениями администрации, в результате чего земства не могут создать единой системы налогообложения.

С одной стороны, справедливая финансовая система подразумевает некоторую умеренную прогрессивность сборов, с другой - российская действительность не позволяет ее ввести. С точки зрения В.В. Берви-Флеровского, на данном этапе развития страны было бы хорошо создать хотя бы в прямых сборах пропорциональность путем земского обложения. Для этого все сборы, налагаемые на землю различными органами самоуправления, на основе соглашения между земством, волостью и сельским обществом нужно соединить в один общий налог и распределить пропорционально между всеми обложенными землями. Но на данный момент, - полагает исследователь, - сделать это вряд ли возможно⁶⁶⁰. Ведь зачастую земские сборы распределяются таким образом, что крестьянин с одной десятины земли платит в 1,5-3 раза больше, чем прочие владельцы земли. Казенные и частные земли, частные дома, фабрики зачастую оцениваются в отличие от крестьянских наделов на много ниже их реальной стоимости.

---

⁶⁵⁹ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В.В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 320.

⁶⁶⁰ Там же. С. 328.

Занимаясь распределением налогов, земство взяло на себя задачу определять доходность каждого отдельного имущества, составляя для него отдельный окладной лист с обозначением ценности и доходности и пропорционального им сбора. Это разумный шаг, но нередко имущество отдельных лиц оценивается в несколько раз дешевле реальной стоимости, что вряд ли ведет к справедливому налогообложению. В.В. Берви-Флеровский полагает, что статистически земства могли бы более верно определить доходность имущества по отдельным категориям, установив размеры этих категорий для каждой местности. Поэтому внимательное губернское земство может четко распределить сборы между уездами, а уездное между волостями и пр. Поскольку в волостях и уездах находится имущество разных категорий собственности, то земство отнесется к ним беспристрастнее, чем к отдельному имуществу⁶⁶¹.

При этом В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что даже волость и город являются слишком крупными единицами для распределения налога между отдельными плательщиками. Правильно распределить налоги, по его мнению, может только сход, состоящий из небольшого числа плательщиков (около 50 человек), знающих положение дел друг друга. Он предлагает вместо пяти-шести облагаемых разными налогами обществ, состоящих почти из одних и тех же лиц, следует организовать только два рода обществ. Одно, общественно-административное, состоящее исключительно из владельцев общинной земли, должно распределять землю, выкупные платежи и избирать старосту. Старостой должно быть именно выборное лицо, назначение в этом случае вряд ли будет уместным. Все сельское общинное начальство должно состоять из одних старост, поскольку общины обычно невелики, да и создавать лишнее количество должностей вряд ли будет уместным. Другое общество – земское – должно создаваться для раскладки всех сборов и повинностей. Оно также должно состоять из одного схода всех плательщиков без исключения. Волостной сход вместе со всеми частными землевладельцами во-

---

⁶⁶¹ Там же. С. 331.

лости, должен разделять волость на общины для земского налогообложения, прикрепляя крупных землевладельцев к смежным сельским обществам и поручая им раскладку поземельного и подушного сборов, всех земских, страховых, продовольственных, волостных, сельских, дворянских, государственных и прочих повинностей. Эта идея уже находит свое воплощение в жизнь в форме раскладки сборов на съездах землевладельцев и сельских обществ. Даже если на сходе крестьяне и будут в большинстве в сравнении с дворянством, опасаться чрезмерного обложения частных земель не стоит, ведь на сельских сходах богатые крестьяне традиционно облагаются легче бедных, а фабриканты – легче домовладельцев⁶⁶².

Среди прочих недостатков в работе земств В.В. Берви-Флеровский отмечает низкую популярность земских учреждений среди народа, связанную во многом с недостаточной информированностью низших слоев населения об их деятельности⁶⁶³, отсутствие четких целевых установок и вытекающую отсюда бессистемность земских публикаций⁶⁶⁴, излишнюю расточительность земств⁶⁶⁵ и т.п.

В целом, анализируя результаты земской реформы 1864 г. как меры, призванной создать в России самоуправление, В.В. Берви-Флеровский приходит к выводу, что она не достигла своих результатов.

Земство лишь ассоциируется в обществе с самоуправлением, хотя к последнему оно никакого отношения не имеет. Полное самоуправление требует, чтобы некая область через лиц, избранных всеобщим голосованием, издавала для себя гражданские и уголовные законы, т.е. устраивала свой социальный порядок, заведовала у себя администрацией и судом. Даже ограниченное самоуправление требует осуществления функций администрации и суда через выборных лиц. Из российского же законодательства четко следу-

⁶⁶² Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 330-332.

⁶⁶³ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 35.

⁶⁶⁴ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 229-230.

⁶⁶⁵ Навалихин Н. Современное обозрение // Дело. 1871. № 6. С. 17-19.

ет, что правительство отдает в распоряжение земских учреждений лишь некоторые незначительные отрасли хозяйства⁶⁶⁶: народное образование, народное продовольствие, страхование, медицинскую часть и пути сообщения.

Во многом это связано с тем, что «самое земское учреждение было начертано неопытной рукой». Невозможно было создать самоуправление, во-первых, передав земствам хозяйственное управление народным образованием, здравоохранением и т.д., при сохранении всей полноты административной власти в руках государства и, во-вторых, не создав свободной местной прессы. Не понимая, как создать единство между государственной администрацией и самостоятельным местным самоуправлением, государство раздробило самоуправление, создало множество не связанных друг с другом «самоуправляющихся единиц в форме волостей, городов и земства», и поставило над ними «плотно организованную бюрократию»⁶⁶⁷.

Понимая, что нормальная работа органов самоуправления в этом случае вряд ли возможна, государство изначально создавало земства таким образом, чтобы обеспечить в них преобладание крупных землевладельцев, надеясь, что они, будучи непопулярны в народе, станут «искать опоры в администрации и сделают земства покладистыми посредством искусственного большинства»⁶⁶⁸.

В результате правительство не только не создало новой законченной системы самоуправления в стране, но даже ухудшило то, что было достигнуто в этой области в годы правления Николая I. Ему (правительству – З. С.) «нужно было сделать лишь один небольшой шаг для перехода к полному уездному самоуправлению, но он так и не был сделан». Напротив, были предприняты непонятные и часто противоречивые шаги по изменению относительно отработанной системы, в результате которых появилась удивительно негармоничная, не связанная воедино система управления. Представители

⁶⁶⁶ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 32.

⁶⁶⁷ Берви-Флеровский В. В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 290-291.

⁶⁶⁸ Там же. С. 291.

земства, города, военного, судебного, акцизного и пр. управлений находятся в постоянном противоречии. Каждый из них идет своим путем, и знать не хочет другого, каждый имеет свой собственный интерес, и во всей этой толкотне забывается всеми интерес народа. Все это больше напоминает уездную анархию, чем уездное управление⁶⁶⁹.

Единство управления можно создать только посредством введения настоящего самоуправления, «только самоуправление может заставить все мелкие ведомства позабыть свои мелкие счета и служить одному общему интересу – интересу населения, потому что тот, кто избирает всех этих отдельных управителей, т.е. общество, обсуждает эти дела с точки зрения общего интереса»⁶⁷⁰.

Чтобы сделать систему управления в стране более действенной, В.В. Берви-Флеровский предлагал следующие меры. Во-первых, с его точки зрения необходимо упростить систему административного-фискального деления страны, на основании которого производится распределение налогов среди населения. Для этого нужно создать на местах два рода обществ. Первое - общественно-административное - должно состоять из крестьян - владельцев общинной земли. Оно будет заниматься распределением земли, выкупных платежей, избранием сельской администрации и т.п. Второе – земское – должно включать в себя всех плательщиков земских сборов без исключения. На него должны быть соответственно возложены обязанности по раскладке всех сборов и повинностей⁶⁷¹.

Во-вторых, в целях снятия противоречий между администрацией и самоуправлением следует связать их воедино. В бюрократическом государстве, которым с точки зрения В.В. Берви-Флеровского является Россия, этого можно достигнуть одним путем. Человек, достигший высшего положения в аппарате самоуправления, должен затем получать своего рода «повышение» от правительства, переходя в состав государственных чиновников, бюрокра-

---

⁶⁶⁹ Там же. С. 314-315.

⁶⁷⁰ Там же. С. 316.

⁶⁷¹ Там же. С. 330-331.

тии. Это должно быть в некотором смысле признание того, что он способен к мышлению на государственном уровне, признание его заслуг перед обществом. Таким путем, по мнению В.В. Берви-Флеровского, можно добиться взаимодействия между администрацией и лидерами самоуправления, того единства, которое в конечном итоге приводит к гармонизации интересов личности, общества и государства⁶⁷².

В-третьих, земства еще большее внимание должны уделять сотрудничеству с местной прессой. При этом они должны ориентироваться не только на образованную часть публики, но и на народные массы в целом. Ведь, хотя «поддержка земства общественным мнением образованного общества уже достаточно велика, но она ничтожна в сравнении с поддержкой народа»⁶⁷³. С одной стороны эта мера позволила бы земским учреждениям упрочить свое положение, с другой – повысила бы ответственность самих земцев перед избирателями, превратив их в школу развития политического сознания и социальной активности масс.

Можно гипотетически предположить, что на формирование взглядов В.В. Берви-Флеровского на роль местного самоуправления в жизни страны большее влияние оказали представители европейской либеральной мысли (И. Бентам, Дж. Милль, А. де Токвиль), которые, как отмечает О. Салов, трактовали самоуправление как особую форму публичной власти, а не как институт, обладающий лишь хозяйственно-административными обязанностями⁶⁷⁴. Однако чтобы лучше понять взгляды В.В. Берви-Флеровского на результаты земской реформы нужно чуть подробнее остановиться на ее оценке современниками.

Уже в 1860-х годах складываются официально-государственное, либеральное и левое революционно-демократическое направления рассмотрения земств. Первое ориентировалось на обоснование Положения 1864 г.; второе

---

⁶⁷² Там же. С. 293.

⁶⁷³ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года // Наблюдатель. 1884. № 12. С. 36.

⁶⁷⁴ Салов О. Местное самоуправление в истории общественно-политической мысли // Власть. 2007. № 12. С. 94.

оценивало реформу положительно, с энтузиазмом намечая ее дальнейшее развитие; третье, не уделяя земской проблематике много внимания, в целом не поддерживало земского самоуправления, не расценивая его как учреждение гражданской свободы⁶⁷⁵.

Либеральная мысль воспринимала принципы земской реформы с одобрением. Все либеральные теоретики того времени (Б. Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.П. Безобразов, А.И. Васильчиков и пр.) признавали, что земства являются общественными учреждениями, хотя и не исключали их связи с государственной деятельностью. Высоко оценивалась самостоятельность и всеобщность земств, причем в последней виделся путь к сближению сословий. По-разному трактовались лишь пути организации этого сближения⁶⁷⁶.

К 1870-м гг. наметилось некоторое разочарование в организации и работе земств. Показательна в этом плане позиция А.А. Головачева (1871 г.), отмечавшего, что земства вряд ли могут иметь значение самоуправления. Автор полагал, что признаки, которые характеризуют земство, противоположны признакам подлинного самоуправления, (контроль земств администрацией, а не наоборот; подотчетность земств администрации, а не избирателям и независимому суду, отсутствие у земств исполнительной власти, скудость земских средств и т.п.)⁶⁷⁷. На протяжении 1870-х годов публицистика отмечала вялость работы земств, разочарование общества и прессы в земстве, связывая их с несоответствием земства эталону подлинного самоуправления⁶⁷⁸.

Во второй половине 1870-х годов в связи с необходимостью преодолеть эти недостатки в работах В.П. Безобразова и, прежде всего, А.Д. Градовского оформляется концепция, подчеркивающая государственный характер любой деятельности самоуправления, сформировавшаяся под влиянием

⁶⁷⁵ Горбачева Н. Г. Дореволюционная историография земского самоуправления в России // Вестник Пермского университета. История. 2008. Вып. 7 (23). С. 47.

⁶⁷⁶ Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. С. 66.

⁶⁷⁷ Там же. С. 68-71.

⁶⁷⁸ Там же. С.71.

позитивизма (имеется ввиду социологический позитивизм как одно из направлений позитивистской юриспруденции – З. С.)⁶⁷⁹. Окончательно сформулирована она была в начале 1890-х годов профессором Н.М. Коркуновым. Государственная теория, по его мнению, в самоуправлении видит возложение на местное общество осуществления задач государственного управления, службу местного общества государственным интересам и целям. Самоуправление должно в силу этого решать не только местные общественные вопросы, но и государственные. Государственная теория самоуправления противопоставляется общественной, согласно которой самоуправление есть самостоятельное осуществление местным обществом своих собственных общественных интересов⁶⁸⁰.

В силу этого, по мысли В.П. Безобразова, земство следовало наделить государственными полномочиями и привести его права в соответствие с обязанностями, для чего необходимо было связать земства с государственной системой⁶⁸¹. А.Д. Градовский также полагал, что сложившаяся двойная иерархия властей ведет только к соперничеству между ними и предлагал создать учреждения, в которых все элементы местного управления могли бы работать вместе, которые имели бы земское основание и правительственную санкцию. Доказывал Градовский и необходимость создания мелкой земской единицы, которая стала бы опорой земству и правительству, способствовала бы слиянию сословий⁶⁸².

Исходя из вышесказанного, подчеркнем, что В.В. Берви-Флеровский выступает как сторонник либеральной государственной теории. Критикуя земства, он также отмечает их несоответствие подлинному самоуправлению, также пытается преодолеть противопоставление между земством и государством, связав их воедино, также, как А.Д. Градовский, пытается создать

---

⁶⁷⁹ Там же. С. 82.

⁶⁸⁰ Там же. С.32-33.

⁶⁸¹ Там же. С. 81

⁶⁸² Там же. С. 82.

мелкую земскую единицу (сход), полностью осуществляющую раскладку всех сборов и повинностей.

Следует отметить и некоторое сходство взглядов В.В. Берви-Флеровского с воззрениями А.И. Васильчикова, в понимании которого самоуправление состоит из раскладки податей, расходования земских сборов и местного суда и расправы. Главным в нем Васильчиков считал равномерное подоходное обложение и участие жителей в сметах и раскладках местных повинностей⁶⁸³. В.В. Берви-Флеровский также видит одну из центральных проблем деятельности земств в раскладке налогов, которая, по его мнению, должна носить, как минимум, прогрессивный характер. Серьезное внимание уделяет он, как видно из вышеизложенного материала, и контролю расходов земских средств. Возможно, что эти черты сходства обусловлены пристальным вниманием обоих мыслителей к опыту США и Англии.

С представителями революционно-демократического направления В.В. Берви-Флеровского сближает, пожалуй, четкое осознание заранее спланированного государством преобладания в земствах крупных землевладельцев, которое делает земства более покладистыми и заставляет их искать опоры в администрации.

В заключение стоит отметить также, что В.В. Берви-Флеровский оценивает самоуправление вполне в духе современной историографии – как одно из условий формирования гражданского общества, а земства – как средство взаимодействия общества с правительством, что не мешает ему жестко критиковать недостатки их практической деятельности. Подобный критический взгляд необходим для современных историков земства, работы которых зачастую выполненные в «мажорной тональности» приобретают характер «истории и достижений»⁶⁸⁴.

---

⁶⁸³ Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. С.61.

⁶⁸⁴ Чернышева Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-1914 годы) в отечественной историографии. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. С. 32.

3.4. В.В. Берви-Флеровского о реформе народного просвещения

Значительное внимание В.В. Берви-Флеровский в своих работах уделял проблемам народного образования. Во многом это обусловлено его пониманием общественного прогресса.

Прогресс, по мнению исследователя, обусловлен полным и всесторонним развитием индивидуальных и общественных сил народа. Условиями такого развития являются устранение материальной нужды, а затем на этой основе - развитие народного образования и духовной культуры⁶⁸⁵. Общественный прогресс проявляется, прежде всего, в развитии и постоянном совершенствовании труда и производства. Развитие производства В.В. Берви-Флеровский в свою очередь связывал с развитием интеллектуальных способностей работников, поскольку интеллектуальное движение способствует развитию у трудящихся трудолюбия и стремления выполнять свою работу предельно качественно⁶⁸⁶. При этом мыслитель подчеркивал, что прогресс в развитии общества является результатом общественного опыта народных масс, но в его накапливании немаловажная роль принадлежит интеллигенции. Чтобы развитие осуществлялось постоянно, необходимо, чтобы люди «обыкновенных способностей» имели возможность свободно мыслить и критиковать «старые направления» и науки, основываясь на одном только здравом смысле⁶⁸⁷.

Отсюда непосредственно вытекает та громадная роль, которую должна сыграть в общественном развитии школа. Она призвана, с одной стороны, дать народу солидное социально-политическое образование, которое позволит массам правильно понимать назначение человека на земле и в результате избежать постоянно повторяющихся в ходе исторического процесса ошибок. С другой стороны, она должна воспитать критически мыслящего человека,

⁶⁸⁵ Грищенко О. Н., Емельянова Т. Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С. 89-90.

⁶⁸⁶ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч 2. С. 450.

⁶⁸⁷ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч.1. С. 34.

способного самостоятельно приобретать все те знания, которые помогут ему в жизни⁶⁸⁸.

Кроме того В.В. Берви-Флеровский отмечал, что образование должно быть не только умственным, но и нравственным, т.е. должно развивать инстинкты мировой жизни, воспитывать человека, наиболее соответствующего потребностям мировой цивилизации. Тогда общественное развитие будет постоянным и ровным, без толчков и революционных потрясений⁶⁸⁹. То государство, которое в большей степени заботится о просвещении своих граждан, оказывается в приоритетном положении, оно неизбежно будет осуществлять по отношению к соседям своего рода интеллектуальную экспансию, которая в конечном итоге может закончиться завоеванием, гибельным и для покоренных, и для самих захватчиков⁶⁹⁰.

Именно с этих позиций В.В. Берви-Флеровский попытался оценить уровень народного образования в России второй половины XIX в.

Этой тематике посвящены его статьи начала 70-х гг. В 1871 г. в журнале «Дело» были опубликованы две его статьи «Не лучше ли молчать по этому вопросу?» и «Право на воспитание и обучение». Обе они были призваны привлечь внимание общества к проблемам образовательных учреждений: недостаточному финансированию, отсутствию хорошо подготовленных учителей, замене светского руководства школ духовенством и т.п. Некоторые вопросы организации народного просвещения публицист поднимает в статье «Записки земца о земских изданиях и земских приемах» (журнал «Дело», 1881 г.).

Однако, пожалуй, наиболее интересной является статья В.В. Берви «Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние», вошедшая в сборник «Исследования по текущим вопросам», который вышел

⁶⁸⁸ Берви-Флеровский В. В. Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч 2. С. 147.

⁶⁸⁹ Берви-Флеровский В. В. Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 141.

⁶⁹⁰ Там же. С. 121-124.

в свет в 1872 г. и сразу же был почти полностью уничтожен III Отделением⁶⁹¹.

Народное образование, с позиций В.В. Берви-Флеровского, находится в России в самом плачевном состоянии. Оно расплывлено, предельно децентрализовано⁶⁹². В силу этого Россия находится в непосредственной опасности, связанной с постоянно нарастающим отставанием ее от передовых государств Западной Европы и Америки. Такое положение дел обусловлено в первую очередь тем, что образовательная реформа 1864 г. не отвечала потребностям и нуждам народных масс. В отличие от судебной реформы она прошла мимо народа, не вызвав в нем живого интереса⁶⁹³.

Согласно реформе 1864 г. общеобразовательные учебные заведения делились на народные училища, приходские и уездные (1-3 года соответственно), прогимназии (4 года) и гимназии (7 лет). Гимназии и прогимназии подразделялись на классические, полуклассические и реальные. Первые ориентировались на подготовку выпускников к университетам, уделяли максимум внимания классическим древним языкам – латыни и древнегреческому, во вторых древним языкам уделялось чуть меньше внимания, третьи – естественные, готовили учащихся к обучению в высших технических школах. Начальное (народное) образование практически полностью передавалось местному населению и на содержание земствам.

В 1871 г. все гимназии становились классическими. Свыше 40 % учебного времени в них отводилось древним языкам. Реальные гимназии превращались в реальные училища профессиональной направленности. В области народного образования с 1874 г. устанавливался более жесткий контроль за учебно-воспитательной деятельностью⁶⁹⁴.

⁶⁹¹ Толстяков А. П. Люди мысли и добра. Русские издатели К.Т. Солдатенков и Н.П. Поляков. М., 1984. С. 185.

⁶⁹² Берви-Флеровский В. В. Заметки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 252-253.

⁶⁹³ Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 64 г. // Наблюдатель. № 12. С. 24.

⁶⁹⁴ Липник В. Н. Школьные реформы в России // Библиотечка журн. «Вестник образования России». М., 2002. № 8. С. 23-30.

С одной стороны подключение земских учреждений к развитию образования на местах оценивается В.В. Берви-Флеровским положительно, поскольку на основе изучения опыта других стран он пришел к выводу, что будущее народного образования может быть связано только с местным самоуправлением. С другой стороны – с его точки зрения земства излишне легкомысленно относятся к народному просвещению⁶⁹⁵.

В.В. Берви-Флеровский попытался оценить результаты образовательной реформы, рассмотрев развитие народного образования в стране с двух позиций – количественной и качественной. Для того чтобы определить степень распространения народных школ, он широко использует статистические данные.

В качестве одного из важнейших количественных показателей В.В. Берви-Флеровский рассматривает затраты на народное образование. Согласно его данным, в 1869 г. в двадцати одной российской губернии с населением в 28 643 690 жителей земства израсходовали на народное образование 726 856 руб. 3 $\frac{3}{4}$ коп. Иначе говоря, на образование каждого жителя приходится в среднем около 2, 53 коп. Для сравнения он приводит средства, затраченные на обучение одного человека в одном из американских штатов (Массачусетс) - 4 руб. 37,55 коп. При этом даже из выделенных на народное просвещение средств земства тратят на него далеко не все. Так, в 1870 г. Ярославское земство из выделенных на образование 43 385 руб. 57 коп. потратило по назначению лишь 18 856 руб⁶⁹⁶.

Подобное отношение к образованию В.В. Берви-Флеровский расценивает как крайне легкомысленное. Он отмечает, что даже самые передовые люди страны позволяют себе не вникать в эту сферу, успокаивая себя своего рода статистическими «погремушками». Отрадно слышать, - пишет исследователь, - что с 1867 по 1869 гг. расходы на народное образование в целом

⁶⁹⁵ Берви-Флеровский В. В. Заметки земца о земских изданиях и земских приемах// Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 255-257.

⁶⁹⁶ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 175.

увеличились более чем в 2 раза (с 408 057 руб. 85, 5 коп. до 726 856 руб. 3,75 коп). Однако стоит взглянуть на те же статистические данные с другой стороны, рассчитав расход на обучение каждого ребенка, то результат окажется весьма неутешительным (расход на каждого ребенка увеличился с 5 коп до 11, 5 коп)⁶⁹⁷.

Далее В.В. Берви-Флеровский пытается определить, какая часть выделенных на образование денежных средств идет на развитие образования непосредственно народа, трудящихся масс.

В России в 1870 г. правительство выделило на образование 28 368 590 рублей. Из этой суммы на развитие духовных, военных и пр. училищ, т.е. на учебные заведения, где обучаются преимущественно дети привилегированных классов, тратится 14 729 009 руб. Кроме того, министерство народного просвещения отпускает на центральное управление, на высшие и средние учебные заведения 7 179 295 руб. Эти деньги также идут преимущественно на детей представителей высших сословий. (По данным Военно-статистического сборника за 1871 г. даже в гимназиях дети сельского сословия составляли лишь 5% учащихся, дети дворян и чиновников – 64%). Согласно подсчетам В.В. Берви-Флеровского, лишь 6,5 миллионов руб. идут на образование непосредственно народа⁶⁹⁸.

Также он отмечает, что из всех начальных школ относительно нормальное образование дают лишь уездные училища, в которых можно хотя бы выучиться свободно читать и писать; «во всех других народных школах большая часть учеников только числится и никогда не учится, а меньшинство, которое учится, может только читать по складам и подписывать свое имя»⁶⁹⁹.

При этом В.В. Берви-Флеровский указывает, что состав учащихся уездных училищ России (кроме Финляндии, Варшавского округа и Остзейского края) характеризуется следующими данными: дворян и духовных лиц -

⁶⁹⁷ Там же. С. 177.

⁶⁹⁸ Там же. С. 181.

⁶⁹⁹ Там же. С. 182.

7 246 человек, представителей сельских сословий - 4 121 человека. Если соотнести количество представителей того или иного сословия с количеством обучающихся в уездных училищах, то получится следующий результат. Из числа 861 142 человек мужского населения из дворян и духовных, обучающихся еще в других заведениях и имеющих средства для получения образования, в уездных училищах обучается 0, 841%. Из представителей сельских сословий, у которых нет другой возможности получить образование кроме уездных училищ, в них обучается лишь 0,016%. По сути, только один человек из тысячи крестьян учится, чтобы сделаться полуграмотным⁷⁰⁰.

Земства также тратят на семинарии и духовные училища на порядок большие средства, чем на просвещение народа. Например, вятское земство в 1869 г. потратило на них 73 791 руб. 15,5 коп., что более чем в 2 раза выше, чем средний расход земства на народное образование в губернии в целом⁷⁰¹. Таким образом, с позиций В.В. Берви-Флеровского, в количественном отношении народное образование в России явно не дотягивает до среднего уровня.

Тем не менее, по мнению ученого, дальнейшее его развитие должно быть связано именно с местным самоуправлением. Он полагает, что решить проблемы финансирования народных училищ можно, изменив социальный состав земств. К этой мысли он приходит, на основе анализа опыта Вологодской губернии. В ней есть как уезды, где господствует крупное землевладение, так и такие, где оно почти отсутствует. Последние, несмотря на то, что они являются самыми бедными, тратят на народное образование больше остальных (9,2 копеек на человека в противовес 2,9). Однако В.В. Берви-Флеровский понимал, что «это может быть достигнуто лишь после больших, а возможно и продолжительных усилий». Между тем, с учетом того, что Россия все больше отстает от передовых стран, медлить нет смысла⁷⁰².

---

⁷⁰⁰ Там же. С. 182-183.

⁷⁰¹ Там же. С. 176.

⁷⁰² Там же. С. 179-180.

Исходя из вышесказанного, определенный шанс для развития России на пути народного просвещения В.В. Берви-Флеровский видит в повышении качества образования. Ведь умственное движение в народе зависит не только от количества образованных лиц, но и от качества образования. «Чем доброкачественнее ... образование, тем ...осязательнее для народа прогресс»⁷⁰³. Образование же, с его точки зрения, тем более способствует общественному прогрессу, чем более «годный для цивилизации умственный тип», более совершенного человека оно вырабатывает. Иначе говоря, образование может считаться качественным, если оно дает миру тот тип личности, который наиболее необходим человечеству, наиболее востребован цивилизацией.

В этом плане именно школа представляется В.В. Берви-Флеровскому тем инструментом, который способен сформировать личность, наиболее подходящую обществу в тот или иной момент его развития⁷⁰⁴. Так, в античности главную задачу образования видели в воспитании человека-патриота, способного защитить свое отечество, цивилизации древнего востока посредством школьного образования стремились воспитать человека, преданного той или иной религии.

Однако подобное одностороннее развитие личности В.В. Берви-Флеровский считал гибельным для человеческой цивилизации. Он полагал, что школа должна формировать не строго национальный или строго религиозный тип человека, а человека во всех отношениях толерантного, способного жить в мире с представителями всех национальностей и всех конфессий. Совершенство личности с общечеловеческой, а не национальной или религиозной точки зрения заключается в том, чтобы, во-первых, внутренние качества, препятствующие саморазвитию человека (узость, суеверия и т.д.) были наиболее полно устранены и, во-вторых, чтобы «в человеке развилось как можно более любви к людям вообще и желания быть им полезным». Эти два человеческих свойства, по мнению В.В. Берви-Флеровского, тесно связаны

⁷⁰³ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872.С. 185.

⁷⁰⁴ Там же. С. 187.

между собой и во многом обуславливают друг друга⁷⁰⁵. Развитие в ребенке этих качеств, подготовка по-настоящему образованного человека и есть главная, великая задача для каждого народа.

Что же представляет собой с точки зрения В.В. Берви-Флеровского по-настоящему образованный человек, окончивший курс начальной и средней школы и способный к саморазвитию? В первую очередь, это человек, обладающий научным мировоззрением, понимающий роль науки в развитии общества. Это должен быть «человек сознательный, человек, который большую часть своего свободного времени употребляет на чтение книг научного содержания, человек, ... которому скучно заниматься пустым чтением»⁷⁰⁶. В то же время, - пишет В.В. Берви-Флеровский, - это человек, который «не способен делать из науки забаву, который так широко понимает жизнь, что он постоянно чувствует потребность в науке для того, чтобы извлекать из нее пользу для своей практической деятельности. Наконец, это человек, который в своей работе каждый раз прибегает к науке, если наука ему может помочь»⁷⁰⁷. Как видим, идеал образованного человека по В.В. Берви-Флеровскому полностью коррелирует с позитивистской ориентацией отечественных интеллектуалов.

Однако образовательная система России второй половины XIX в. такого человека, по мнению В.В. Берви-Флеровского, подготовить не могла. Во многом это связано с тем, что она строилась по западноевропейскому образцу. Западноевропейская же школа в силу исторических условий своего формирования вряд ли может считаться идеальной. В течение долгого времени она находилась под властью духовенства, что не могло не отразиться на характере обучения. Религиозное же образование вместо того, чтобы стремиться к развитию умственных способностей учащихся, боялось этого. Оно дошло до выучивания наизусть немногих сентенций и выписок из авторитетов. Кроме того, искусственно ограничивался круг учащихся. До сих пор в шко-

---

⁷⁰⁵ Там же. С. 188.

⁷⁰⁶ Там же. С. 199.

⁷⁰⁷ Там же. С. 199.

лах преподается богословие, а в области педагогической литературы многие авторы являются профессиональными богословами. Повсюду, где духовенство имеет сильные позиции в образовании, учителя подражают методике прошлого.

Однако, - подчеркивал В.В. Берви-Флеровский, - невозможно создать совершенный тип человека, если он со школьной скамьи впитывает идеи национальной и религиозной вражды. Все передовые люди хорошо понимают это, педагоги постоянно повторяют, что при подобной системе обучения в детях менее всего воспитываются религиозные чувства, из них делают религиозных формалистов и фанатических догматиков, ... самых зловредных ханжей. В Европе такой подход превратил обучение в бесплотное зазубривание ненужных вещей⁷⁰⁸.

Увлечение античностью тоже не дало нужных результатов. Из-за привычки к зубрежке педагоги сосредоточились не на изучении древней науки, а на изучении древних языков, зачастую забывая о достижениях современных научных отраслей знания. Постепенно классическое образование стало также «устарелым и вредным». В результате всех преобразований западноевропейская школа приобрела весьма эклектичный характер. Она пытается сочетать в себе все виды воспитания: и религиозное, и научное, и ремесленное и пр. В результате в ней «нельзя научиться науке, а можно бессмысленно зазубривать либо догматическое богословие, либо классические языки, и рядом с этим научиться ремеслу и всякой всячине, опять-таки не имеющей с наукой ничего общего»⁷⁰⁹.

Организация образования в российской начальной и средней школе также далеко не идеальна. В ней, как в зеркале, отразились недостатки западноевропейской системы обучения. Точно также она пытается сочетать в себе религиозный и научный подходы к образованию. Точно также значительное внимание уделяет изучению древних языков или ремесла. Все это мешает

⁷⁰⁸ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 191.

⁷⁰⁹ Там же. С. 191-192.

получению истинно научного образования, мешает формированию самостоятельности мышления у учащихся.

В.В. Берви-Флеровский подчеркивал, что вопреки широко распространенному мнению религиозное образование вовсе не способствует «мирному развитию в государстве». Главная характерная черта и католического, и протестантского священника – это развитая до крайней степени полная неуступчивость убеждений. Это вполне нормально и приемлемо для духовного лица. Ведь священник должен следовать своему призванию, вере «вполне и безусловно». Однако в случае распространения такого подхода на все убеждения людей вырабатываются «угловатые и неуступчивые» личности, неспособные приспособиться к обстоятельствам. В развивающемся же обществе школа должна порождать людей с более гибким мировоззрением, способных принять иную точку зрения. Кроме того, смешивать научное обучение и нравственно-религиозное воспитание человека – значит смешивать две вещи, одна из которых всегда будет мешать другой. В результате учащийся не получит ни того, ни другого. Религиозное образование и воспитание в религиозных правилах ребенок должен получать в воскресной школе, там он будет проводить то время, которое потом будет проводить в церкви, она подготовит его к слушанию богослужения и проповеди. Научная школа в свою очередь должна быть свободна от влияния духовенства, «должна давать ученику научное основание, совершенно законченное, которое он может дополнить самостоятельным образованием»⁷¹⁰.

Глубокое изучение древних языков с точки зрения В.В. Берви-Флеровского также мешает развитию образования. В.В. Берви-Флеровский полагал, что из всех родов обучения оно является самым бесплодным. Ведь язык нужен лишь как инструмент для получения других знаний или достижения каких-нибудь практических целей. Поэтому в начальной и средней школе изучение языков наименее уместно, для большинства учащихся это пустая растрата времени на то, чтобы приобрести ненужное для них орудие.

---

⁷¹⁰ Там же. С. 191-193.

Если человек может учиться только десять, а не четырнадцать-пятнадцать лет, то обучать его какому-либо языку кроме родного – значит лишать его значительной доли общего образования. Понятно, что в ряде случаев иностранный или древний язык может быть необходим для работы. В этом случае обучение ему должно быть задачей не общего, а специального образования. В.В. Берви-Флеровский замечает, что люди, которые хотят уверить общество в том, что среднюю школу надо сделать школой для изучения древних языков, классической школой, с тем же успехом могут уверять, что обучая ремеслу, необходимо учить искусству изготовления древнеиндийских колесниц. Даже родной язык, по мнению В.В. Берви-Флеровского, в общеобразовательной школе не надо изучать слишком глубоко. Вполне достаточно научить человека свободно и правильно читать и писать на нем. Изучение правил – это пустая трата времени, общее образование от этого только страдает. Из школы такой ученик выйдет «пустым верхоглядом и жалким чтецом романов»⁷¹¹.

Если же высшей школе нужны студенты, обладающие дополнительными специальными знаниями, то отдельные факультеты университетов, высшие специальные школы и пр. должны иметь при себе особые подготовительные классы, где обучают вспомогательным предметам и языкам в том объеме, который необходим вузу, примерно по тому же принципу как в Соединенных Штатах. Так, если медицинская академия организует специальные подготовительные курсы по физике, химии и ботанике, то имеет смысл включить в их программу и латынь, поскольку медику, естественнику латынь нужна совершенно в другом объеме, чем юристу, юристу – чем филологу и т.д. Российские же университеты, - язвительно замечает В.В. Берви-Флеровский, - хотят сделать для себя подготовительные училища из всех средних учебных заведений. Впрочем, он полагал, что более приемлемым вариантом было бы создание в гимназиях подготовительных классов, которы-

---

⁷¹¹ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 197.

ми каждый абитуриент мог бы пользоваться по своему усмотрению и в той степени, которая необходима для поступления на тот или иной факультет⁷¹².

Точно также нелепо, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, обращать школу в ремесленное заведение. Ремесленные школы, несомненно, должны существовать. При этом они должны быть устроены таким образом, чтобы все дети в них обучались ремеслам и чтобы выходили специалистами, больше не нуждающимися в специальной подготовке. Однако ремесленная школа должна существовать отдельно от общеобразовательной. Нельзя допустить, чтобы те, кто изучает ремесло, лишались из-за этого общего образования. Ведь чрезмерное обучение специальностям может значительно снизить средний уровень интеллектуального развития⁷¹³.

Таким образом, начальная и средняя школа с позиций В.В. Берви-Флеровского, не должна быть ни богословской, ни художественной, ни классической, ни ремесленной. Она должна быть только научной и исключительно научной. В противном случае она никогда не будет иметь хороших учителей и никогда не даст хороших учеников. Главная же ее задача заключается в том, чтобы давать миру образованных людей, способных самостоятельно мыслить, невзирая на авторитеты.

Следующая проблема, пути решения которой пытается наметить В.В. Берви-Флеровский - это вопрос об установлении основных требований к деятельности педагога и отборе материала, который необходимо рассматривать в рамках общеобразовательной школы. Исследователь задается вопросом о том, что должен сделать учитель, чтобы вырастить из ученика действительно образованного человека.

Чтобы приблизиться к этой цели, педагог в первую очередь должен развивать все умственные способности ребенка. В силу этого он должен хорошо уметь «отличать утомляющее способность от развивающего ее». Так, широко распространенное в российских школах бесполезное и не имеющее

---

⁷¹² Там же. С. 193-194.

⁷¹³ Там же. С. 194.

практического значения зазубривание богословских сентенций, грамматики древних языков и т.д. давит нравственно учеников, утомляет их память и мешает ей развиваться. Кроме того, В.В. Берви-Флеровский подчеркивает, что обучение должно быть максимально живым и энергичным, требующим постоянного внимания от ученика. Чем больше последний будет занят во время урока, тем больше он сможет получить при одинаковой степени утомления. «Сонная метода или сонный и не глубоко знающий свой предмет учитель, - пишет В.В. Берви-Флеровский, - яд для учеников». Сонное учение в этом плане утомляет более живого, не развивает способностей, а мешает им⁷¹⁴.

В.В. Берви-Флеровский, как и современные ему педагоги, полагал, что начинать обучение нужно с наглядного, затем переходить к самому доступному, постепенно приучая ребенка понимать и анализировать смысл отвлеченного. При этом он отмечал, что педагог не должен «недооценивать способность ребенка к отвлеченным понятиям». В противном случае он рискует «искусственно воспитать тупые натуры, не способные к смелому мышлению»⁷¹⁵.

Чтобы организовать обучение подобным образом необходимо, чтобы учитель обладал значительным педагогическим опытом. По мнению В.В. Берви-Флеровского, в средних учебных заведениях обучение организовано недостаточно хорошо именно потому, что учителя попадают туда со студенческой скамьи, не получив опыта практической деятельности. В университете можно приобрести знания, необходимые учителю, но не педагогическое искусство; будучи затем преподавателем специального предмета, приобрести его уже почти невозможно, независимо от стажа. Ведь учитель гимназии зачастую заботится только о том, чтобы по его предмету учащиеся занимались успешнее, чем по прочим. В результате гимназист средних способностей может окончить школу лишь при условии дополнительных заня-

⁷¹⁴ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 200.

⁷¹⁵ Там же. С. 200.

тий дома. Выход из ситуации В.В. Берви-Флеровский видел в том, чтобы формировать весь учительский состав средних учебных заведений из бывших народных учителей. Ведь учитель народной школы, с одной стороны, имеет дело с массой совершенно неразвитых детей, обучение и воспитание которых целиком и полностью зависит от него; с другой - он находится под жестким контролем инспектора, строго следящего за результатами. В результате он вынужден постоянно подстраиваться под «умственное и нравственное развитие» детей, получая в конечном итоге громадный педагогический опыт. Более того, по мнению мыслителя, вся школьная администрация должны назначаться из лиц, получивших опыт работы в народной школе. Ведь можно побывать народным учителем и не сделаться педагогом, но только в самых исключительных случаях можно сделаться педагогом, не побывав народным учителем⁷¹⁶.

Особо подчеркивал В.В. Берви-Флеровский тот факт, что обучение с самого начала должно быть научным. Ученик должен с малых лет привыкать к мысли, что наука и практика – две разные вещи; что тому, чему учит наука, из практики научиться невозможно; что во всякой сфере жизни всякая деятельность имеет научную сторону и что всякий человек, не пользующийся научными знаниями, осложняет себе жизнь. Если в школе ученик не усвоил эту истину, то школа, по сути, не выполнила своей задачи.

Из школы молодой человек должен вынести привычку пользоваться наукой как практическим орудием, но в то же время, такую глубокую потребность пользоваться ею рационально, чтобы он не довольствовался «дряблым эмпиризмом и полужнанием». Школа не может научить всем наукам; но она должна породить потребность действовать в жизни основательно и рационально, и именно для этого она должна дать человеку тот круг знаний, который всем без исключения одинаково необходим⁷¹⁷.

---

⁷¹⁶ Берви-Флеровский В. В. Заметки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т 2. С. 253-254.

⁷¹⁷ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 200-201.

Весьма важной составляющей общего народного образования В.В. Берви-Флеровский считал изучение политических и социальных наук. Он подчеркивал, что поскольку каждый человек живет в обществе, то он должен обладать широким взглядом на жизнь и на свое общественное предназначение. Медленное развитие человечества зависит от постоянно повторяющегося упадка цивилизаций. Для того чтобы избежать его, надо обучать народ политическим наукам, знакомить его с опытом прошедшего. Чтобы каждый человек ощущал себя частью общества, осознавал ответственность за происходящие в нем социально-политические процессы, необходима хорошая подготовка, включающая в себя основательное изучение географии и истории, социальных и юридических наук.

Обучение этим дисциплинам также должно начинаться с самого простого. Ребенок должен сначала познакомиться с географией своей страны, затем в самых общих чертах с более отдаленными территориями. Потом ученик знакомится с историей, причем сначала с бытовой. Начинать преподавание надо с самого простого быта, с истории первобытного общества, постепенно рассматривая более совершенные его формы. В ходе изучения курса истории учитель должен показывать, как развивающийся быт порождал социальные и юридические вопросы, а из них развивались науки.

По мнению В.В. Берви-Флеровского, по крайней мере, три последних года в рамках десятилетнего обучения школьник должен знакомиться уже не с географией и историей, а с политическими, экономическими, юридическими науками, посвящая им не менее половины своего времени. Необходимо рассматривать наиболее актуальные проблемы этих дисциплин, сочетая их с общим обзором системы. Такое изучение, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, гораздо лучше систематического, но поверхностного. При этом главное внимание педагога должно быть сосредоточено на том, чтобы объяснять учащимся «тайны ложной аргументации в этих науках, искажения истины путем умолчания», предвзятой группировкой фактов и т.п., чтобы нау-

читать их самостоятельно анализировать факты, не вырывая их из контекста и избегая подтасовок⁷¹⁸.

Отметим, что по мнению В.В. Берви-Флеровского, очень важным стимулом для саморазвития людей является интерес к злободневным проблемам местной жизни. Поэтому он полагал, что даже в рамках народной школы «каждый ученик и каждая ученица должны получить сведения, необходимые для понимания газет»⁷¹⁹.

Согласно В. В. Берви-Флеровскому кроме социально-политического блока дисциплин в общеобразовательной школе нужно изучать еще ряд предметов, которые более-менее часто применяются в повседневной жизни. Они должны тщательно отбираться, чтобы школьникам не пришлось со временем забывать их из-за ненужности. Наука, необходимая человеку только для применения в его профессиональной деятельности, не должна быть предметом общего обучения. Она должна стать предметом специальной школы, представленной на выбор каждому. К числу наук, знание которых необходимо огромному большинству населения, относятся физика, химия, ботаника, механика. В них нуждается как земледелец, так и промышленный работник. Если население будет их знать хотя бы в самых общих чертах, то экономика страны будет развиваться быстрее. Эти науки могут быть включены в программу общеобразовательной школы, если на их изучение будет оставаться время.

Общее образование должно заканчиваться обзором наук и некоторыми сведениями об искусстве ими пользоваться⁷²⁰.

Подобного рода образование должен получить каждый человек, независимо от половой или сословной принадлежности. При этом В.В. Берви-Флеровский утверждал, что дети имеют несомненное право получать его за счет общества и государства. Однако в этом случае обучение детей потребует

⁷¹⁸ Там же. С. 241.

⁷¹⁹ РГАЛИ, Ф. 68, Оп.1, Ед. хр. 10, Л. 1.

⁷²⁰ Берви-Флеровский В. В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние // Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872. С. 242-244.

значительных финансовых затрат. «Мы слышим постоянные жалобы на отсутствие школ, на плохое устройство тех, которые существуют, на недостаток учителей, профессоров, техников и вообще теоретически хорошо образованных людей; но чтобы иметь много школ – нужны деньги; чтобы дать им хорошее устройство – опять деньги, чтобы отвлечь способные головы от других отраслей деятельности и привлечь их к педагогическому труду – нужно дать хорошее вознаграждение за этот труд и пр.»⁷²¹. Земства же на данный момент могут дать народному учителю только мизерное содержание (от 150 до 250 руб. в год), на которое невозможно содержать семью или думать об образовании собственных детей. Увеличить же его оклад, исходя из земского бюджета, невозможно. Отсюда вытекает низкий уровень образования народного учительства⁷²².

На основании ряда исторических примеров, В.В. Берви-Флеровский приходит к следующим выводам: если школа не пользуется «общественным вспомоществованием» она обречена на самое жалкое положение. Однако даже в тех случаях, когда детям предлагают бесплатное образование, многодетные семьи зачастую не имеют возможности отправить детей в школу, поскольку нуждаются в их рабочей силе как в источнике дохода. Принудительные меры в такой ситуации во многом оказываются бессильны⁷²³.

В этом случае, по мнению В.В. Берви-Флеровского, особая роль в деле народного просвещения принадлежит интеллигенции. С одной стороны, она должна своим примером пробудить тягу к интеллектуальному развитию, с другой – создать такие «экономические условия, при которых сын или дочь последнего бедняка могут получить образование. К этой же цели должны быть направлены все общественные учреждения, вся социальная и государственная система народной жизни...». Государство, обеспечивая каждому ребенку возможность получить образование, получает право облагать своих

⁷²¹ Берви-Флеровский В. В. Не лучше ли молчать по этому вопросу? // Дело. 1871. № 2. С. 309.

⁷²² Берви-Флеровский В. В. Заметки земца о земских изданиях и земских приемах // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 252.

⁷²³ Флеровский Н. Право на воспитание и обучение // Дело. 1871. № 3. С. 116-118.

граждан особой податью. Подать в пользу народного образования и подрастающего поколения должна существенно отличаться от всех прочих, она должна если не исключительно, то, по крайней мере, преимущественно падать на высшие и имущие классы⁷²⁴.

Таким образом, В.В. Берви-Флеровский довольно жестко критиковал существовавшую в России второй половины XIX в. систему народного образования. Наиболее серьезные нарекания с его стороны вызывало включение в программу средних учебных заведений изучения древних языков, богословия. Народные школы критиковались им за излишнее увлечение Законом Божьим, а также включением в учебную программу изучения ремесла, нередко в ущерб общим предметам. В.В. Берви-Флеровский полагал, что начальное и среднее образование должно носить общеобразовательный характер, не подменяя собой специальное. Он считал, что образование должно быть в первую очередь научным, направленным на развитие всех способностей учащихся, их самостоятельного мышления.

Кроме того, образование, по крайней мере среднее, должно в обязательном порядке затрагивать актуальные социально-политические проблемы, формировать у молодых людей активную жизненную позицию, учить их строить свою жизненную программу с учетом опыта прошлых поколений.

Народное образование должно, с точки зрения В. В. Берви-Флеровского, носить практический характер, давать знания, которые могут использоваться в практической жизнедеятельности, которые не будут через некоторое время забыты за ненадобностью.

Такое образование должно, по мнению В.В. Берви-Флеровского, быть абсолютно доступным для всех детей независимо от сословной принадлежности их родителей. Иначе говоря, образование должно быть всеобщим и бесплатным. Суммы, необходимые для его развития, В.В. Берви-Флеровский предполагал изыскивать за счет введения особой подати в пользу народного образования и подрастающего поколения, которая должна была целиком или,

---

⁷²⁴ Там же. С. 119-120.

по крайней мере, в пользу народного образования и подрастающего поколения преимущественно взиматься с представителей высших и имущих классов.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, стоит отметить сам факт появления работ мыслителя, посвященных педагогической проблематике, в 1870-1880-е годы. Дело в том, что в 70—80-е годы XIX века педагогическая журналистика практически отходит от рассмотрения народного образования с широких общечеловеческих позиций, обращая большее внимание на практические вопросы⁷²⁵. В.В. Берви-Флеровский же вновь поднимает эту тему, пытаясь привлечь внимание общественности к состоянию дел в народном образовании.

Взгляды В.В. Берви-Флеровского на проблемы развития школьного обучения в общих чертах созвучны воззрениям прочих представителей общественно-педагогического движения этого периода, которых обычно относят к его революционно-демократическому крылу (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Н.В. Шелгунов и пр.). В.В. Берви-Флеровский также выступал за необходимость воспитания учеников в духе гуманизма (воспитание любви к людям вообще и желания быть им полезным); отстаивал всеобщее и бессловное образование; критиковал современную ему образовательную систему за религиозный характер обучения, полагая, что религиозное воспитание и обучение – это дело церкви; отмечал эклектичность и несбалансированность программы общеобразовательной школы. Черты сходства со взглядами, например, Н.Г. Чернышевского обнаруживаются и в отношении В.В. Берви-Флеровского к вопросу о необходимости разграничения общего и специального образования.

Стоит остановиться и на некоторых различиях их представлений. Так В.В. Берви-Флеровский, в отличие, например, от Д.И. Писарева, полагал обязательным элементом образования общественные науки, которые должны

---

⁷²⁵ Пузырева Л. В. О феномене русской педагогической журналистики (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 53-54.

формировать гражданскую позицию учащегося, учить его понимать общее направление развития общества. Главной целью школьного образования он считал не воспитание нового человека, близкого народу и знающего его потребности, революционера-борца⁷²⁶, а человека, способного услышать и понять чужую точку зрения, жить в мире с представителями всех национальностей и всех конфессий. В этом плане представляется, что наиболее близки его взглядам были воззрения Н.В. Шелгунова. С точки зрения современных исследователей Н.В. Шелгунов полагал, что возникновение в России демократического правового государства возможно только при условии формирования у народа общественного гражданского самосознания. Движущей силой развития общества он считал просвещение, передовые идеи, разум, исходя из чего цель школьного образования видел в воспитании гражданина-просветителя, который способен к популяризации знаний в обществе, к просвещению других⁷²⁷.

В целом, стоит отметить, что представления В.В. Берви-Флеровского о научности образования и тот идеал образованного человека, который виделся ему целью школьного образования, вполне укладываются в рамки позитивистской концепции.

***

Результаты реформ 60-х годов XIX в. В.В. Берви-Флеровский оценивает, исходя из своих представлений о развитии человеческого общества. С его точки зрения прогресс возможен только благодаря укоренению в народной среде правильных представлений о счастье, основанном на взаимоотношениях солидарности, и верном понимании смысла человеческого существования. Поэтому особое внимание он уделяет тем возможностям в этой сфере общественной жизни, которые пореформенная Россия приобрела в результате глобальных преобразований 1860-х гг.

⁷²⁶ Смирнов В. З. Очерки по истории прогрессивной русской педагогики XIX века. М., 1963.

⁷²⁷ Розанова Н. Н. Проблема гражданского воспитания в педагогическом наследии Н.В. Шелгунова. Автореф. дисс. ...канд. пед. наук. Смоленск, 2004. С.13.

Главными результатами начавшейся в стране модернизации В.В. Берви считал то, что российское общество, во-первых, получило возможность, участвовать в просвещении и воспитании народа, направленном на формирование толерантного и граждански активного человека, вовлеченного в общественную жизнь; во-вторых, смогло через земства взаимодействовать с правительством в целях достижения в конечном итоге гармонии между интересами отдельной личности и государства; в-третьих, встало на путь осознания необходимости правомочного порядка, т.е. порядка, основанного на соблюдении права отдельной личности. Однако преобразования 1860-х гг. остались, по мнению В.В. Берви-Флеровского, во многом половинчатыми, незавершенными, отчасти в силу отсутствия у правительства опыта глобального реформирования социально-политического устройства страны, отчасти в силу его боязни распространения в общественном сознании «вредных идей социализма и коммунизма» и непониманием главных путей развития социума.

При этом, давая оценку рассматриваемым им реформам, В.В. Берви-Флеровский с одной стороны жестко (хотя и всегда конструктивно) критикует конкретные недостатки их проведения, с другой – пытается осмыслить их результаты и общественную жизнь России в целом с широких философских позиций, что вообще характерно для его индивидуального стиля мышления.

Взгляды В.В. Берви-Флеровского на результаты реформ, адресованные самым широким кругам образованного общества страны, остались во многом не востребованными. Исключением, пожалуй, могут считаться его идеи о необходимости введения свободы слова, которые нашли свое отражение в либеральных публикациях к. XIX- н. XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период середины-второй половины XIX в. в российской истории явился временем крупнейших социально-экономических преобразований. Процессы модернизации, охватившие все области общественной жизни, требовали осмысления целого ряда проблем в социально-экономической, политической и духовной сферах жизнедеятельности общества и вряд ли могли быть осуществлены вне поддержки российских интеллектуалов. Естественным следствием реформирования основных социально-экономических институтов стал подъем общественно-политического движения, охвативший значительную часть образованного общества. Существенную роль в нем играли представители демократического направления общественной мысли, сложившегося на рубеже 1840-1850-х годов. Одним из интереснейших его представителей был тесно связанный с революционным народничеством экономист, социолог, философ и публицист Василий Васильевич Берви-Флеровский (1829-1918 гг.).

Рассмотрение основных этапов деятельности В.В. Берви-Флеровского позволяет оценить его как цельную личность с активной гражданской позицией, с твердыми убеждениями, в соответствии с которыми он пытался строить свои поступки на протяжении всей жизни. Основными чертами его характера были неприятие насилия и стремление к справедливости, которые во многом предопределили основные вехи его биографии. В период пребывания на службе в министерстве юстиции (1849-1862 гг.) В.В. Берви-Флеровский был вполне готов к сотрудничеству с правительством. Его жизненные планы ограничивались стремлением служить закону, занимаясь научной и преподавательской деятельностью, мировоззренческие установки укладывались в русло либеральной оппозиционности.

Выступление в защиту тверских мировых посредников превратило В.В. Берви-Флеровского в лицо политически неблагонадежное, резко изменило его стиль жизни. Близкое знакомство с жизнью ссыльных в период

сначала астраханской, а затем и томской ссылки, с нищетой и бедствиями народа в пореформенной России вызвали у В.В. Берви-Флеровского разочарование в реформаторской деятельности правительства, заставили его задуматься о необходимости отмены частной собственности и установления имущественного равенства.

Общественно-политические воззрения В.В. Берви-Флеровского представляются достаточно сложными, претерпевшими определенную эволюцию. Полностью разделяя позитивистскую доктрину, он полагал, что человечество движется по поступательной линии в направлении идеального общества-организма, основанного на публичной (общественной) собственности на землю и орудия труда, на идеях федеративной демократии, на отношениях солидарности, взаимопомощи и братской любви друг к другу. Пути его достижения В.В. Берви-Флеровский связывал в первую очередь с укоренением в обществе идей, связанных с правильными представлениями о нравственности, счастье и смысле жизни. Особую роль в этом процессе он отводил образованному классу, который должен был способствовать нравственному воспитанию и просвещению народа, постепенно приобщая его к общественной и политической жизни. Государство, ограждая справедливыми законами трудящихся от угнетения, должно провести целый ряд преобразований, которые будут способствовать достижению гармонии между интересами отдельной личности, общества и государственного управления.

С этих позиций В.В. Берви-Флеровский оценивал реформы 1860-х годов как половинчатые. С одной стороны они заложили основы правового общества и гражданского государства, с другой – остались незавершенными из-за неопытности правительства, непонимания им направления общественного развития и боязни распространения в обществе радикальных настроений. При этом, несмотря на жесткую критику проведения реформ, В.В. Берви-Флеровский не преуменьшает их значения и пытается наметить пути их дальнейшего усовершенствования, излагая в своих публикациях проекты последующих преобразований.

Хотя сам В.В. Берви-Флеровский считал себя революционером, взгляды его демонстрируют и определенные черты сходства с либеральной доктриной 1860-х годов. К чертам сходства с воззрениями либералов следует отнести идеи о правительственных реформах как главном инструменте трансформации общественного развития (возможность революции В.В. Берви-Флеровский допускал, но не считал ее обязательно необходимой); о возможности сотрудничества представителей различных общественных слоев (предпринимателей и рабочего класса) как средстве достижения социальной гармонии; о непреходящем значении толерантного восприятия чужого мнения, о необходимости установления правовых отношений в обществе и т.п.

Истоки этой близости стоит искать в конце 1850-х годов, во времени формирования идейного капитала В.В. Берви-Флеровского. Это было время подготовки реформы 1861 г., когда и либералы, и революционеры выступали против абсолютизма, против крепостнических порядков, пытаясь добиться политических свобод, хотя и разными путями⁷²⁸.

В рамках этой критики и теми, и другими широко использовались идеи Просвещения, усвоенные В.В. Берви-Флеровским еще в студенческие годы. Эта общая мировоззренческая основа наряду с опытом непосредственного общения со знаковыми фигурами отечественного либерализма (К.Д. Кавелин, Д.В. Стасов) не могла не повлиять на становление его взглядов.

Политика правительства с его «карательными мерами, направленными против инакомыслящей интеллигенции»⁷²⁹ отталкивала ее представителей от участия в государственной и общественно-политической жизни, приобщая их к революционному движению. Произошло это и с В.В. Берви-Флеровским, общественно-политические взгляды которого весьма в период 1870-х годов весьма близки идеологии революционного народничества.

⁷²⁸ Итенберг Б. С. Революционеры и либералы в пореформенной России // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 28.

⁷²⁹ Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб., 2011. С. 100.

С представителями народничества его сближает целый ряд мировоззренческих установок, уже довольно подробно проанализированных в отечественной литературе (признание особой роли крестьянской общины как зародыша будущего идеального общества; неприятие крупного капиталистического производства, основанного на наемном труде; обоснование возможности самобытного развития России, ответственность обеспеченных слоев общества перед народом и т.д.)⁷³⁰.

Идеи В.В. Берви-Флеровского, изложенные в его наиболее известных книгах «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук», были восприняты российским обществом неоднозначно. Оценки их носили зачастую полярный характер. Наиболее востребованными воззрения ученого оказались в кругах революционно настроенной молодежи. Некоторые из них (бедственное положение народа, необходимость его просвещения, роль общины, социалистические идеалы и т.п.) по сути «присваивались» молодыми людьми, рассматриваясь как абсолютная истина, не нуждающаяся в доказательствах; некоторые (необходимость введения свободы речи, критика современного законодательства и т.п.) – использовались в чисто утилитарных целях – для пропаганды; некоторые (идея терпимости) – оставались за рамками их внимания.

К концу XIX в. характер восприятия идей В.В. Берви-Флеровского народниками меняется. Оно становится более селективным, направленным на утилитарные, пропагандистские потребности. Иерархия идей, выстроенная самим В.В. Берви-Флеровским, отчетливо не совпадает с той иерархией, которая сложилась в восприятии его окружения.

Морально-этические представления В.В. Берви-Флеровского (представления о смысле жизни, о счастье как отношениях солидарности и т.п.), несмотря на резко отрицательную правительственную оценку, были воспри-

---

⁷³⁰ Заблоцкий В. П. В. В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении. Автореф. канд ист.наук. Днепрпетровск, 1990. С. 15.

няты более широкими общественными слоями. Произведя значительное впечатление на представителей творческой интеллигенции, они нашли свое отражение в образах художественной литературы, после чего начали свое движение во времени и пространстве уже совершенно независимо от их создателя. Народническая молодежь, которой в первую очередь и адресовались эти идеи В.В. Берви-Флеровского, широко использовала их для самообразования и воспитания нравственности будущих революционеров.

Взгляды В.В. Берви-Флеровского на результаты реформ, адресованные самым широким кругам образованного общества страны, включая и правительство, остались во многом невостребованными. Исключением, пожалуй, могут считаться его идеи о необходимости введения свободы слова и создания правомочного порядка, которые нашли свое отражение в либеральных публикациях к. XIX- н. XX вв.

Тем не менее, можно утверждать, что в начале 1870-х гг. складывается интеллектуальная сеть, в рамках которой осуществлялась трансляция идей В.В. Берви-Флеровского. Охватывала она не только столицы, но и целый ряд провинциальных городов. Формы трансляции носили как публичный, так и агитационно-прокламационный характер. К основным публичным каналам распространения идей В.В. Берви-Флеровского можно причислить легально издаваемые им научные работы и публицистические статьи в прессе, его художественные произведения. К агитационно-прокламационным каналам трансляции относится просветительская деятельность ученого, включающая в себя чтение им лекций участникам молодежных революционных кружков и пропаганду своих взглядов в крестьянской среде, нелегальные издания. Кроме того, взгляды В.В. Берви-Флеровского транслировались и без его непосредственного участия, во-первых, представителями народнической молодежи через распространение его запрещенных книг среди кружковцев, во-вторых, через тиражирование художественной литературы (произведения Л.Н. Толстого, В.М. Гаршина, В.Г. Короленко, А.М. Горького), в которой нашли отражение образ самого В.В. Берви-Флеровского и его идей (Симон-

сон в романе «Воскресенье» Л.Н. Толстого, М. Рыбин в повести «Мать» А.М. Горького).

Несмотря на это, и сам В.В. Берви-Флеровский, и многие высказанные им идеи оказались забыты современниками. Настоящий отклик воззрения ученого нашли лишь в более поздние периоды истории, о чем свидетельствует непрекращающееся обращение к его личности и работам современных исследователей самых разных направлений гуманитарного знания.

В заключение стоит отметить, что дальнейшее изучение личности В.В. Берви-Флеровского и других лидеров общественного движения пореформенного периода в контексте социально-культурного пространства XIX в. представляется перспективным. Оно позволит не только сместить исследовательский акцент с их революционной, политической и прочей деятельности на интеллектуальную, но и выйти на проблему формирования разнонаправленного культурного и интеллектуального поля, в котором те или иные идеи трансформировались в зависимости от прагматических, интеллектуальных и мыслительных способностей представителей различных социальных групп. Отдельные аспекты этой темы могут быть вписаны в перспективе и в контекст современного интеллигентоведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Опубликованные источники

Произведения В.В. Берви-Флеровского

1. Берви, В. В. Очерк судебного управления в Англии [Текст] / В. В. Берви // Журнал министерства юстиции. – 1859. – № 9 (сент.). – С. 63-120.
2. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 3. – С. 134-182.
3. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 4. – С. 144-166.
4. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 6. – С. 160-168.
5. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 7-8. – С. 110-126.
6. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 9. – С. 167-173.
7. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1916. – № 1. – С. 202-221.
8. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1916. – № 2. – С. 82-108.
9. Берви, В. В. Воспоминания [Текст] / В. В. Берви // Голос минувшего. – 1916. – № 5-6. – С. 251-285.
10. Берви, В. В. Несколько слов о ходатаях по делам [Текст] / Берви В. В. // Юридический вестник. – 1860-1861. – Вып. 6. – С. 1-9.
11. Берви, В. В. Обращение к г. Чичерину, по поводу вступительной лекции, прочитанной им в Московском университете, и отпечатанной в

- «Московских ведомостях» [Текст] / В. В. Берви // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861. – 24 нояб. (№ 261).
12. Берви-Флеровский, В. В. Мирабо, его жизнь и общественная деятельность [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. и литогр. В. А. Тиханова, 1894. – 78 с.
13. Берви-Флеровский, В. В. Азбука социальных наук [Текст]: в 3 ч. Ч. 1 / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. В. Нусвальта, 1871. – 299 с.
14. Берви-Флеровский, В. В. Азбука социальных наук [Текст]: в 3 ч. Ч. 2 / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. В. Нусвальта, 1871. – 194 с.
15. Берви-Флеровский, В. В. Азбука социальных наук. Современная западно-европейская цивилизация. Греко-римская цивилизация, средние века, возрождение наук [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – Лондон, 1894. – 208 с.
16. Берви-Флеровский, В. В. Азбука социальных наук. XVII-XVIII века современной западно-европейской цивилизации [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – Лондон, 1894. – 130 с.
17. Берви-Флеровский, В. В. Азбука социальных наук. XIX век современной западно-европейской цивилизации [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – Лондон, 1894. – 235 с.
18. Берви-Флеровский, В. В. Галатов [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Русская речь. – 1879. – № 1. – С. 91-117.
19. Берви-Флеровский, В. В. Забытая история [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Русская речь. – 1880. – № 8. – С. 200-360.
20. Берви-Флеровский, В. В. Заметки земца о земских изданиях и земских приемах [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Берви-Флеровский В. В. Избранные произведения : в 2 т. Т.2. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – С. 228-332.
21. Берви-Флеровский, В. В. Записки революционера-мечтателя [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – М.-Л. : Молодая гвардия, 1929. – 231 с.

22. Берви-Флеровский, В. В. Зауральский рабочий [Текст] В. В. Берви-Флеровский // Дело. – 1868. – № 2. – С. 166-196.
23. Берви-Флеровский, В. В. Земледелец степной полосы между Уралом и Волгой [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Дело. – 1867. – № 9. – С. 63-81.
24. Берви-Флеровский, В. В. Земледелец черноземной полосы [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Дело. – 1867. – № 10. – С. 290-316.
25. Берви-Флеровский, В. В. Исследования по текущим вопросам [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Типография В. Нусвальта, 1872. – 248 с.
26. Берви-Флеровский, В. В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов [Текст] : в 3 ч. Ч. 1 / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. В. Белогубова, 1877. – 211 с.
27. Берви-Флеровский, В. В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов [Текст] : в 3 ч. Ч. 2 / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. В. Белогубова, 1877. – 235 с.
28. Берви-Флеровский, В. В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов [Текст] : в 3 ч. Ч. 3 / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. В. Белогубова, 1877. – 190 с.
29. Берви-Флеровский, В. В. Наши великие экономические вопросы // Русская мысль. – 1881. – № 1. – С. 228-252.
30. Берви-Флеровский, В. В. Наши великие экономические вопросы // Русская мысль. – 1881. – № 5. – С. 79-104.
31. Берви-Флеровский, В. В. Не лучше ли молчать по этому вопросу? [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Дело. – 1871. – № 2. – С. 307-330.
32. Берви-Флеровский, В. В. Оглянемся назад [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Отечественные записки. – 1876. – № 5. – С. 144-147.
33. Берви-Флеровский, В. В. Работник-бродяга [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Невский сборник. – 1867. – № 1. – С. 265-295.

34. Берви-Флеровский, В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Типография Н. Неключдова, 1869. – С. 254.
35. Берви-Флеровский, В. В. Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина [Текст] / В. В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. В. А. Полетики, 1878. – 210 с.
36. Берви-Флеровский, В. В. Философия Стеша [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Устой. – 1882. – № 7-8. – С. 111- 156.
37. Берви-Флеровский, В. В. Философское основание права на взимание податей [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Исследования по текущим вопросам. – СПб. : Типография В. Нусвальта, 1872. – С. 1-63.
38. Берви-Флеровский В.В. Школа и умственное движение. Их значение и современное состояние [Текст] / В. В. Берви-Флеровский // Исследования по текущим вопросам. – СПб. : Типография В. Нусвальта, 1872. – С. 112-245.
39. Навалихин, Н. Смягчающие формы прогресса [Текст] / Н. Навалихин // Дело. – 1870. – № 7. – С. 160-180.
40. Навалихин, Н. Современное обозрение [Текст] / Н. Навалихин // Дело. – 1871. – № 6. – С. 1-36.
41. Флеровский, Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года [Текст] / Н. Флеровский // Наблюдатель. – 1884. – № 12. – С. 24-37.
42. Флеровский, Н. (В. В. Берви). (Краткая автобиография) [Текст] / Н. Флеровский // Русская мысль. – 1905. – № 5. – С. 138-150.
43. Флеровский, Н. Критика основных идей естествознания [Текст] / Н. Флеровский. – СПб. : Тип. Монтвида, 1904. – 518 с.
44. Флеровский, Н. Положение рабочего класса в России [Текст] / Н. Флеровский // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения : в 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – 618 с.

45. Флеровский, Н. Право на воспитание и обучение [Текст] / Н. Флеровский // Дело. – 1871. – № 3. – С. 101-120.
46. Флеровский, Н. Причины застоя в общественной жизни [Текст] / Н. Флеровский // Дело. – 1871. – № 1. – С. 250-282.
47. Флеровский, Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III [Текст] / Н. Флеровский. – Лондон, 1897. – 543 с.

Другие источники

1. Аптекман, О. В. Флеровский-Берви и кружок Долгушина [Текст] / О. В. Аптекман // Былое. – 1922. – № 18. – С. 58-78.
2. Аптекман, О. В. Берви-Флеровский и чайковцы [Текст] / О. В. Аптекман // Былое. – 1922. – № 19. – С. 119-134.
3. Арсеньев, К. К. Из далеких воспоминаний [Текст] / К. К. Арсеньев // Голос минувшего. – 1913. – № 1. – С. 161-170.
4. Берви, Е. И. Из моих воспоминаний [Текст] / Е. И. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 5. – С. 122-142.
5. Берви, Е. И. Из моих воспоминаний [Текст] / Е. И. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 6. – С. 169-186.
6. Берви, Е. И. Из моих воспоминаний [Текст] / Е. И. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 7-8. – С. 127-142.
7. Берви, Е. И. Из моих воспоминаний [Текст] / Е. И. Берви // Голос минувшего. – 1915. – № 9. – С. 174-193.
8. Дейч, Л. Г. За полвека [Текст] / Л. Г. Дейч. – М.; Л. : Госиздат, 1926. – 279 с.
9. Маркс К. Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих – членам Комитета русской Секции в Женеве [Текст] / К. Маркс, Ф.

- Энгельс. – 2-е изд. // Собрание сочинений. М. : Политиздат. 1960. – Т. 16. – С. 427-428.
10. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия [Текст] / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1967. – 837 с.
11. Корнилова-Мороз, А. И. Перовская и кружок чайковцев [Текст] / А. И. Корнилова-Мороз // Революционеры 1870-х годов. – Л. : Лениздат, 1986. – С. 56-85.
12. Короленко, В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма [Текст] / В. Г. Короленко. – М. : Советская Россия, 1988. – 416 с.
13. Пантелеев, Л. Ф. Воспоминания [Текст] / Л. Ф. Пантелеев. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 848 с.
14. Рецензия на «Свободу речи, терпимость и наши законы о печати» [Текст] // Вестник Европы. – 1869. – № 10. – С. 937-948.
15. Сажин, М. П. Воспоминания 1860-1880-х гг. К восьмидесятилетию (1845-1925) бакуниста М. П. Сажина (Арман Росс) [Текст] / М. П. Сажин. – М. : Главлит, 1925. – 143 с.
16. Синегуб, С. С. Воспоминания чайковца (фиктивный брак) [Текст] / С. С. Синегуб // Революционеры 1870-х годов. – Л. : Лениздат, 1986. – С. 111-136.
17. Чарушин, Н. А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х гг. XIX в. [Текст] / Н. А. Чарушин. – М. : Мысль, 1973. – 408 с.
18. Шелгунов, Н. В. Воспоминания [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. А. Михайлов. – М. : Художественная литература, 1967. – 506 с.
19. Янишевский, Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента [Текст] / Э. П. Янишевский // Волжский вестник. – 1893. – № 4. – С. 2-3.
20. Янишевский, Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента [Текст] / Э. П. Янишевский // Волжский вестник. – 1893. – № 11. – С. 1.

21. Янишевский, Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента
[Текст] / Э. П. Янишевский // Волжский вестник. – 1893. – № 13. – С. 2.
22. Янишевский, Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента
[Текст] / Э. П. Янишевский // Волжский вестник. – 1893. – № 17. – С. 2-3.
23. Янишевский, Э. П. Из воспоминаний старого казанского студента
[Текст] / Э. П. Янишевский // Волжский вестник. – 1893. – № 20. – С. 2.

Неопубликованные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Фонд 109 – Фонд III Отделения собственной его императорского величества канцелярии
Оп. 37. Д. 139.
Оп. 158. Д. 414.1, 414.3, 414.5.
Фонд 5805 (Фонд Н. В. Чайковского)
Оп. 2. Д. 154, 156.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА).
Фонд 1343 – Фонд департамента геральдии Правительствующего Сената
Оп. 7. Д. 2987.
Фонд 1405 – Фонд Министерства юстиции
Оп. 47. Д. 7439;
Оп. 534. Д. 589.
Фонд 776 – Фонд Главного Управления по делам печати
Оп. 11. Д. 65, 125, 155.
Фонд 777 – Фонд Санкт-Петербургского цензурного комитета
Оп. 3. Д. 75.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Фонд 68 – Фонд В. В. Берви-Флеровского
Оп. 1. Ед. хр. 10, 30.
Ф. 280 – Фонд Е. П. Летковой-Султановой

Оп. 1. Ед. хр. 45.

Ф. 2167 – Фонд А. С. Пругавина

Оп. 2. Ед. хр. 65.

4. Державный архив Донецкой области (ДО ГА).

Фонд 318 – Коллекция документов о В. В. Берви-Флеровском

Оп. 1. Д. 2, 19.

Литература

1. Абрамович, О. Предисловие [Текст] / О. Абрамович // Положение рабочего класса в России / Н. Флеровский. – М. : Соцэкгиз, 1938. – С. 5-24.
2. Абрамович, О. Экономические взгляды В. В. Берви-Флеровского [Текст] / О. Абрамович // Проблемы экономики. – 1937. – № 1. – С. 127-142.
3. Алеврас, Н. Н. Диссертация в творческой биографии ученого-историка сквозь призму эго-документов. Рубеж XIX-XX веков [Текст] / Н. Н. Алеврас // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы междунар. форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана; Казань, 13-15 нояб. 2013 г. / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. – Казань : Яз, 2013. – С. 258-261.
4. Антонова, Т. В. Издания Н. П. Полякова в революционном подполье 1870-х годов [Текст] / Т. В. Антонова // Исторические записки. – М. : Наука, 1985. – Вып. 112. – С. 71-97.
5. Аптекман, О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям [Текст] / О. В. Аптекман. – Петроград : Колос, 1924. – 460 с.
6. Аптекман, О. В. В. В. Берви-Флеровский (по материалам III отделения и Д. Г. П.) [Текст] / О. В. Аптекман. – Л. : Колос. – 1925. – 191 с.
7. Арсеньев, К. К. Законодательство о печати [Текст] / К. К. Арсеньев. – СПб. : Типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. – 263 с.

8. Арсланов, Р. А. Кавелин Константин Дмитриевич [Текст] // Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Д-К / Р. А. Арсланов; гл. ред. В. Л. Янин. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1996. – С. 421-423.
9. Ашмарина, С. В. Берви-Флеровский В. В. [Текст] / С. В. Ашмарина // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 44-46.
10. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства [Текст] / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 415 с.
11. Бентам, И. Тактика законодательных собраний [Текст] / И. Бентам. – Челябинск : Социум, 2006. – 199 с.
12. Биличенко, Н. А. Образ Симонсона в романе Л. Н. Толстого «Воскресенье» [Текст] / Н. А. Биличенко // Русская литература. – 1972. – № 4. – С. 161-165.
13. Бушканец, Е. Г. Из истории общественно-политической мысли в Казанском университете в I половине XIX в. [Текст] / Е. Г. Бушканец, Г. Н. Вульфсон // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1956. – Т. 116. – Кн. 5. – С. 273-275.
14. Бушуев, С. Рецензия на книгу Флеровского [Текст] / С. Бушуев // Историк-марксист. –1938. – № 5. – С. 203-204.
15. Бык, Е. С. Памяти нашего знатного земляка [Текст] / Е. С. Бык // Соц. Донбасс. – 1945. – 18 мая.
16. Верещагин, А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты) [Текст] / А. Н. Верещагин. – М. : Международные отношения, 2002. – 192 с.
17. Вишленкова, Е. А. «Воспроизводство себе подобных» в российском университете первой половины XIX века: препринт WP6/2011/04 [Электронный ресурс] / Е. А. Вишленкова, К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».- М. : Высшая школа экономики, 2011. – 52 с. – Режим доступа: //

https://www.hse.ru/data/2011/09/15/1267531209/WP6_2011_04.pdf (дата обращения 23.02.2014)

18. Водолазко, В. Н. Социально-экономические проблемы Олонецкой губернии и Русского Севера в трудах В. В. Берви-Флеровского [Текст] / В. Н. Водолазко // Вопросы истории Европейского Севера. Историография и источниковедение. – Петрозаводск, 1979. – С. 108-121.
19. Горбачева, Н. Г. Дореволюционная историография земского самоуправления в России [Текст] / Н. Г. Горбачева // Вестник Пермского университета. История. – 2008. – Вып. 7 (23). – С. 46-54.
20. Гордон, А. В. Великая французская революция в советской историографии [Текст] / А. В. Гордон. – М. : Наука, 2009. – 380 с.
21. Градовский, А. Д. «О свободе русской печати (посмертное издание)» [Текст] / А. Д. Градовский. – СПб. : Тип. П.П. Гершунина и К, [190-]. – 168 с.
22. Грищенко, О. Н. «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского (опыт историософии) [Текст] : автореф. дисс. ... канд. философ. наук / О. Н. Грищенко. – М., 1993. – 25 с.
23. Грищенко, О. Н. В. В. Берви-Флеровский о смысле жизни [Текст] / О. Н. Грищенко // Социальная теория и современность. О смысле жизни. М., 1992. – С. 117-124.
24. Грищенко, О. Н. О Гартмане в России. Э Гартман и В. В. Берви-Флеровский [Текст] / О. Н. Грищенко // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. «Вехи» и «веховцы». Русские мыслители и западные традиции. – М., 1992. – Вып. VII. – С. 167-176.
25. Грищенко, О. Н. Письма В. В. Берви-Флеровского П. Л. Лаврову [Текст] / О. Н. Грищенко // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. XIX век. Неизвестное, забытое... – М., 1993. – Вып. XII. – С. 54-62.
26. Грищенко, О. Н. Последние работы В. В. Берви-Флеровского [Текст] / О. Н. Грищенко // Отечественная философия: опыт, уроки, ориентиры ис-

- следования. XX век. Неизвестное, забытое ... – М., 1993. – Вып. X. – С. 8-41.
27. Грищенко, О. Н., Емельянова Т.Н. В. В. Берви-Флеровский и его философские взгляды [Текст] / О. Н. Грищенко, Т. Н. Емельянова. – Красноярск : Изд-во «Экспресс-Офсет», 2008. – 136 с.
28. Гусев, В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX – начала XX в. [Текст] / В. Е. Гусев. – М.- Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – 177 с.
29. Добровольский, Л. М. Запрещенные и уничтоженные книги В. В. Берви-Флеровского [Текст] / Л. М. Добровольский // Литературное наследство. – 1933. – № 7-8. – С. 163-180.
30. Дружинин, Н. М. Исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского [Текст] / Н. М. Дружинин // Проблемы истории общественного движения и историографии. – М. : Наука, 1971. – С. 312-329.
31. Евланников, В. П. Теория революции в социологии В. В. Берви-Флеровского [Текст] : автореф. дисс. ... канд. философ. наук / В. П. Евланников. – СПб., 1992. – 20 с.
32. Егоров, Б. Ф. В. В. Берви-Флеровский как утопист [Текст] / Б. Ф. Егоров // Отечественная история и историческая мысль в России XIX –XX веков. – СПб. : Издательство «Нестор-История», 2006. – С. 218-222.
33. Егоров, Б. Ф. Петрашевцы [Текст] / Б. Ф. Егоров. – Л. : Наука, 1988. – 258 с.
34. Емельянова, И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета, 1805-1917 год: очерки [Текст] / И. А. Емельянова. – Казань : УНИПРЕСС, 1988. – 149 с.
35. Емельянова, И. А. Юридический факультет Казанского университета в 40-50-е годы XIX века [Текст] / И. А. Емельянова // Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 83-89.

36. Ермилова, Г. Г. «Вечные вопросы в романе В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» [Текст] / Г. Г. Ермилова // Поэтика писателя и литературный процесс. Тюмень, 1988. – С. 39-47.
37. Есин, Б. И. Демократический журнал «Дело» (1866-1884) [Текст] / Б. И. Есин. – М. : МедиаМир, 2008. – 192 с.
38. Жуков, И. Судьба поднадзорного демократа [Текст] / И. Жуков // Северная правда. – 1969. – 21 нояб.
39. Заблоцкий, В. П. В. В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении [Текст] : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / В. П. Заблоцкий. – Днепропетровск, 1990. – 18 с.
40. Загоскин, Н. П. Биографический словарь профессоров императорского Казанского Университета [Текст] / Н. П. Загоскин. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 455 с.
41. Захарина, В. Ф. Голос революционной России (Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. «Издания для народа») [Текст] / В. Ф. Захарина. – М. : Мысль, 1971. – 238 с.
42. Зеленин, Ю. А. Советская историография классического народничества в России [Текст] : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Ю. А. Зеленин. – Барнаул, 2001. – 24 с.
43. Зиновьева, М. Д. Роман В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» [Текст] / М. Д. Зиновьева // Русская литература. – 1967. – № 3. – С. 174-183.
44. Итенберг, Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении [Текст] / Б. С. Итенберг. – М. : Наука, 1988. – 302 с.
45. Казанский университет, 1804-1979 (Очерки истории) [Текст]. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 304 с.
46. Каменев, Л. Б. Маркс о Флеровском [Текст] Л. Б. Каменев // Литературное наследство. – 1931. – № 2. – С. 55-60.

47. Каминский, В. И. «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского как художественно-публицистическое произведение [Текст] / В. И. Каминский // Русская литература. – 1962. – № 4. – С. 86-109.
48. Каминский, В. И. В. В. Берви-Флеровский в русском общественно-литературном движении 79-80-х годов [Текст] / В. И. Каминский // Из истории русских литературных отношений XVIII-XIX вв. – М.- Л., 1959. – С. 256-265.
49. Кан, Г. С. «Народная воля»: идеологи и лидеры [Текст] / Г. С. Кан. М. : Пробел. – 1997. – 196 с.
50. Кельнер, В. Е. Книжное дело и идейно-политическая борьба в России в 70-е – начале 80-х гг. XIX в. [Текст] / В. Е. Кельнер // Общественная мысль в России XIX в. : тр. ЛОИИ СССР. – Л. : Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1986. – Вып. 16. – С. 181-189.
51. Клевенский, М. Предисловие [Текст] / М. Клевенский // Записки революционера-мечтателя. – М. - Л. : Молодая гвардия, 1929. – С. 3-8.
52. Козьмин, Б. П. Долгушинский кружок в истории русского революционного движения [Текст] / Б. П. Козьмин // Кункль А. А. Долгушинцы. – М., 1931. – С. 7-21.
53. Корбут, М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30 [Текст] / М. К. Корбут. –Т. 1. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1930. – С. 209.
54. Кривошеева Е. «Настоящее открытие для Европы...» // [Текст] / Е. Кривошеева // Разыскания. Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 7-12.
55. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых [Текст]. – СПб. : Семёновская типо-литография, 1892. – С. 17-20.
56. Кункль, А. А. Долгушинцы [Текст] / А. А. Кункль. – М. : Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. – 246 с.
57. Ландкоф, С. А. Дмитрий Иванович Мейер (1819-1856) [Текст] / С. А. Ландкоф // Ученые записки Казанского государственного университета

- им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1954. – Т. 114. – Кн. 9. – С. 185-201. – (Юбилейный сборник (1804-1954).
58. Левин, Ш. М. Общественное движение в России 60-70-е годы XIX века [Текст] / Ш. М. Левин. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 512 с.
59. Легкий, Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи [Текст] / Д. М. Легкий. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2011. – 424 с.
60. Ляхов, П. А. К 100-летию книги Берви-Флеровского [Текст] / П. А. Ляхов // Вопросы истории. – 1969. – № 12. – С. 202-206.
61. Макушин, Л. М. Берви-Флеровский и его книга «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» [Текст] / Л. М. Макушин // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, авг. 2002 г. Екатеринбург, 2002. – С. 160-179.
62. Макушин, Л. М. Цензурный режим и журналистика: От «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г. [Текст] : в 2 кн. Кн. 2 / Л. М. Макушин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2009. – С. 126.
63. Малинин, В. А. Философия революционного народничества [Текст] / В. А. Малинин. – М. : Наука, 1972. – 338 с.
64. Малиновский, Н. А. Проект земельной реформы Флеровского [Текст] / Н. А. Малиновский // Русская мысль. – 1906. – № 2. – С. 97-117.
65. Малиновский, Н. А. Не пора ли вспомнить? [Текст] / Н. А. Малиновский // Русская мысль. – 1905. – № 5. – С. 126-132.
66. Мельгунов, С. Независимые русские писатели [Текст] / С. Мельгунов // Голос минувшего. – 1916. – № 5-6. – С. 401-402.
67. Мещеряков, В. П. Две судьбы (В. В. Берви-Флеровский и М. Н. Катков в годы первой революционной ситуации в России) [Текст] / В. П. Мещеряков // Русская литература. – 1979. – № 3. – С. 172-183.

68. Милевский, О. А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни [Текст] / О. А. Милевский. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. – 496 с.
69. Михайлов, Б. Г. В. В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России [Текст] / Б. Г. Михайлов // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 3. – С. 465-474.
70. Михайлов, Б. Г. Предвестники бури. Очерки о революционных народниках-вологжане [Текст] / Б. Г. Михайлов. – Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1977. – 119 с.
71. Михайлов, Б. Г. Революционное движение и политическая ссылка на Европейский Север России в 60-70-х гг. XIX в. [Текст] : автореф. дисс. ... док. ист. наук / Б. Г. Михайлов. – Саратов, 1984. – 26 с.
72. Монин, Я. М. В поисках истины (О В. В. Берви-Флеровском) [Текст] / Я. М. Монин. – СПб. : Издательство «Сударыня», 2009. – 248 с.
73. Мудров, А. И. В. В. Берви-Флеровский о реакционной сущности религии [Текст] / А. И. Мудров // XXIV съезд КПСС и проблемы общественного прогресса. – Иваново, 1973. – С. 129-136.
74. Мудров, А. И. О философских взглядах В. В. Берви-Флеровского. Научные доклады высшей школы [Текст] / А. И. Мудров // Философские науки. – 1959. – № 3. – С. 182-191.
75. Мудров, А. И. Философские и общественно-политические взгляды В. В. Берви-Флеровского [Текст] : автореф. дисс. ... канд. философ. наук / А. И. Мудров. – М., 1958. – 14 с.
76. Народническая экономическая литература [Текст] : избранные экономические произведения [Текст] / под ред. Н. Каратаева. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – 680 с.
77. Никифоров, Л. П. Василий Васильевич Берви-Флеровский [Текст] / Л. П. Никифоров // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. – 1914. – № 5. – С. 141-145.
78. Пругавин, А. Две биографии (Из истории русской литературы) [Текст] / А. Пругавин // Русские ведомости. – 1910. – № 2.

79. Новополин, Г. Затерянная могила [Текст] / Г. Новополин // Диктатура труда. – 1929. – № 8. – С. 5.
80. Новополин, Г. Затрачена могила [Текст] / Г. Новополин // Зоря. – 1929. – № 9. – С. 25-26.
81. Новополин, Г. Рукописи из архива Н. Флеровского (В. В. Берви) [Текст] / Г. Новополин // Литературное наследство. – 1933. – № 7-8. – С. 435-436.
82. Окулов, А. Ф. Философские и общественно-политические взгляды В. В. Флеровского [Текст] / А. Ф. Окулов // Очерки по философской и общественно-политической мысли народов СССР. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1956. – Т. 2. – С. 371-379.
83. Очерки истории исторической науки в СССР [Текст]. Ч. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 862 с.
84. Пантин, И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопий к науке [Текст] / И. К. Пантин. – М. : Политиздат, 1973. – 362 с.
85. Пантин, И. К. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. [Текст] / И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. – М. : Мысль, 1986. – 343 с.
86. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями [Текст]. – М. : Госполитиздат, 1951. – 376 с.
87. Пинаев, М. Т. М. Горький и В. В. Берви-Флеровский [Текст] / М. Т. Пинаев // Русская литература. – 1974. – № 3. – С. 206-215.
88. Пинаев, М. Т. Мысль, чувство и дело «рациональных идеалистов» В. В. Берви-Флеровского в романе «На жизнь и смерть» // Русские писатели и народничество. – Горький : Горьковский гос. университет, 1977. – Вып. 2. – С. 42-57.
89. Плакида, М. М. Бесстрашный труженик [Текст] / М. М. Плакида. – Сталино : Кн. изд-во Сталино-Донбасс, 1960. – 393 с.
90. Плакида, М. М. В. В. Берви-Флеровский [Текст] / М. М. Плакида // Донбасс. – 1959. – № 4 (42). – С. 110-116.
91. Плакида, М. М. В. В. Берви-Флеровский как драматург [Текст] / М. М. Плакида // Донбасс. – 1960. – № 4 (48). – С. 131-135.

92. Плакида, М. М. Экономические взгляды В. В. Берви-Флеровского [Текст] : автореф. дисс. ... канд. экон. наук / М. М. Плакида. – Жданов, 1962. – 14 с.
93. Подоров Г. М. Жизнь и творчество В. В. Берви-Флеровского [Текст] / Г. М. Подоров // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения в двух томах. Т.1. – М.: Изд-во социально-экономич. лит-ры, 1958. – С. 5-30.
94. Подоров, Г. М. Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского [Текст] / Г. М. Подоров. – М.: Госполитиздат, 1952. – 236 с.
95. Прибутько, П. С. Философские вопросы революции, войны и мира в мировоззрении В. В. Берви-Флеровского [Текст] : автореф. дисс. ... канд. философ. наук / П. С. Прибутько. – Киев, 1983. – 20 с.
96. Приленский, В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов [Электронный ресурс] / В. И. Приленский. Ч. 1. – М., 1994. – 312 с. – Режим доступа : <http://philosophy.ru/iphras/library/prilensk.html> (дата обращения 24.02.2014).
97. Прохоров, Е. П. Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX в. [Текст] / Е. П. Прохоров // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – М., 2003. – № 4. – С. 90-100.
98. Пругавин А. Забытый литературный ветеран // Русские ведомости. – 1912. – №. 27.
99. Пругавин, А. С. Две биографии [Текст] / А. С. Пругавин // Русские ведомости. – 1910. – № 2.
100. Рабинович, Г. Х. В. В. Берви-Флеровский в Томске [Текст] Г. Х. Рабинович // Томску – 375 лет. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. – С. 68-78.
101. Рабинович, М. Д. К. Маркс о В. В. Берви-Флеровском [Текст] / М. Д. Рабинович // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. – М. : Советская Россия, 1974. – С. 41-49.

102. Революционная ситуация в России в середине XIX века (коллективная монография) [Текст] / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Наука. – 439 с.
103. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика [Текст] / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.
104. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня [Текст] / под ред. Л. П. Репиной. М. : Круг, 2005. – С. 55-74.
105. Реуэль, А. Л. Русская экономическая мысль 60-70-х годов XIX века и марксизм [Текст] / А. Л. Реуэль. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 423 с.
106. Рецензия на «Свободу речи, терпимость и наши законы о печати» [Текст] // Вестник Европы. – 1869. – № 10. – С. 937-948.
107. Рощевская, Л. П. Северная деревня в работах Н. В. Шелгунова и В. В. Берви-Флеровского (по материалам журнала «Дело») [Текст] / Л. П. Рощевская // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). – Сыктывкар: Изд-во Сыктывк-го ун-та, 1981. – С. 13-23.
108. Рудницкая, Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать: 1964-1973 [Текст] / Е. Л. Рудницкая. – М. : Наука, 1984. – 328 с.
109. Румянцев, П. П. Политические ссылки на службе у сибирских золотопромышленников в XIX в. [Текст] / П. П. Румянцев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4 (20). – С. 121-125.
110. Русский биографический словарь [Текст] : в 25 т. Т. 2. – СПб, 1900. – 796 с.
111. Рязанов, Д. Б. Письмо Флеровского К. Марксу /предисловие/ [Текст] / Д. Б. Рязанов // Летописи марксизма. – 1929. – IX-X. – С. 55-57.

112. Рязанцев, Т. С. В. В. Флеровский в русском революционном движении [Текст] / Т. С. Рязанцев // Ученые записки Коми гос. пед. ин-та. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 6. – С. 81-108.
113. Рязанцев, Т. С. Философские взгляды В. В. Флеровского [Текст] / Т. С. Рязанцев // Ученые записки Коми гос. пед. ин-та. – Сыктывкар, 1960. – Т.10. – С. 83-121.
114. Рязанцев, Т. С. Социально-политические взгляды В. В. Флеровского [Текст] / Т. С. Рязанцев // Некоторые вопросы теории и истории общественного сознания : Науч. тр. Москов. гос. заоч. пед. ин-та. – М., 1976. – Вып. 49. – С.63-76.
115. Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в. [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Т. А. Сабурова; Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2006. – 42 с.
116. Савинов, Д. Его ценил Маркс [Текст] / Д. Савинов // Волга. – 1966. – 6 июля.
117. Салов, О. Местное самоуправление в истории общественно-политической мысли [Текст] / О. Салов // Власть. – 2007. – № 12. – С. 93-97.
118. Сельчук, В. В. Рабочий вопрос в России в публицистике 60-х годов XIX в. [Текст] / В. В. Сельчук // Из истории рабочего класса и революционного движения. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 224-239.
119. Скакун, О. Ф. Политические и правовые идеи революционного народничества [Текст] / О. Ф. Скакун // Советское государство и право. –1984. – № 5. – С. 94-99.
120. Таратута, Е. А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель [Текст] / Е. А. Таратута. – М. : Худож. лит., 1973. – 544 с.
121. Теодорович, И. А. Кем же, наконец, были долгушинцы (К 60-летию кружка долгушинцев) [Текст] / И. А. Теодорович // Каторга и ссылка. – 1933. – № 2. – С. 7-36.

122. Толстяков, А. П. Люди мысли и добра. Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков [Текст] / А. П. Толстяков. – М. : Книга, 1984. – 255 с.
123. Томсинов, В. А. Василий Васильевич Берви: правовед и революционер (1829-1918) [Текст] / В. А. Томсинов // Законодательство . – 2001. – № 2. – С. 79-84.
124. Томсинов, В. А. Российские правоведы XVIII-XIX веков: Очерки жизни и творчества [Текст] : 2-х т. Т. 1. / В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 2007. – 672 с.
125. Томсинов, В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй половине XIX века [Текст] : учеб. пособие / В. А. Томсинов. – М. : Зерцало-М, 2010. – 336 с.
126. Торопов, М. В. Правовая культура либеральной российской профессуры в 1860-1870-е годы [Текст] : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / М. В. Торопов. – М., 2011. – 28 с.
127. Троицкий, Н. А. Крестоносцы социализма [Текст] / Н. А. Троицкий. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2002. – 372 с.
128. Троицкий, Н. А. Первые из блестящей плеяды [Текст] / Н. А. Троицкий. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1991. – 314 с.
129. Чернышева, Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-1914 годы) в отечественной историографии [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Е. В. Чернышева. – Челябинск, 2011. – 45 с.
130. Чернуха, В. Г. Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60-70-х годов XIX в. [Текст] / В. Г. Чернуха // Общественная мысль в России : тр. ЛОИИ СССР. – Л. : Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1986. – Вып. 16. – С. 133-158.
131. Чумичева, Н. В. В. В. Берви-Флеровский – видный представитель народнической социологии [Текст] Н. В. Чумичева // Известия Саратовско-

- го университета. Новая серия. Серия социология, политология. – 2011. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 39-42.
132. Чумичева, Н. В. Вклад В. В. Берви-Флеровского в формирование эмпирической социологии в России [Текст] / Н. В. Чумичева // Известия Саратовского университета. Серия социология, политология. – 2011. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 49-51.
133. Чумичева, Н. В. Книга В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» - крупный вклад в становление отечественной промышленной социологии [Текст] / Н. В. Чумичева // Известия Саратовского университета. Серия социология, политология. – 2012. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 48-49.
134. Чумичева, Н. В. Социологические взгляды В. В. Берви-Флеровского на пути перехода российского общества к новому социальному строю [Текст] : автореф. дисс. ... канд. социолог. наук / Н. В. Чумичева. – Саратов, 2012. – 21 с.
135. Шкуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века [Текст] / П. С. Шкуринов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
136. Шнайдер, К. И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма [Текст] : автореф. дисс. ... док. ист. наук / К. И. Шнайдер. – Челябинск, 2013. – 48 с.
137. Шумигорский, Е. С. Исторический Ставрогин и русская молодежь второй половины XIX века [Текст] / Е. С. Шумигорский // Исторический вестник. – 1916. – № 4. – С. 265-272.
138. Юридический факультет Казанского университета: Два века образования и науки [Электронный ресурс]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 180 с. – Режим доступа : // <http://z3950/ksu.ru/ubis/urfak.pdf> (дата обращения 22.02.2014).
139. Якушин, Н. «...Что-то погасло вдали» [Текст] / Н. Якушин // Дом Острохова в Трубниках: Альманах. – М.: Ассоц. «Россия; СПб. : Златоуст. 1995. – Вып. 2. – 1998. – С. 353-358.